

НАЧАЛО И ХАРАКТЕРЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

П. ЩЕБАЛЬСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи.

(Катковъ и К^о.)

1865.

Дозволено цензурой. Москва, 13-го мая 1865 года.

DK183
54

Начиная рѣчь о важномъ и любопытномъ событіи, называемомъ Пугачевщиной, я долженъ прежде всего предупредить тѣхъ изъ моихъ читателей, которые знакомы съ литературой этого эпизода, что они найдутъ въ моемъ изслѣдованіи очень мало новаго. Я имѣлъ передъ глазами весьма немногіе рукописныхъ документовъ и черпалъ главнѣйше изъ печатнаго. Мнѣ кажется, однакожь, что внимательный пересмотръ того что хотя и сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ, но далеко не всѣмъ извѣстно, можетъ быть названъ дѣломъ не безполезнымъ. По числу расходящихся въ нашей публикѣ экземпляровъ *Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*, въ которыхъ напечатано много любопытныхъ извѣстій о Пугачевѣ, я считаю себя въ правѣ думать, что значительная масса читателей знакома съ Пугачевщиной только по *Исторіи Пугачевского Бунта*. Можно сомнѣваться, чтобы даже и всѣ тѣ, которымъ не чужды извѣстія обнародованныя послѣ Пушкина, имѣли досугъ и охоту группировать и классифицировать ихъ, задавать себѣ вопросы и искать на нихъ отвѣтовъ. Еслибы только новизна фактовъ составляла необходимое условіе исторической работы, то дѣло исторіи исчерпалось бы въ тотъ моментъ, когда были бы пересмотрѣны государственные и частные архивы. Мы видимъ, однакожь, что въ ту самую минуту, когда пишутся эти строки, издается сочиненіе объ

эпохѣ, письменные памятники которой уже переведены на большую часть европейскихъ языковъ, комментированы множествомъ европейскихъ ученыхъ и даже отчасти изучаемы въ школахъ, — и все-таки сотни тысячъ людей читаютъ новыя изсѣдованія о Цезарѣ.

Возбужденное Пугачевымъ движеніе принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ народныхъ движеній въ XVIII вѣкѣ; между тѣмъ мы имѣемъ о немъ лишь одно общее, болѣе или менѣе полное и удовлетворительное сочиненіе — Пушкина. Но Пушкинъ не зналъ очень многого, что въ настоящее время опубликовано въ специальныхъ изданіяхъ; онъ не имѣлъ въ виду различныхъ явленій чисто-народной, не государственной жизни, соприкасавшихся съ Пугачевщиной и ее объясняющихъ; наконецъ, по условіямъ, въ которыхъ находилась печать въ тридцатыхъ годахъ, Пушкинъ не могъ каснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, болѣе доступныхъ писателю нашего времени. И вотъ почему его весьма почтенный, впрочемъ, трудъ уже не удовлетворяетъ людей нашего времени. Они, конечно, въ правѣ желать большаго, нежели то что я могу имъ дать; они въ правѣ желать исторіи Пугачевщины, основанной на несомнѣнныхъ, документальныхъ фактахъ, которые освѣтили бы всѣ темныя стороны этого дѣла; но откладывая всякое изсѣдованіе по этому предмету, до того времени пока всѣ труды судной и слѣдственныхъ комиссій о Пугачевѣ будутъ обнародованы, оказали ли бы мы пользу русскимъ читателямъ? Едва ли. Можетъ-быть многое изъ того что теперь мы рѣшаемся выдавать за вѣроятное, или даже достовѣрное, будетъ опровергнуто, но кое-что уже и теперь установлено на прочномъ основаніи. Не станемъ же скрывать и этого немногаго. Оно все-таки есть приобритеніе.

Наиболѣе любопытные документы, могущіе служить для разъясненія какъ характера и хода Пугачевщины, такъ и главнаго дѣйствующаго въ ней лица, изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, въ *Чтеніяхъ* котораго напечатаны: 1) *Выписка изъ произведеннаго въ Оренбургской секретной комиссіи слѣдствія о первоначальномъ злодѣйскомъ замыслѣ и пр.* и 2) *Допросы Пугачева въ отдѣльной секретной комиссіи, что въ Яицкомъ-Городкѣ*. Первый изъ этихъ любопытныхъ документовъ,

къ сожалѣнію, не имѣетъ конца и составленъ по показаніямъ только однихъ сообщниковъ Пугачева, во время самаго мятежа. Что же касается до втораго документа, то онъ въ высшей степени интересенъ и важенъ и, вмѣстѣ съ исторіей Пушкина, послужилъ главнымъ основаніемъ настоящему изслѣдованію. Затѣмъ, нѣсколько современныхъ записокъ, напечатанныхъ въ послѣднее время или же хотя и старыхъ, но большею частію забытыхъ, множество историческихъ статей, хотя и не относящихся прямо къ настоящему предмету, но объясняющихъ людей и дѣла того времени, и, наконецъ, *Полное Собраніе Законовъ*, — вотъ довольно обильный запасъ матеріаловъ, съ помощію которыхъ я постараюсь, по возможности, разгадать Пугачевщину.

I.

Появленіе Пугачева и страшные размѣры, какіе приняло возмущеніе, сильно поразило умы современниковъ. Что за человѣкъ Пугачевъ? Откуда онъ взялся? Неужели въ самомъ дѣлѣ простой казакъ? Не скрывается ли за нимъ чей-нибудь тайной руки? Вотъ что говорили не только въ Россіи, но и за границей. При первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, графъ А. Орловъ, находившійся въ то время въ Италіи, выразилъ увѣренность, что онъ агентъ Французскаго двора. Вольтеръ былъ недалеко отъ подобной же увѣренности. Припоминая, что кавалеръ Тоттъ, одинъ изъ многочисленныхъ агентовъ, которыхъ разсылало французское правительство въ разныя стороны, находился въ это самое время между Буджакскими Татарами, Вольтеръ писалъ императрицѣ Екатерины: „Вѣроятно, кавалеръ Тоттъ разыгрываетъ эту фарсу.“ Въ своемъ отвѣтѣ государыня въ свою очередь замѣчаетъ о Пугачевѣ: что „до сихъ поръ нѣтъ причины заключать о его сношеніяхъ съ заграничными правительствами.“ Значитъ, она сама считала возможнымъ такое предположеніе; она даже дѣлала на это намеки въ своихъ откровенныхъ разговорахъ, какъ это видно изъ *Записокъ* Храповицкаго. Изъ отрывковъ изъ свѣдѣнія надъ Пугачевымъ, дошедшихъ до насъ, мы ви-

дамъ, что у него спрашивали, не находился ли онъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Онъ отвѣчалъ отрицательно; и дѣйствительно, пересмотрѣвъ переписку нашихъ посланниковъ при дворахъ: Прусскомъ (который императрица особенно подозрѣвала), Вѣнскомъ и Парижскомъ, мы не нашли ни малѣйшаго намека на сношенія ихъ съ Пугачевымъ. Нѣкоторые изъ этихъ дворовъ радовались нашимъ затрудненіямъ, начавшимся, какъ извѣстно, когда мы были въ разрывѣ и съ Польшей и съ Турціей, но чтобы они „выпустили“ Пугачева, на это нѣтъ доказательствъ.

Поздѣе, едва ли не въ близкое къ намъ время, составилось предположеніе: не былъ ли Пугачевъ орудіемъ партіи „недовольныхъ.“ Это предположеніе нигдѣ, впрочемъ, не было положительно формулировано, и на него лишь кое-гдѣ встрѣчаются намеки; поэтому и возражать на него затруднительно. Я коснусь далѣе этихъ намековъ, которыя мнѣ кажутся весьма мало основательными, но категорически опровергнуть ихъ не могу, не имѣя передъ глазами всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Прежде всего считаемъ не лишнимъ познакомиться съ положеніемъ края, въ которомъ явился самозванецъ, и въ которомъ въ продолженіе года свирѣпствовало страшное возстаніе.

Возмущеніе, начавшееся въ средѣ Яицкаго (Уральскаго) казачьяго войска, быстро сообщилось Оренбургскому краю, Башкиріи и Поволжью, или, употребляя нынѣшнія названія, изъ земли Уральскаго казачьяго войска, какъ главнаго своего центра, оно проникло чрезъ Оренбургскую губернію почти до Перми и Екатеринбургa, перешло за Каму, къ Волгѣ, въ губерніи: Самарскую, Астраханскую, Саратовскую, Пензенскую, Симбирскую, Казанскую и доходило до Нижняго-Новгорода и границъ Владимірской губерніи въ одну сторону, а въ другую — проникло въ ближайшіе уѣзды Тобольской губерніи и начинало волновать кочевыхъ Киргизовъ. Это почти тотъ же театръ дѣйствія, на которомъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ разыгрались подвиги Стеньки Разина. Сближеніе не случайное! Должны же быть какія-нибудь причины тому, что именно эта мѣстность была два раза въ теченіе ста лѣтъ театромъ такихъ значительныхъ волненій, запечатлѣнныхъ противупообщественнымъ и противугосударственнымъ характеромъ! Исслѣдуемъ же эти причины.

Отличительная черта этого обширнаго края состоитъ въ

томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ большую примѣсь иновѣрческихъ и инородческихъ племенъ, и притомъ такихъ племенъ, которыя или еще были кочевниками, какъ Киргизы и Калмыки, или у которыхъ кочевой бытъ спорилъ еще съ осѣдымъ, какъ у Башкиръ, или, наконецъ, которыя, подобно Татарамъ и Черемисамъ, хотя и достигли въ своемъ развитіи степени полной осѣдлости, но не свыкались еще съ формами гражданской жизни. Къ этому надо еще прибавить, что и самое русское населеніе этого края представляло особенности, благоприятствовавшія развитію между нимъ элементовъ броженія и беспорядка. Въ этомъ краѣ встрѣчаемъ въ большомъ размѣрѣ казачество,* въ то время еще повсюду протестовавшее противъ стѣсненія старинной казацкой воляницы; здѣсь же находимъ два важнѣйшихъ центра раскола, заключающаго въ самой сущности своей условія сопротивленія какъ вообще дѣйствіямъ правительства, утратившаго, по понятіямъ сектаторовъ, старинное православіе, такъ и формамъ жизни, слагавшейся въ обновленной, послѣ-Петровской Россіи. Всѣ эти особенности необходимо имѣть передъ собою, чтобы ясно представить себѣ и вѣрно понять причины успѣховъ Пугачева.

Равнины, раскинувшіяся вдоль сѣверо-западнаго берега Каспійскаго моря, прикасаясь, съ одной стороны, къ степнымъ пространствамъ Средней Азіи, а съ другой—къ землямъ Затеречныхъ горцевъ, искони были, и до сего времени еще остаются, поприщемъ азіатскихъ кочевниковъ. Равнинная полоса земли, находящаяся между южными склонами Общаго Сырта и Каспійскимъ берегомъ, перерѣзываемая теченіемъ Урала (по старинному, Яикъ), была всегда открытымъ путемъ, которымъ кочевыя орды вторгались изъ глубины Азіи въ Европу. Этимъ путемъ пришли въ XVII вѣкѣ и Калмыки, и разсыпавшись по равнинамъ, разстилающимся вдоль низовьевъ Волги, отгнѣснили отсюда Ногайцевъ къ Тереку. Они не затруднились дать Московскому правительству *шертныя* записи, выставляли даже своихъ всадниковъ для усиленія ратей царя Θεодора Алексѣевича, воевавшего противъ заднѣпровскихъ казаковъ и Турокъ, но въ то же время грабили пограничныя русскія поселенія и вели истребительныя войны съ другими

* Казаки яицкіе, оренбургскіе, астраханскіе и волжскіе.

кочевниками, напиравшими изъ-за Яика, съ Ногайцами и съ Закубанскими горцами, а ханы ихъ списывались съ Персидскимъ шахомъ, Крымскимъ ханомъ и даже Турецкимъ султаномъ, очевидно, не придавая большаго значенія своему подданству Русскому царю. Только астраханскому губернатору Волинскому, а еще болѣе Татищеву, въ царствованіе императрицы Анны, удалось дать имъ почувствовать дѣйствительность этого подчиненія и стать твердою ногой среди калмыцкихъ улусовъ, построеніемъ крѣпостей Ставрополя и Енотаевска. Но за то цѣлыя толпы ихъ стали уходить обратно за Яикъ, въ родную Азію, или за Кубань. * Въ царствованіе императрицы Елизаветы одна вѣтвь ханской фамиліи приняла св. крещеніе и обмѣнила свои кочевые улусы на вотчину въ одной изъ внутреннихъ русскихъ губерній; въ кочевьяхъ Калмыковъ явились русскіе пристава, и власть природныхъ владѣльцевъ начала дѣлаться болѣе номинальною чѣмъ дѣйствительною. Къ несчастію, управленіе русскихъ приставовъ, не имѣя за собою того авторитета, какимъ пользовались старинные ханскіе роды, мало отличалось отъ прежняго въ отношеніи самоуправства и злоупотребленій. Калмыки были уже настолько обезсилены, что не чувствовали себя въ состояніи дать отпоръ, но за то однажды поднялись съ своими стадами и кибитками и въ числѣ 169.000 человекъ откочевали за Уралъ (1771 г.).

Таково было одно изъ племенъ населявшихъ край, въ которомъ должна была разыгратъсѣ Пугачевщина. Другое инородческое племя были Башкиры. Имъ принадлежала вся страна, которая лежала за Камой, и которой примѣрными границами можно назвать Екатеринбургъ съ одной стороны, а съ другой—среднее теченіе Урала,—страна частью лѣсистая и гористая, а частію степная. Въ эту Закамскую область русское народонаселеніе проникло еще въ XVI вѣкѣ, вслѣдъ за покореніемъ Казани. До истеченія этого вѣка въ Башкирской землѣ стояли уже русскіе городки, между прочими Уфа; въ слѣдующемъ столѣтіи построены Красноуфимскъ и городки и острожки Стро-

* Татищевъ и его время, *Исторія Пугач. бунта*. Примѣчаніе, извлеченное изъ сочиненій о. Іоакима Вичурина. По его свидѣтельству, до 100 т. изъ числа Калмыковъ, откочевавшихъ изъ Россіи, было истреблено другими кочевниками во время ихъ слѣдованія отъ русскихъ границъ до китайскихъ.

гоновых по рѣкѣ Чусовой. Добровольные переселенцы начали прибывать въ этотъ край; въ немъ воздвиглось нѣсколько монастырей, между которыми громкую извѣстность имѣлъ Успенскій Дадматовъ монастырь, основанный въ половинѣ XVII вѣка. Но главный приливъ русскаго народонаселенія въ Башкирскій край начался при Петрѣ Великомъ, когда въ немъ были предприняты казенные и частные рудокопные промыслы, и основанъ главный горнозаводскій центръ, Екатеринбургъ. Богатый естественными произведеніями, хотя и суровый климатомъ, Башкирскій край сильно тянулъ къ себѣ русскую колонизацію, и правительственную и частную. Но это постоянно увеличивающееся число русскихъ поселеній раздражало Башкиръ и было главною причиною волненій между ними, продолжавшихся почти непрерывно во все XVIII столѣтіе. Присутствіе свое въ Башкиріи Русскіе должны были поддерживать силою, и вотъ почему мы замѣчаемъ здѣсь явленіе чрезвычайно рѣдкое въ нашей исторіи XVIII вѣка: разрѣшеніе, данное частнымъ лицамъ имѣть собственыя укрѣпленія съ орудіями, порохомъ, снарядами и гарнизонами. Демидову было дозволено довести укрѣпленія въ его заводахъ—Суксунскомъ, Ревдинскомъ и Барнаульскомъ,* а Строгоновымъ въ ихъ Соликамскихъ и Чардинскихъ имѣніяхъ.** Правительство, съ своей стороны, принимало энергическія мѣры къ утвержденію въ этомъ краѣ спокойствія. Чтобы отдѣлаться отъ Киргизскихъ ордъ, съ которыми Башкиры то вели опустошительныя войны, то соединялись противъ Россіи, возведена была Оренбургская линія, начиная отъ верховьевъ Урала до границъ Уральскаго войска. Первымъ звеномъ этой цѣпи была крѣпость Орская,*** потомъ Сакмарскій городокъ и, наконецъ, цѣлый рядъ фортовъ и редутовъ. Съ другой стороны, чтобы оградить отъ раззоренія русскія селенія, соствднія съ Башкирскою землею, вытянута, была такъ - называемая Закамская линія, состоявшая изъ ряда крѣпостей, фельдшанцовъ и редутовъ, расположенныхъ отъ Самары черезъ Бугурусланъ по на-

* П. С. З. № 8444

** П. С. З. № 5248.

*** Она названа была первоначально Оренбургомъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ это имя было перенесено на другое мѣсто, гдѣ сосредоточилось главное управленіе краемъ. (П. С. З. № 7876).

правленію къ Мензелинску. Вдоль этой линіи поселены были при императрицѣ Аннѣ большія слободы изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ и изъ охотниковъ, всякаго званія, * и, наконецъ, дозволено было частнымъ людямъ покупать земли у Башкиръ, **—дозволеніе, которымъ они, какъ извѣстно, широко воспользовались.

Такое сильное вторженіе русскаго элемента въ Башкирію произвело, какъ сказано, въ ней волненія, которыя почти не прекращались во все продолженіе XVIII вѣка. Возстаніе началось въ 1704 году, и нѣсколько разъ то прекращалось, то возобновлялось въ царствованіе Петра I; съ построеніемъ Орской крѣпости, въ 1735 году, оно возобновилось, продолжалось до 1742 и, наконецъ, вспыхнуло снова черезъ 13 лѣтъ. Видя, наконецъ, невозможность идти противъ этой силы, со всѣхъ сторонъ ихъ обхватывавшей и сжимавшей, Башкиры, подобно Калмыкамъ, рѣшились бѣжать и ушли въ числѣ 50.000 человекъ за Уралъ, къ Киргизамъ. ***

Таковы были глубокія потрясенія, сопровождавшія утвержденіе нашего владычества на нижнемъ Поволжьи и въ Приуральскомъ краѣ. Они простерлись и въ Заяицкія степи. Изъ числа трехъ кочевавшихъ въ нихъ Киргизскихъ ордъ, двѣ признали владычество Россіи въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Но, разумѣется, ихъ подданство было вначалѣ еще болѣе номинальное чѣмъ подданство Калмыковъ или Башкиръ, такъ какъ утвердить надъ ними власть было мудренѣе, а окружить ихъ кочевья линіей фортовъ не было никакой возможности: позади ихъ была степь, простиравшаяся до границъ Бухары и Китая. Они обязались охранять нашу границу отъ другихъ кочевниковъ, и обязательство это дѣйствительно исполняли, но за то сами безпрестанно врывались то къ Башкирамъ, то къ волжскимъ Калмыкамъ,—особливо къ послѣднимъ. Иногда яицкимъ казакамъ случалось отражать ихъ набѣги, но въ такомъ случаѣ они выжидали зимы, и мимо устьевъ Яика, по льду, Каспійскимъ моремъ, пробира-

* П. С. З. №№ 6.889, 7.315, 7.727; направленіе этой линіи означено въ *Обозрѣніи Оренбургскаго края* г. Жуковскаго.

** П. С. З. №№ 6.887, 6.890,

*** *Описаніе Киргизъ-Кайсайцукскихъ ордъ и степей*, Левшина.

лись въ кочевья Калмыковъ, уводили въ плѣвъ цѣлые улусы и угоняли стада.*

Излишне было бы говорить о прочихъ инородцахъ, обитавшихъ на луговой (лѣвой), а частію и на нагорной сторонѣ Волги, по Камѣ и за Камою. Мещераки, Тентеріи, Черемисы, наконецъ Татары, разбросанные по всему Поволжью, хотя издавна жили осѣдло, но огромное ихъ большинство еще не были христіанами; не далѣе какъ за тридцать лѣтъ передъ событіемъ, къ которому приступаемъ, Мордва одной изъ деревень въ окрестностяхъ Арзамаса, — города, отстоящаго отъ Москвы съ небольшимъ 400 верстъ, — отступилась отъ язычества: ** это одно можетъ дать понятіе о томъ, какая густая тѣма лежала въ этомъ краѣ лѣтъ сто тому назадъ, тѣмъ болѣе что, какъ сказано, и собственно-русское народонаселеніе въ немъ отличалось многими особенностями, враждебными правильнымъ формамъ гражданственности. Одна изъ главныхъ особенностей края, въ которомъ разыгралась Пугачевщина, — это находящіеся въ ней горные заводы съ прикрѣпленными къ нимъ горнозаводскими крестьянами. Этотъ видъ крѣпостнаго права былъ, повидимому, не самый легкій; работа, на которую опредѣлено было горнозаводское населеніе, едва ли не тяжелѣе полевой, и во всякомъ случаѣ она менѣе привычна русскому крестьянину, земледѣльцу по преимуществу. Если же къ этому прибавить, что заводы управлялись не самими владѣльцами, а наемниками, и преимущественно иностранцами, которые, сверхъ суровости, въ то время обыкновенной, вносили въ свои отношенія къ рабочему люду вовсе не скрываемое къ нему презрѣніе, то будетъ не трудно понять причины весьма нерѣдкихъ случаевъ неповиновенія и даже явнаго возмущенія со стороны заводскихъ крестьянъ. Такіе случаи стали особенно часто повторяться съ тѣхъ поръ, какъ часть казенныхъ заводовъ перешла, при императрицѣ Елизаветѣ, въ руки частныхъ людей, — Шуваловыхъ, Ягужинскихъ, Чернышевыхъ и др.; это засвидѣтельствовано формальнымъ свидѣтельствомъ.*** На многихъ изъ этихъ заводовъ приостановились

* *Опис. Кирензъ-Кайс. ордѣ.*

** *Ист. рус. церкви.* IV. 21.

*** *Рус. Вѣстн.* 1861 г. „Тысяча семьсотъ шестьдесятъ седьмой годъ“, Соловьева.

работы и нередко приходилось прибѣгать къ вооруженной силѣ, чтобы возстановить порядокъ и повиновеніе. При Петрѣ III оказалось нужнымъ послать на заводы особыя военныя команды,* которыми пришлось преодолевать открытое сопротивленіе. По вступленіи на престолъ Екатерины II, оно еще болѣе усилилось. Къ этому подало поводъ распоряженіе Екатерины, сдѣланное въ отмѣну указа Петра III о монастырскихъ и церковныхъ имуществѣхъ. Петръ III, какъ извѣстно, отнялъ у духовенства управленіе этими имѣніями, подчинилъ ихъ коллегіи экономіи, обложилъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ рублевымъ оброкомъ, но за то отдалъ имъ всю пахатную землю, а затѣмъ остальные земли и угодья монастырскія обратилъ въ арендные статьи. Всѣ эти доходы должна была получать коллегія экономіи и изъ нихъ производить денежныя и хлѣбныя отпуски на содержаніе монастырей и церквей. Указъ Петра III произвелъ въ высшемъ духовенствѣ большое раздраженіе противъ императора, не очень симпатичнаго духовному сословію и прежде того. Екатерина поспѣшила отмѣнить или, точнѣе, видоизмѣнить этотъ указъ, и назначила особую комиссію, составленную изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей, для того чтобы опредѣлить порядокъ управленія монастырскими имѣніями. Этой комиссіи, инструкціей ей данною,** повелѣвалось составить родъ инвентарей и ревизскихъ сказокъ по всемъ монастырскимъ и церковнымъ имѣніямъ, и распределить кому изъ крестьянъ быть на оброкъ и кому „на земледѣліи.“ Сопоставленіе земледѣлія съ оброчною повинностію заставляетъ предполагать, что подъ первымъ изъ этихъ названій надо подразумѣвать барщину. Вѣроятно то же самое разумѣли и тѣ, до которыхъ главнѣйше касался указъ. Поэтому крестьяне во многихъ мѣстахъ, и между прочимъ въ вотчинахъ Далматова монастыря, произвели сильныя волненія, которыя приходилось подавлять съ помощію военной силы. Повидимому, горнозаводскіе крестьяне примѣняли и къ себѣ силу указовъ о монастырскихъ и церковныхъ имуществѣхъ; указъ 1762 года произвелъ броженіе и между ними. По современнымъ извѣстіямъ, въ Петербургѣ находился въ это время какой-то крестьянинъ изъ числа заводскихъ, который, толкуя этотъ указъ по своему, и

* *Записки о жизни и службѣ Бибикова, стр. 44 и слѣд.*

** *Полн. Собр. Зак. № 11716.*

высылая къ своимъ землякамъ измѣненные и поддѣланные его экземпляры, произвелъ всеобщее смущеніе, а одинъ церковнослужитель, разъѣзжая по заводамъ, своими рѣчами усиливалъ раздраженіе. Императрица послала генералъ-квартирмейстера, князя Вяземскаго, чтобы разобрать это дѣло и привести крестьянъ къ повиновенію. Вяземскій успѣлъ открыть причины зла, заключавшіяся главнѣйше въ злоупотребленіяхъ со стороны начальствующихъ лицъ, но прекратить его не успѣлъ, будучи назначенъ въ должность генералъ-прокурора. Тогда на его мѣсто былъ отправленъ А. И. Бибииковъ, еще молодой генералъ-майоръ и почти молодой еще человекъ, но извѣстный уже какъ блестящій военный офицеръ и смѣлый защитникъ страждущихъ. * Полагаясь еще болѣе на силу убѣжденія нежели на могущество штыковъ, онъ самъ лично отправился на заводы и въ продолженіе года умиротворилъ край, подвергнувъ однакожь 20 человекъ ссылкѣ на каторгу, остальныхъ же, наиболѣе виновныхъ, 100 человекъ, „по легкомъ наказаніи,“ отпустилъ по домамъ.

Какъ бы ни были, однакожь, искусны дѣйствія Бибиикова, нельзя, впрочемъ, думать, чтобы онъ вырвалъ самый корень зла; онъ не прекратилъ, да и не могъ прекратить обязательныхъ работъ, и безъ сомнѣнія, не могъ искоренить смутной увѣренности крестьянъ въ томъ, что есть вокругъ престола люди, препятствующіе прекращенію обязательныхъ работъ. Эта увѣренность жила въ глубинѣ народной массы до нашихъ дней, и едва ли она не сильнѣе въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ гнѣзился расколъ, — а онъ былъ силенъ и на заводахъ, и во всемъ томъ край, гдѣ развернулось движеніе, возбужденное Пугачевымъ. Въ этомъ край было два великихъ центра раскола: въ Нижегородской губерніи и на Иргизѣ. Въ нижегородскихъ Керженскихъ лѣсахъ онъ прию-

* Онъ былъ назначенъ на мѣсто князя Вяземскаго въ 1763 году; ему было тогда 34 года. Передъ этимъ онъ былъ посылаемъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось подъ присмотромъ семейство принца Антона Брауншвейгскаго, для того чтобы увѣрить его въ желаніи императрицы облегчить, но постепенно, участь этого несчастнаго семейства, а самому же принцу сдѣлать предложеніе отправиться за границу. Возвратясь, Бибииковъ явился горячимъ, даже сапшомъ горячимъ заступникомъ заключенныхъ, какъ показалось императрицѣ, и былъ ею холодно принять.

тился съ самыхъ первыхъ дней своего существованія, и уже при Петрѣ I насчитывалъ тамъ десятки тысячъ своихъ приверженцевъ; * на Ирғизѣ, протекающемъ по нынѣшнимъ Оренбургской и Самарской губерніямъ, онъ явился позже; въ началѣ XVIII вѣка тамъ поселилось только 60 чело-вѣкъ; но въ короткое время число переселенцевъ-расколь-никовъ возросло до большихъ размѣровъ. Вместе съ тѣмъ возросла слава тамошняго Успенскаго монастыря, извѣстность и вліяніе котораго едва ли уступали знамени-тымъ скитамъ Выгорецкому и Вятковскому. „Удалятися и бѣгати надобно намъ въ антихристово время,“ восклицали раскольниковыя учителя, и толпы народа нахлынули на пу-стынные берега Ирғиза, Сакмары, Узени и др. Сюда же бѣжали крѣпостные холопы казанскихъ и симбирскихъ помѣщи-ковъ, солдаты, покидавшіе знамена, люди суевѣрно стра-шившіеся ревизіи; всѣ они уходили и приставали къ расколу. Эта эмиграція, сдѣлавшись въ самомъ дѣлѣ се-ріознымъ общественнымъ движеніемъ, облеклась какимъ-то таинственно-легендарнымъ покровомъ. Въ народѣ распро-странился слухъ, что первые бѣглецы въ низовое Заволжье, „порывъ землянки, живутъ тамъ счастливо и принимать будутъ впредь всѣхъ прихожихъ людей;“ что тамъ будто бы опредѣленъ какой-то майоръ Порубучъ, который обязанъ пе-щись о нихъ, и слухъ этотъ пользовался такимъ довѣрі-емъ, что толпы крестьянъ открыто дѣлали приготовления къ выходу за Волгу изъ ближайшихъ губерній.

Между этими двумя крайними и, такъ-сказать, опорными точ-ками раскола,—нижегородскими и иргизскими скитами,—по всему Поволжью нить его тянется непрерывно чрезъ Казанскую и Симбирскую губерніи; далѣе, отъ Ирғиза, онъ пустилъ отъ се-бя сильный отпрыскъ къ сѣверу, внутрь заводскаго управленія; еще Татищевъ, начальствовавшій здѣсь въ царствованіе импе-ратрицы Анны, доносилъ, что „раскольниковъ въ тѣхъ мѣстахъ умножилось, а наипаче что на партикулярныхъ заводахъ Деми-довыхъ и Осокиныхъ прикащики едва не всѣ, да и сами про-мышленники нѣкоторые—раскольники... и если оныхъ высылать, то, конечно, имъ заводовъ содержать нечѣмъ, и въ заводахъ Ея Императорскаго Величества будетъ не безъ вреда.... у Деми-дова въ лѣсу есть пустынь, гдѣ корень онаго суевѣрія на-

* Русскій расколъ старообрядчества, Щаповъ.

ходится.“ Наконецъ, отпрыскъ раскола направился и въ противоположную сторону,—внизъ по Яику: „всѣ яицкіе казаки ревностные подражатели расколу,“ читаемъ мы въ одномъ официальномъ документѣ, современномъ Пугачевскому бунту. То же самое можно было бы сказать и о казакахъ Волжскаго войска, образованнаго изъ переселенцевъ съ Дона, когда опасность со стороны Калмыковъ заставила устроить такъ-называемую Царицынскую линію, при императрицѣ Аннѣ. * Это войско было, впрочемъ, малочисленно и существовало не долго, ** а потому мы не остановимся на немъ, равно какъ и на Астраханскомъ войскѣ, а перейдемъ прямо къ Яицкому.

Яицкіе казаки съ XVI-го вѣка занимаютъ правый берегъ Урала, *** отъ того мѣста, гдѣ эта рѣка, покинувъ лѣсистыя холмы, которыми оканчивается Уральскій хребетъ съ южной стороны, круто поворачиваетъ къ югу и почти прямою линіей несется къ Каспійскому морю. Выходцы Донскаго казачьяго войска принесли на новыя занятія имъ мѣста старинныя казачьи преданія, и въ теченіе слѣдующихъ двухъ сотъ лѣтъ жили здѣсь *по-старинѣ*, не чувствуя надъ собою никакой власти, не ощущая никакой зависимости отъ кого бы то ни было и связанные съ остальною Россіей только единствомъ языка и вѣры. Ни мало не стѣсняясь отношеніями къ политикѣ Московскаго двора, они грабили персидскіе суда на Каспійскомъ морѣ и проникали въ Хиву задолго до извѣстной экспедиціи Бековича. Мѣстные преданія свидѣтельствуютъ, что чувство племенной связи, сознаніе родственности съ Московскимъ царствомъ никогда не изглаживались между яицкими казаками; память о всѣхъ важныхъ моментахъ нашей исторіи, отъ Куликовской до Полтавской битвы, жила между ними, и облеклась въ эпическія формы далеко не лишеннаго поэзіи эпоса. **** Но здѣшнее казачество, какъ и прочія, было несомнѣнно съ условіями крѣпкой монархіи, складывавшейся

* П. С. З. № 5.824. 6007.

** Послѣ Пугачевщины оно было перенесено на Терекъ и сдѣлалось ядромъ моздокскихъ и наурскихъ казаковъ.

*** *Ист. и стат. обзор. Уральскихъ казаковъ*, Левшина. Въ 1723 г., по повелѣнію Петра I, яицкимъ казакамъ учинена была перепись, причемъ оказалось всѣхъ казаковъ, состоящихъ на службѣ, 3.196.

**** Преданія уральскихъ казаковъ (*Русск. Вѣст.* 1859 г.)

въ Московскомъ царствѣ съ идеей государственнаго порядка, положенной въ его основаніе. Казачество, когда оно было тѣсно со другими сторонами, охотно льнуло къ Москвѣ, но слиться съ нею не желало; такъ, на Яикѣ, будучи устранено отъ непріязненныхъ вліяній, оно, такъ-сказать, осторожно сторонилось отъ Москвы, и тѣмъ крѣпче держалось своихъ особенностей, чѣмъ замѣтнѣе были перемѣны, совершавшіяся въ Московскомъ государствѣ. Вѣка протекшіе до Петрова царствованія можно назвать патриархальною, или пожалуй, богатырскою эпохой Яицкаго войска. Преданія, сохранившіяся отъ этихъ временъ, пахнутъ какою-то самобытною, душистою поэзіей; это поэзія юношескаго возраста, за которымъ, однакожь, неминуемо должна была послѣдовать возмужалость, съ ея серьезными, строгими интересами. Духъ преобразования коснулся и яицкихъ казаковъ, и хотя несравненно слабѣе чѣмъ прочихъ частей Россіи, но настолько, однакожь, что возбудилъ противъ себя глухую, непріязненную оппозицію. Между ними учинена была въ 1723 г. перепись, — дѣло возбуждавшее и въ другихъ мѣстностяхъ большое неудовольствіе; вмѣсто выборныхъ атамановъ, Петръ I назначилъ атамана по своему усмотрѣнію; при императрицѣ Аннѣ сдѣланы были попытки ввести въ управленіе войскомъ письменность и штуровыя книги для войсковыхъ суммъ. * Все это сильно не нравилось казакамъ. Въ то же время раскольничьи скиты на Иргизѣ начали быстро населяться людьми, бѣжавшими не столько отъ религіозныхъ гоненій (которые были несравненно слабѣе при Петрѣ чѣмъ при его предшественникахъ), сколько отъ нововведеній, отвергаемыхъ духомъ старообрядчества. Яицкіе казаки, державшіеся стараго закона, меньше нежели кто-нибудь могли жаловаться, чтобъ имъ чинились націлія съ этой стороны; будучи, какъ они говорили, „пожалованы отъ царя Михаила крестомъ и бородой,“ они оставались при бородѣ и при старообрядческомъ крестѣ; но между ними, такъ же какъ и между другими казацкими войсками, ходила молва, что правительство хочетъ обратить всѣхъ казаковъ въ солдаты и обучать ихъ драгунскому строю. Но если между донскими и украинскими казаками всякое прикосновеніе къ ихъ стариннымъ бытовымъ особенностямъ произво-

* *Ист. обзор.*, Левшина.

дило раздраженіе, то тѣмъ сильнѣе оно должно было обнаруживаться въ средѣ населенія, отдаленнаго отъ европейскіхъ формъ жизни степями и пустынями, окруженнаго кочевыми народами, дикій бытъ которыхъ не могъ не отражаться до нѣкоторой степени и на нихъ. Въ то время когда Россія вступила уже въ непосредственную связь съ Европой, и когда всѣ силы ея, сплоченныя и совоккупленныя, напряжены были для разрѣшенія, вмѣстѣ съ другими странами, задачъ всемірной исторіи, яццкіе казаки желали бы оставаться относительно Русской Имперіи въ положеніи ея добрыхъ друзей, ограждающихъ ея предѣлы отъ азіатскихъ кочевниковъ, но непричастныхъ совершающемуся въ ея судьбахъ и бытъ перевороту.

Таково было Волжское Низовье и вообще весь этотъ край, присоединенный къ Россіи послѣ паденія Казани. Это былъ край, можно сказать, юный; гражданственность едва начинала проникать въ него; въ немъ были еще могущественны дикія силы; его инстинкты были необузданны; Азія преобладала еще въ немъ надъ Европой. Онъ считался „воровскимъ краемъ“ даже въ тѣ времена, когда, какъ напримѣръ, при императрицѣ Аннѣ, подъ Москвой и Петербургомъ разбои производились явно, вооруженныя шайки нападали на подмосковныя усадьбы, и воинскія команды должны были конвоировать проѣзжающихъ между обѣими столицами. * Волга сохранила въ этомъ отношеніи неоспоримое первенство. Одною изъ главныхъ цѣлей при учрежденіи Волжскаго казачьяго войска было охраненіе коммерціи и судоходства по Волгѣ; однакожь, его присутствіе приносило немного пользы, и подтвержденія о поимкѣ разбойниковъ и грабителей продолжаются до конца XVIII вѣка. Въ 1744 году, при слѣдованіи по Волгѣ китайскаго каравана, на него нападали даже по сю сторону Казани. Караванъ отбивался отъ разбойниковъ пушками, и насчиталъ на своемъ пути болѣе 50 разграбленныхъ судовъ. Вслѣдствіе этого, въ самомъ дѣлѣ, скандальнаго случая, въ низовые города, на Волгу и Каму, посланы были особо-назначенные штабъ-офицеры; команды, имъ ввѣренныя, должны были разѣзжать сухимъ путемъ и водою, пѣше и конно. Призывались самыя народонаселенія для искорененія разбоя, увѣщавались, чтобы не дава-

* Пол. Собр. Зак. № 6.772 и 6.781 и мн. др.

ли приюта бродягамъ, а за завѣдомое пристанодержательство имъ угрожалось смертною казнію. Въ инструкціи, данной *сыщикамъ*, они предупреждались, что могутъ имѣть „бои“, а „буде же воровскія станицы явятся гораздо многолюдны, то въ прибавку къ своей командѣ брать изъ мѣстныхъ командъ помѣщичьихъ людей.“* Въ 1756 году сыскное дѣло было организовано на широкую ногу; всѣ прежде отправленные сыщики были подчинены главнымъ, въ распоряженіе которыхъ отведены извѣстные районы.** Но разбойничество продолжалось и не уничтожилось даже въ царствованіе Екатерины II. Нѣкоторые случайныя обстоятельства могли еще усилить его. Писатель, спеціально занимавшійся воровскими и разбойными дѣлами, г. Мордовцевъ, полагаетъ, и кажется не безъ основанія, что энергическія мѣры, принатыя противъ гайдамачины на Украинѣ и въ Запорожьѣ (1768), и послѣдствія моровой язвы въ Москвѣ увеличили на Низу число буйныхъ головъ. Большое передвиженіе началось, говоритъ онъ, послѣ жестокаго усмиренія бунта гайдамаковъ: получивъ сильный отпоръ за Днѣпромъ, они разсыпались по всей южной и восточной половинѣ Россіи *съ нуждою за голенищемъ**** Дѣйствительно, въ семидесятыхъ годахъ, передъ Пугачевщиной и спустя нѣсколько лѣтъ по ея усмиреніи, на Волгѣ, Иловлѣ, Бузулукѣ, появляется цѣлая масса знаменитыхъ разбойничьихъ атамановъ, каковы: Ивановъ, Кулага, Брагинъ, Зубакинъ, Заметаевъ, Сучковъ, Южанниковъ, Тарелкинъ и др. Шайки этихъ отважныхъ злодѣевъ, говоритъ названный нами изслѣдователь, состояли изъ многихъ десятковъ человекъ и вербовались изъ лицъ всевозможныхъ состояній: казаковъ, Малороссіянъ, бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ; косвенно къ нимъ нерѣдко принадлежали помѣщики, духовенство и чиновники. „Разбойничьи станы этихъ шайкъ находились не въ одномъ мѣстѣ: они собирались то въ одинъ притонъ, то въ другой; сегодня станъ ихъ на Медвѣдицѣ, на Иловлѣ, а черезъ мѣсяцъ они держатъ *воровской советъ* гдѣ-нибудь за 300—400 верстъ оттуда.“ Какъ многочисленны были разбойничьи шайки, и изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ онѣ составлялись, видно изъ того,

* П. С. З. № 10.650.

** П. С. З. № 9.025.

*** Атаманъ Брагинъ и пр. (Рус. Вѣст. 1862 г.).

что одна изъ воинскихъ командъ, направленныхъ противъ разбойниковъ въ описываемое нами время, захватила 86 человекъ, изъ которыхъ было три попа, одинъ дяконъ, три церковника, четыре рекрута, десять однодворцевъ и шестьдесятъ пять крестьянъ. Весьма нерѣдко, при Екатеринѣ, какъ и при Аннѣ Иоанновнѣ, сами воинскія команды подвергались нападеніямъ со стороны разбойниковъ. Такъ въ 1770 году плылъ по Волгѣ [сержантъ Дрезягинъ съ нѣсколькими солдатами; на нихъ напала лодка съ разбойниками, человекъ до двадцати, и вступила въ открытый бой. *

Таковъ, вообще говоря, былъ характеръ занимающей насъ мѣстности. Къ этому прибавимъ еще одно замѣчаніе. Одна изъ самыхъ выдающихся особенностей края, въ которомъ разыгралась Пугачевщина,—или, по крайней мѣрѣ, гдѣ она возникла и развернулась,—состоитъ въ отсутствіи образованнаго, вліятельнаго и консервативнаго элемента. Въ самомъ дѣлѣ, дворянство начало проникать за Каму и Волгу лишь около половины XVIII вѣка, да и теперь въ этомъ краѣ есть мѣстности (Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи), гдѣ дворянства нѣтъ вовсе, и гдѣ на два уѣзда одинъ, общій обоимъ, предводитель дворянства. Поэтому, населеніе края, гдѣ первоначально возникло возмущеніе, представляло массу доступную постороннимъ вліяніямъ, матеріалъ удобный для демагогическаго движенія, какимъ была Пугачевщина. Перейдя на правый берегъ Камы, она встрѣтила сильную поддержку со стороны крѣпостныхъ крестьянъ,—это несомнѣнно,—и даже развернулась здѣсь съ удвоенною свирѣпостію; но она едва ли была бы въ состояніи возникнуть съ такою же легкостію въ другой какой-нибудь мѣстности, гдѣ встрѣтила бы частыя помѣщичьи усадьбы, съ какою возникла въ томъ краѣ, гдѣ руководителями массы были баткирскіе старшины, казачьи урядники и раскольниковы начетчики.

Что касается собственно до Земли Яицкаго войска, то въ ней заключались особливые и весьма важные элементы для будущихъ успѣховъ самозванца. Главное богатство казаковъ состояло въ рыбномъ про-

* „Понизовая вольница“ (Рус. Слово 1860).

мысль на Уралъ и Каспійскомъ морѣ; подобно тому какъ земля съ ея плодами, степь съ ея разнообразною дичью, воды рѣчныя и морскія были собственностью и достояніемъ всего войска, всей казачьей общины; зимою и лѣтомъ, на морѣ и на рѣкѣ, гдѣ бы и когда бы ни производилась ловля, она производилась всѣмъ обществомъ, по распоряженію войсковой канцеляріи и подъ предводительствомъ особо назначаемаго на этотъ случай атамана. Самыя важныя изъ этихъ ловль суть *багрень*, производимое во второй половинѣ декабря, посредствомъ багровъ, опускаемыхъ въ проруби, и *плавни*, весенняя и осенняя; первая изъ нихъ начиналась тотчасъ по вскрытіи Урала, въ апрѣлѣ, а вторая—съ 1-го октября. * Почитая Уралъ своею собственностію, казаки придумали средство монополизировать заключающуюся въ ней рыбу: такъ какъ она въ эту рѣку заходитъ изъ моря, то они сдѣлали, еще въ весьма давнія времена, у Яицкаго-Городка (Уральска), крайняго пункта своихъ владѣній къ сѣверу, заколъ или *учугъ*, который не пропускаетъ рыбу подниматься выше, къ границамъ Башкиріи. Рыба спиралась въ этомъ мѣстѣ въ такомъ множествѣ, разказывали Пушкину уральскіе старожилы, что учугъ иногда ломался отъ ея напора, и ее принуждены бывали разгонять пушечными выстрѣлами. Но подобный же учугъ былъ сдѣланъ казною ниже Яицкаго-Городка, у Гурьева, отчего естественно потерпѣлъ рыбный промыселъ казакъ. ** По ходатайству ихъ, Петръ Первый приказалъ разобратъ Гурьевскій учугъ на восемь сажень отъ каждаго берега, и рыба опять пошла въ дачи Яицкаго войска. Въ послѣдствіи оно взяло на себя откупъ Гурьевскаго учуга за 5.600 рублей въ годъ; этотъ учугъ былъ тогда снятъ, и весь рыбный промыселъ на нижнемъ Яикѣ сдѣлался собственностію войска, а арендная плата взималась съ казакъ по раскладкѣ. Это подало поводъ къ злоупотребленіямъ. Войсковые старшины, которые дѣлали раскладку, дѣлали ее такъ что вмѣсто 5.600 рублей собирали тысячъ до двадцати. Было еще и другое предпріятіе, производившееся, такъ же какъ и предшествую-

* *Ист. Цугач. бунта. Прилѣж.*

** Чт въ общ. ист. и др. 1859. Выпуска и пр.

щее, всѣмъ обществомъ и подавшее поводъ къ неудовольствію: взять былъ на откупъ соляной сборъ съ отвозной рыбы, распоряженіе которымъ поручено было атаману. Вотъ эти-то промышленныя предпріятія и произвели нескончаемыя ссоры между старшинами и остальными казаками. Еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка между ними происходили самыя ожесточенныя пререканія. Главнымъ противникомъ атамана (Меркульева) и его пособниковъ былъ старшина Логиновъ, про котораго и самого ходили не совсѣмъ выгодныя слухи: говорили, что онъ сдѣлался врагомъ атамана, потому что тотъ не подѣлился съ нимъ своими барышами... * Какъ бы, впрочемъ, ни было, только Логиновъ является главой оппозиціи или „войсковой стороны“ противъ „старшинской.“ Дѣло восходило до военной коллегіи, которая въ 1740 году рѣшила споръ въ пользу войсковой стороны; Меркульевъ былъ смѣщенъ, хотя огромныя, взведенныя на него начеты и вѣрно было съ него не взыскивать „за службы отца его, такожъ и его показанныя извѣстныя вѣрности.“

Такимъ рѣшеніемъ, конечно, казаки не могли вполне удовольствоваться. Видя что дѣло ихъ принимаетъ въ Петербургѣ не совсѣмъ хорошее направленіе, они отправили было отъ всего войска депутацію, но она была задержана и посажена подъ караулъ Татищевымъ, управлявшимъ тогда Оренбургскою губерніей. Антагонизмъ между казаками продолжался и при послѣдующихъ атаманахъ, между прочимъ, и при Бородинѣ, который былъ атаманомъ въ описываемое нами время, то-есть передъ появленіемъ Пугачева: старшины грабили казаковъ, казаки оказали неповиновеніе и произвели безпорядки. „Вотъ, говоритъ одно официальное извѣстіе, самая начальная причина, отъ которой напослѣдокъ произошли великіе раздоры и неурядицы!“— „Не давайте старшинамъ денегъ, когда станутъ требовать по раскладкѣ за откупа, говорилъ Логиновъ; пусть прежде отчетъ дадутъ за прежнее время!“

Войско послушалось его и не дало денегъ, а старшины, въ свою очередь, не дали войску жалованья и представили военной коллегіи, что казаки бунтуютъ. Подобное представ-

* Чтен. 1859, а также П. С. З. № 8.215.

леніе весьма естественно требовало назначеніе слѣдствія, и оно было назначено (1766). Присланный для этого генералъ Потаповъ, во главѣ комиссіи состоявшей изъ пяти лицъ, представилъ дѣло въ свѣтѣ неблагопріятномъ для войскового начальства: на старшинъ наложенъ штрафъ, и велѣно взыскать съ нихъ удержанное ими жалованье, лишить ихъ старшинскаго достоинства и ни въ какіе выборы впредь не выбирать, чѣмъ войсковые казаки вообще остались довольны, хотя нѣкоторые и съ ихъ стороны за живые доносы были наказаны. Но, замѣчаетъ officialный актъ, которымъ мы руководствуемся, все то что касалось въ этой конфирмаціи до простыхъ казаковъ было исполнено очень скоро, между тѣмъ какъ то что касалось до старшинъ не только не было исполнено, но майоръ Новокрещеновъ, которому было поручено исполненіе конфирмаціи, вовсе даже и не объявилъ войску этой второй ея половины. Казаки требовали, чтобъ имъ была прочтена вся конфирмація; Новокрещеновъ сказалъ имъ, чтобъ они пришли къ нему, на его дворъ, гдѣ онъ ее и объявитъ; но вмѣсто того, когда толпа собралась, онъ хотѣлъ заставить отлѣзть новые выборы, по его указанію. Казаки воспротивились этому и стали укорять его, что онъ закрываетъ старшинъ, а онъ представилъ военной коллегіи, что казаки бунтуютъ снова.

По донесенію Новокрещенова, прибылъ генералъ Череповъ (1767) * съ указомъ военной коллегіи, въ которомъ казакамъ строго предписывалось повиноваться и воздерживаться отъ безпорядковъ. Череповъ, пріѣхавъ въ Яицкій-Городокъ, собралъ кругъ и велѣлъ читать указъ; но, замѣтивъ что казаки стоятъ слишкомъ далеко, и какъ бы нарочно не слушаютъ читаемаго, приказалъ имъ подойти ближе; они приблизились, но видимо съ неохотою. „Сіе упрямство ихъ такъ разгорячило Черепова, что онъ приказалъ драгунамъ стрѣлять въ нихъ изъ ружей, и выстрѣлено было три раза, и убито нѣсколько человѣкъ.“ Этотъ бѣшеный поступокъ, если онъ переданъ вѣрно, къ удивленію, перенесенъ былъ казаками спокойно; они дослушали указъ, но послали въ Петербургъ жалобу и на Черепова и на Новокрещенова. По этой жалобѣ былъ присланъ гвардіи капитанъ Чебышевъ, который обошелся съ казаками кротко, успокоилъ ихъ, произвелъ выбо-

* Этотъ годъ показанъ Левшинымъ.

ры, и поручивъ новому атаману, Тамбовцеву, взыскать со старшинъ штрафы и удержанное у казаковъ жалованье, возвратился въ Петербургъ, привезя туда самыя успокоительныя извѣстiя.

Вскорѣ по его отъѣздѣ оказалось, однакожь, что Тамбовцевъ передался на сторону старшинъ, не все взыскавъ съ нихъ и, вопреки указу военной коллегiи, назначилъ ихъ въ походныя атаманы и другія должности. Это снова возбудило раздраженiе въ казакахъ, которые начинали было успокоиваться,—а тутъ еще вышло распоряженiе, которое подлило, такъ-сказать, на огонь масло, и обратило негодованiе Яицкаго войска уже не на старшинъ, а на правительство. Распоряженiе это состояло въ приказанiи, полученномъ изъ Петербурга, о формированiи такъ-называемаго „Московского Легиона.“ * Въ этомъ „легионѣ“ должны были соединиться подъ одною общею командою бригадира, или генерала изъ регулярныхъ войскъ, всѣ роды оружiя: артиллерiя, гренадерскiя и мушкетерскiя роты, эскадроны карабинеровъ и казачьи сотни,—соединенiе, которое должно было въ высшей степени казаться антипатичнымъ казакамъ, дорожившимъ своею самородною тактикой и считавшимъ себя неизмѣримо выше солдатъ. Отъ Яицкаго войска требовалось въ Московскiй легионъ триста двадцать пять человѣкъ. Это распоряженiе, казалось, совершенно оправдывало постоянное опасенiе всего русскаго казачества со временъ Петра Перваго, будто съ нимъ хотятъ покончить, завести между казаками регулярный строй и обратить ихъ въ крестьянъ. Казаки рѣшительно отказались поступать въ легионъ, а атаманъ, желая исполнить волю начальства, хваталъ, сажалъ подъ караулъ и наказывалъ тѣхъ, которыхъ почиталъ главными виновниками сопротивленiя. Казаки, помня благосклонное для нихъ рѣшенiе, полученное изъ Петербурга, по представленiю генерала Потапова, рѣшились и въ настоящемъ случаѣ искать тамъ защиты: они послали депутацию просить освобожденiя отъ легионной службы, которую, представляли они, нести имъ невозможно, такъ какъ они должны были бы лишиться бородъ. Надежда ихъ не обманула: государыня повелѣла исполнить ихъ желанiе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для окончательнаго разбора ихъ жалобъ на старшинъ, въ 1770 г. посланы были гвардiи капитанъ Дурново

* См. приложенiе I въ концѣ статьи.

и командовавший войсками въ Оренбургѣ генералъ Давыдовъ. Этотъ послѣдній вскорѣ получилъ, однакожь, другое назначеніе, а вмѣсто него назначенъ былъ генералъ фонъ-Траубенбергъ. По прибытіи Дурново и его товарища, казаки стали требовать, чтобы они прочли имъ свою инструкцію, и прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ разсѣдованіямъ, исполнили то чтò оставалось неисполненнымъ по прежнему указу военной коллегіи, то-есть довысказали бы со старшинъ штрафы и удержанное казачье жалованье. Дурново и Траубенбергъ почему-то медлили исполнить это справедливое желаніе казаковъ и водили ихъ общаніями, а казаки „приходили въ бѣшенство,“ тѣмъ болѣе что смѣнные атаманы и старшины начинали вертѣться вокругъ новоприбывшихъ.

Между тѣмъ возвратилась въ Яицкій-Городокъ депутація, ѣздившая въ Петербургъ, и въ числѣ прочихъ сотникъ Кирпичниковъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей войсковой стороны; онъ, по принятому порядку въ военной службѣ, явился немедленно, по прибытіи, къ Дурново, какъ къ старшему въ городѣ военному лицу, былъ имъ принятъ и отпущенъ; но атаманы, узнавъ о его пріѣздѣ, тотчасъ послали старшину Бородину съ нѣсколькими казаками, чтобы взять его подъ караулъ. Увидя приближающуюся команду, Кирпичниковъ заперъ двери и спрятался, а жена его объявила пришедшимъ, что его нѣтъ дома; они стали ломиться; на улицѣ началъ собираться народъ; поднялась съ той и другой стороны перебранка, которая кончилась тѣмъ, что Бородинъ захватилъ двоихъ изъ наиболѣе шумѣвшихъ, и велѣлъ тащить ихъ на арканѣ въ войсковую канцелярію. Въ одну минуту тревога распространилась по всему Городку; народъ повалилъ къ канцеляріи, и встрѣтивъ одного изъ тѣхъ, которые волочили захваченныхъ у дома Кирпичникова двухъ казаковъ, избилъ его и засадилъ въ домъ Толкачева,—сторонника войсковой партіи и будущаго пособника Пугачева. Составился кругъ, на которомъ рѣшено было послать къ Дурново, просить его объ освобожденіи двухъ арестованныхъ казаковъ и объявить притомъ, что пока они не будутъ освобождены, посаженный въ домъ Толкачева казакъ выпущенъ не будетъ. Дурново и Траубенбергъ послали убѣждать казаковъ разойтись, но тѣ и слышать не хотѣли; толпа ежeminутно росла и не расходилась даже при наступленіи темноты.

Это было въ началѣ января 1772 года. Волненіе казаковъ становилось въ самомъ дѣлѣ серьезнымъ; комиссары сдѣлали распоряженіе, чтобы состоявшая при нихъ регулярная команда находилась въ готовности, и стали ожидать, не принесетъ ли ночь добраго совѣта казакамъ. Но ничто не помогало. Многие ночевали на площади, несмотря на крещевскую стужу, а чѣмъ-свѣтъ весь Городокъ былъ опять въ сборѣ, шумѣлъ на площади и послалъ сказать Дурново, что „все войско идетъ упасть къ его ногамъ,“ прося защиты и правосудія. Дурново обѣщалъ исполнить все, чего они просили,—*черезъ недѣлю*. Черезъ недѣлю! зашумѣла толпа; долго откладывавать! и потянулась къ квартирѣ Дурново, неся „почти каждый комиссіонерамъ (комиссарамъ) по подарку: кто дубину, кто палку, а кто и саблю.“ Тогда комиссары собрали свою команду и казаковъ старшинской стороны и, волоча пущки, вышли навстрѣчу толпѣ, а между тѣмъ дали знать въ Оренбургъ, что въ Яицкѣ открытій бунтъ. Увидѣвъ регулярную команду, казаки остановились и послали священника сказать Дурново, что они „никакого зла не намѣрены дѣлать,“ а идутъ просить его, чтобы онъ прочелъ имъ свою инструкцію и порѣшилъ бы со старшинами. Но Дурново велѣлъ повторить прежній отвѣтъ и объявилъ, что если они не разойдутся тотчасъ, онъ будетъ стрѣлять. Казаки, не довольствуясь такимъ отвѣтомъ, двинулись далѣе, неся передъ собою образа. Дурново еще разъ послалъ убѣждать ихъ, обѣщаясь исполнить ихъ желаніе „черезъ короткое время,“ казаки, съ своей стороны, отправили къ нему попа, въ сопровожденіи Шигаева (имя, которое мы скоро снова встрѣтимъ), требуя, чтобы его обѣщаніе было исполнено нынче же, а между тѣмъ подвигались впередъ. Тогда по нимъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ орудія... Въ одно мгновеніе мирное шествіе обратилось въ яростную атаку: казаки кинулись на пущки, измѣли солдатъ и старшинскихъ казаковъ и били все что попадалось подъ руку. При этомъ погибли генералъ Траубенбергъ, атаманъ Тамбовцевъ и нѣсколько казаковъ и солдатъ; израненный Дурново едва успѣлъ скрыться. Затѣмъ дворы ненавистныхъ старшинъ были взяты на коньѣ.

Очнувшись, казаки поняли, что дѣло зашло слишкомъ далеко и поспѣшили послать въ Петербургъ депутатовъ съ объясненіями. Между тѣмъ, по полученіи извѣстія объ яицкихъ безпорядкахъ, изъ Москвы была отправлена на почтовыхъ рота grenadierъ

подъ командою генерала Фреймана. Онъ захватилъ сначала въ Оренбургѣ, выждавъ тамъ чтобы спало весеннее половодье, и присоединивъ къ привезенной имъ ротѣ „двѣ легкія команды“ (?) и казаковъ, да нѣсколько орудіи, выступилъ къ Яицкому-Городку. Тамъ между тѣмъ горячія головы взяли верхъ въ казачьихъ кругахъ, и въ первыхъ числахъ іюня, когда Фрейманъ приблизился, къ нему навстрѣчу вышли уже не съ образами и хлѣбомъ-солью, а съ оружіемъ. 3 и 4 числа были горячія схватки; Фрейманъ одержалъ верхъ; казаки кинулись въ Городъ, забрали свои семейства и пустились было внизъ по Яику, въ намѣреніи будто бы, по словамъ Рычкова, овладѣть Астрабадомъ; но увѣщаніями людей, посланныхъ отъ Фреймана, были удержаны; большая часть изъ нихъ возвратилась, а тѣ, которые не надѣялись получить помилованіе, были взяты силою.

Тогда открыта была уже не въ Яицкѣ, а въ Оренбургѣ слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ полковника Неронова. „Множество мятежниковъ было туда отправлено,“ говоритъ Пушкинъ. „Въ тюрьмахъ не достало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ гостиннаго и мѣноваго дворовъ. Прежнее казачье правленіе было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту, подполковнику Симону. Въ его канцеляріи повелѣно присутствовать войсковому старшинѣ, Мартемьяну Бородину, и „простому“ старшинѣ (Пушкинъ замѣчаетъ: какой это чинъ — не знаю), Мостовцову; зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около 140 человекъ сосланы въ Сибирь, другіе отданы въ солдаты (всѣ бѣжали); остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ.“

Яицкъ притихъ, но не успокоился. „То ли еще будетъ!“ говорили казаки. „Такъ ли грянемъ Москвою!“

II.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1772 года, на одинъ изъ форпостовъ (Добрянскій, Черниговской губерніи), выставленныхъ вдоль тогдашней польской границы, явился человекъ, — по наружности крестьянинъ или мелкій купецъ, — и объявилъ, что желаетъ видѣть начальника поста. Это былъ мужчина лѣтъ около сорока на видъ, средняго роста, широкоплечій и сухощавый, смугловатый лицомъ, слегка рябоватый, съ темнорусыми волосами на головѣ и съ черною почти бородой, которая была

рѣдка на щекахъ, а на подбородкѣ торчала клиномъ, и въ которой пробивалась сѣдина.

Эта начинавшаяся сѣдина, показывающаяся обыкновенно довольно поздно у нашихъ простолюдиновъ, рѣзко противорѣчила съ необыкновенною живостью прищельца и съ быстротою его большихъ темнокарихъ глазъ. Ему и дѣйствительно было не болѣе 33 или 34-хъ лѣтъ отъ роду. * Когда начальникъ форпоста, майоръ Меньшиковъ, допустилъ его къ себѣ, онъ сказалъ:

— Желаю воспользоваться милостивымъ указомъ императрицы и выслѣдиться въ Россію.

— А что ты за человѣкъ?

— Пензенскій купецъ и раскольникъ, Емельянъ Ивановъ.

Это былъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.

Въ это время большое число раскольниковъ выходило изъ-за польской границы, пользуясь манифестомъ 1762 г., ** приглашавшимъ ихъ возвратиться на родину, а потому желаніе, выраженное многими пензенскимъ купцомъ и раскольниковъ Ивановымъ, не возбудило ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Гдѣ ты желаешь поселиться? спросилъ у него майоръ.

— На Иргизѣ.

* Чтен. 1858 и 1859. Относительно наружности Пугачева, см. Прилож. II.

** 4-го декабря 1762 г. былъ обнародованъ манифестъ, которымъ дарована полная амнистія всѣмъ русскимъ выходцамъ, съ приглашеніемъ возвратиться въ отечество: „Вѣгавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ съ обнадеживаніемъ, что имъ хотя бы по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однакожь всѣхъ ихъ до сего преступленія прощаемъ“... (П. С. З. № 11.720). Вслѣдъ затѣмъ, 14 декабря (№ 11.725), изданъ былъ сенатскій указъ, который спеціальнѣе касался раскольниковъ, и объявлялъ, что за исключеніемъ двойнаго оклада, они будутъ пользоваться правомъ причисляться къ государственнымъ крестьянамъ и мѣщанамъ, хотя бы они передъ тѣмъ были и крѣпостные, получать землю для населенія въ Воронежской, Вѣлгородской и Казанской губерніяхъ, и будутъ освобождены отъ всѣхъ повинностей на шесть лѣтъ. Послѣдовавшимъ затѣмъ сенатскимъ указомъ, отъ 20 января 1763 (№ 11.738), предписывалось не только не задерживать выходцевъ на границѣ или въ пути, но во время слѣдованія на избранныя мѣстожительтва отводить имъ квартиры. Были и позднѣе указы подобныя вышеприведеннымъ, напримѣръ, указъ 1764 года, касавшійся преимущественно раскольниковъ, жившихъ на Вѣткѣ (№ 12.260) и др.

Тамъ дѣйствительно отводились мѣста для выходцевъ. Пропускъ былъ ему выправленъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими выходцами; но какъ въ это время въ королевствѣ Польскомъ была чума, то Пугачеву пришлось высидѣть въ карантинѣ.

Но какимъ образомъ Пугачевъ,—какъ извѣстно, донской казакъ Зимовейской станицы,—очутился на границѣ Польскаго королевства, и является въ качествѣ выходца изъ Польши?

Первоначальная его судьба разказана имъ самимъ очень подробно и довольно откровенно въ отвѣтахъ, данныхъ имъ при слѣдствіи. * Подобно всѣмъ казакамъ, онъ считался до 17 лѣтъ *малолѣткою*, то-есть не числился въ службѣ, а достигнувъ узаконенныхъ лѣтъ, былъ записанъ казакомъ; черезъ два года потомъ женился и, проживъ съ женою недѣлю, долженъ былъ отправиться, въ числѣ прочихъ, въ походъ, во время Прусской кампаніи. Наказнымъ атаманомъ донскихъ казаковъ въ арміи былъ тогда полковникъ Денисовъ, который взялъ Пугачева къ себѣ въ ординарцы „за отличную проворность.“ Не видя, однакожъ, на эту „проворность,“ Пугачевъ имѣлъ несчастіе во время одной ночной тревоги упустить лошадей своего полковника и былъ за это „нещадно“ наказанъ плетью. Пугачевъ воевалъ съ Пруссакими не долго; вскорѣ по его прибытіи въ армію произошло замиреніе съ Пруссіей, и полки стали возвращаться въ Россію. Въ это время пришло извѣстіе о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины, и учинена ей присяга, причемъ Пугачеву, какъ онъ самъ прибавляетъ, „о названіи себя государемъ и въ голову еще не приходило.“ По окончаніи похода, Пугачевъ возвратился къ своему хозяйству, къ своей женѣ, съ которою прижилъ сына и дочь; потомъ онъ находился въ Польшѣ, въ корпусѣ генерала Кречетникова и сопровождалъ партію раскольниковъ, возвращавшихся на родину. Кончивъ эту командировку, Пугачевъ прожилъ года подтора дома, потомъ отправленъ былъ въ турецкую армію уже въ чинѣ хорунжаго (первый офицерскій чинъ), въ корпусѣ П. И. Панина, съ которымъ судьба привела ему встрѣтиться потомъ въ Симбирскѣ, въ качествѣ колодника и государственнаго преступника. Послѣ взятія Бендеръ онъ былъ за болѣзнію отпущенъ домой, и этимъ оканчивается его служба.

* *Допросы Пугачеву (Чтен. 1858 г.)*

Походная жизнь оказала на его большое влияние. Будучи чрезвычайно смѣтливъ отъ природы, онъ научился многимъ тонкостямъ военнаго ремесла, между прочимъ, устройству минъ: но за то изъ трезваго казака онъ сдѣлался гулякой, а въ 1771 году, возвратясь въ Зимовейскую станицу, рѣшительно началъ сбиваться съ прямого пути. Будучи больнымъ, онъ отправляется (въ февралѣ 1771 года) будто бы для излѣченія изъ Зимовейской станицы въ Черкасскъ; * тамъ атаманъ посылаетъ его въ лазаретъ, но онъ отпрашивается и ѣдетъ въ Таганрогъ, гдѣ проживала его замужняя сестра. Между Пугачевымъ и его зятемъ, тоже донскимъ казакомъ, ведутся разговоры о плохомъ житѣ-бытѣ казаккомъ. „Насъ, слышно, хотятъ обучать по-гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ, жаловался Павловъ (зять Пугачева). Если они начнутъ, продолжалъ онъ, обучать не по обыкновенію казаккому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать, куда глаза глядятъ.“

Проживъ недѣли три въ Таганрогѣ, Пугачевъ поѣхалъ домой, взявъ съ собою и сестру для свиданія съ родными. Они уже были верстахъ въ сорока отъ Черкасска, когда неожиданно является Павловъ съ двумя товарищами, и объявляетъ что они бѣжали „отъ новыхъ обрядовъ службы“. Пугачевъ,—такъ по крайней мѣрѣ самъ онъ показывалъ въ послѣдствіи,—уговаривалъ было его возвратиться, но видя что это бесполезно, сказалъ: „если уже вы рѣшились бѣжать, то бѣгите на Терекъ: тамъ народу много, рѣкъ и лѣсу довольно, и прожить тамъ будетъ способно, а тамошніе жители страннопріимчивы.“

Павловъ продолжалъ, однако, ѣхать съ шуриномъ и женой, и только уже въ виду Зимовейской станицы, съ двумя товарищами, онъ повернулъ въ степь и былъ таковъ. Однако они скитались по степи не долго, и на другой или на третій день Павловъ воротился за женой и убѣждалъ при этомъ Пугачева показать ему дорогу на Терекъ. Пугачевъ проводить его отказался, и рѣшился только, послѣ большихъ настояній, перевезти его на каякѣ черезъ Домъ, опасаясь, что зятя его какъ-нибудь поймають, а его самого потребуютъ къ отвѣту, какъ способствовавшаго побѣгу. Павловъ, пропутая по степи нѣсколько времени, возвратился въ Зимовейскую станицу и оговорилъ Пугачева. Въ свою очередь, Пугачевъ, узнавъ что его ожидаетъ бѣда за способствованіе

* Донес. атам. Зимов. стан. въ *Примѣч. къ Истор. Пугач. бунта*

бѣглецамъ, бѣжалъ самъ (въ декабрѣ 1771 г.), былъ на Терекѣ, * вписался въ Моздокское войско, въ нѣсколько недѣль успѣлъ приобрести такое довѣріе новыхъ своихъ товарищей что они выбрали его своимъ ходакомъ хлопотать въ военной коллегіи, чтобъ имъ были положены жалованье и провіантъ противъ Терскаго войска. Съ этимъ порученіемъ и съ 20 рублями данными ему на дорогу, Пугачевъ отправился было въ Петербургъ, но при выѣздѣ изъ Моздока былъ арестованъ и посаженъ на стулъ съ цѣпью, однако черезъ нѣсколько дней, именно 13-го февраля 1772 года онъ бѣжалъ, въ великомъ посту воротился въ свой хуторъ, гдѣ и былъ взятъ подъ стражу атаманомъ зимовейской станицы **.

Таковы первые подвиги будущаго самозванца. Еще ранѣе побѣга своего на Терекъ онъ уже имѣлъ весьма сомнительную репутацію между своими станичниками.

Когда онъ возвратился изъ Таганрога, то въ станицѣ замѣтили, что у него была не та лошадь, на которой онъ отправился; это возбудило подозрѣніе насчетъ того какою способомъ онъ досталъ ее: сомнѣніе для казака въ офицерскомъ чинѣ очень постыдное.

Таинственныя отлучки Пугачева привели его въ сношеніе съ тѣмъ сортомъ людей, который вскорѣ сдѣлался ему полезенъ; у него вездѣ завелись друзья и покровители. Когда, попавъ подъ судъ за самовольную отлучку и содѣйствіе своему зятю въ побѣгѣ, онъ слѣдовалъ въ качествѣ арестанта черезъ Цымлянскую станицу, знакомый ему казакъ Худяковъ упросилъ, чтобъ ему отдали на поруки Пугачева для доставленія въ Черкасскъ. Эта странная, но можетъ быть объясняемая временемъ просьба была исполнена: Худяковъ снялъ съ своего гостя колодку, а потомъ отправилъ его съ своимъ сыномъ въ Черкасскъ. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, парень остановилъ телѣгу, и показавъ рукою въ степь, сказалъ: „вотъ тебѣ дорога!“ Такъ было ему приказано отъ отца.

Отсюда начинается Одиссея Пугачева, которой введеніе мы разказали. Какъ читатель видитъ, Пугачевъ находился въ условіяхъ болѣе или менѣе общихъ всѣмъ своимъ собратьямъ: помогъ бѣжать доброму человѣку, бѣжалъ самъ, и въ свою очередь нашлись добрые люди, которые ему пособили.

* * Чтенія 1848 г. ** Показан. атамана Зимов. стан. и жены Пугачева въ *Прилѣчаніяхъ къ Ист. Пуг. бунта*.

Дѣло обыденное! Разница только въ томъ, что Пугачевъ попалъ въ степи на такой путь, который повелъ его очень далеко...

„Итакъ,—говорилъ Пугачевъ при допросѣ,* —сынъ Худякова, вывезши меня въ степь, далъ свободу, и пошелъ я, не бывъ въ своемъ домѣ, въ Малороссію, Изюмскаго полка въ слободу называемую Кобанью, къ мужику Осипу, прозывающемуся Коровка, коему сказалъ, что я бѣглый донской казакъ и не знаю куда дѣться. На то Коровка сказалъ: „Пойди-де въ Польшу, а пройди-де можно между форпостовъ, и проживши тамъ нѣсколько времени, выйди въ Россію; скажи на форпостѣ, что польскій выходецъ; а какъ есть указы, что польскихъ выходцевъ садить вѣчно по желанію, то и выберешь для житья любое мѣсто; а я-де тебѣ дамъ сына для препровожденія и освѣдомленія въ Польшѣ о житьѣ раскольниковъ.“

Въ этомъ короткомъ разказѣ много любопытнаго! Чтò за человекъ этотъ Коровка? Онъ не казакъ, а *мужикъ*; въ „Сенсаций“ о преступленіяхъ Пугачева онъ названъ Малороссіяниномъ; однако онъ раскольникъ, а расколъ, какъ извѣстно, не проникалъ въ Малороссію. Это, кажется, скорѣе какой-нибудь Великороссъ, безъ сомнѣнія, бѣглый, комфортабельно расположившійся на порогѣ украинскихъ стеней, который не хочетъ знать политическихъ разграниченій, заставъ и форпостовъ, который проторилъ себѣ дорожку въ Польшу къ тамошнимъ землякамъ-единовѣрцамъ, помимо всевозможныхъ форпостовъ и заставъ, и мало интересуется знать, война ли идетъ между Русскимъ и Польскимъ государствами, или процвѣтаетъ и благоденствуетъ миръ; да онъ же занимается и изготовленіемъ паспортовъ для перехода черезъ границу, чтò, безъ сомнѣнія, приноситъ ему порядочный доходецъ и сердечное спасибо отъ многихъ сотенъ людей.

Какая широкая перспектива волиницы (свободой этого нельзя назвать) открывается передъ нами, подъ словомъ правительственной регламентаціи, если мы вникнемъ въ то чтò разказано выше! Какой распространенный, хотя и безмолвный заговоръ противъ порядка и строгихъ

* Допросъ Пугачеву, II. Вступленіе.

формъ государственной жизни! Стоило человѣку выйти разъ изъ узкихъ рамокъ законности, и онъ повсюду находилъ себѣ пособниковъ, покровителей; онъ убѣждался, что жизнь внѣ условій закона гораздо легче чѣмъ въ кругу законности. Онъ дѣлался здѣсь членомъ какого-то обширнаго братства, гдѣ каждый протягивалъ ему руку, и гдѣ раскольники являются первыми людьми, радикалами своего рода, возведшими бродяжничество въ догматъ (бѣгуны) и заклеившіе паспортъ названіемъ *антихристовой печати*. „Я хоть и не раскольникъ,—говорилъ Пугачевъ по поводу разговоровъ своихъ съ Коровкой,—да вижу по сказкѣ Коровкина, что способъ для свободнаго прожитія цѣлый вѣкъ хорошъ.“

Съ этого времени мы встрѣчаемъ Пугачева почти исключительно между раскольниками до самаго того времени, когда онъ является во главѣ мятежа; онъ переходитъ изъ одного скита въ другой, одинъ старецъ передаетъ его съ рукъ-на-руки другому, и такимъ образомъ онъ попадаетъ за границу, а потомъ, черезъ всю Россію, на Иргизъ. Худяковъ открылъ ему этотъ новый міръ, это отечественное наше франкъ-масонство. Проживъ три дня у Коровки, онъ отправляется съ его сыномъ въ Стародубскія слободы, въ которыхъ, по его словамъ, „бѣглыхъ великій притонъ.“ Здѣсь онъ живетъ нѣсколько времени у старца Вавилы на полной свободѣ. Ему совѣтуютъ и здѣсь идти въ Польшу, какъ совѣтовалъ Коровка. И точно, чего же лучше какъ бѣжать, съ тѣмъ чтобы воспользоваться разрѣшеніемъ возвратиться, перейти границу преступникомъ, для того чтобы обратнo переступить ее *обленимъ*! Законы что вѣхи: для того и пишутся, чтобы ихъ обходить. Въ Стародубскихъ слободахъ прожилъ съ Пугачевымъ и сынъ Коровки, и вмѣстѣ съ нимъ прогулялся за границу, * въ знаменитый раскольничій центръ—на Вятку. „Въ этой слободѣ, по словамъ Пугачева, живутъ все раскольники, всякаго сорта люди.“

Что же дѣлаетъ Пугачевъ между заграничными земляками-раскольниками? Ничего особеннаго, по его словамъ; напимается косить сѣно, съ цѣлю заработать нѣсколько денегъ, чтобы имѣть съ чѣмъ снова возвратиться въ Россію,

* Надо имѣть въ виду, что это происходило въ то время когда граница Польскаго государства проходила по Днѣпру и Сожѣ.

и живетъ такимъ образомъ пятнадцать недѣль. * Какъ бы то ни было, но пребываніе его на Вѣткѣ оказалось ему не безполезнымъ; оттуда онъ, такъ-сказать, по маслу докатился до Иргиза и Яика. Невидимая рука вела его, вездѣ являлись пріатели и благотворители, а въ трудныя минуты та же таинственная рука посылала ему ходатаевъ и заступниковъ. Въ августѣ, 1772 года, какъ сказано, онъ явился на Добрянскій форпостъ, но принужденъ былъ высидѣть шесть недѣль въ карантинѣ, не зная хорошенько, куда именно потомъ направиться. Онъ думалъ и о Кубанѣ, куда еще въ Петровскія времена Некрасовъ продолжилъ путь мечтамъ казачьей вольницы, и объ Иргизѣ: „Онаго мѣста, — говорилъ онъ, — хоть я и не знаю, однакожь вездѣ сказывали, что сіе мѣсто къ поселенію для такого сорта людей, какъ я, способно.“ Между тѣмъ въ Добрянкѣ онъ познакомился съ бѣглымъ гренадеромъ Алексѣемъ Семеновымъ, который будто бы нашелъ въ немъ сходство съ покойнымъ императоромъ Петромъ III, и сообщилъ свое замѣчаніе добрянскому купцу Кожевникову. Кожевниковъ позовалъ Пугачева (который, какъ видно, былъ не очень стѣсненъ карантинными правилами и занимался косить сѣно), и „лаская его разными образами, выведалъ изъ него о точномъ его званіи и природѣ, и (Пугачевъ) открывшись въ званіи своемъ, не утаилъ и того, что онъ изъ дому своего бѣжалъ, и объяснилъ причины своего побѣга. Кожевниковъ, свидѣавъ вѣрно, говорилъ ему: „Слушай, мой другъ! Если ты хотѣлъ бѣжать изъ „Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучше намѣреніе? Есть люди здѣсь, которые „находятъ въ тебѣ подобіе государя Петра Феодоровича. Приими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ „симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собой. Сей „солдатъ скажется гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты „подлинно государь, и (что) онъ тебя знаетъ, а простой народъ „ему повѣритъ. Обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе, по „12 рублей на человека; деньги жъ, если будетъ нужда, я вамъ „дамъ, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобы вы насъ,

* Показаніе въ канцеляріи московскихъ управительскихъ дѣлъ, *Ист. Пуг. бунта. Прилѣчанія къ главамъ II.*

„раскольниковъ, взяли съ собой, ибо намъ здѣсь жить, старо-вѣрамъ, стало трудно, и гоненіе намъ дѣлають непрестанное.“

Такъ объяснялъ Пугачевъ передъ слѣдственной комиссіей зарожденіе мысли о самозванствѣ, присовокупляя, что въ совѣтѣ съ нимъ былъ еще и другой добрянскій купецъ, Крыловъ.*

Замѣтимъ, однакожь, что относительно этого обстоятельства есть противорѣчія. Въ другомъ мѣстѣ** Пугачевъ показывалъ, что первый, внушившій ему мысль назвать-ся Петромъ III, былъ Андрей Кузнецовъ, жившій близъ Усть-Медвѣдицы на казачьихъ хуторахъ, и у котораго онъ былъ уже послѣ пребыванія на Добрянскомъ форпостѣ. Которое изъ этихъ двухъ показаній вѣрнѣе, при помощи обнародованныхъ документовъ рѣшить нельзя; кажется, однакожь, что Кожевниковъ былъ первымъ заводчикомъ дѣла; въ одномъ мѣстѣ слѣдствія онъ названъ „начальнымъ плугомъ.“ Впрочемъ, тотъ ли, или другой, это дѣло еще не первостепенной важности. Достаточно, что мы узнаемъ, какого сорта люди были какъ Кузнецовъ, такъ и Кожевниковъ съ Крыловымъ. Всѣ они были раскольники. Первый говорилъ Пугачеву почти то же что и послѣдніе. „Нынѣ и на Ирги-зѣ,—сказалъ Кузнецовъ,—стало великое гоненіе старовѣрамъ.“ Когда же Пугачевъ замѣтилъ, что онъ не прочь бы и на Кубань уйти, Кузнецовъ промолвилъ: „Слышно здѣсь, что Яицкое войско давно бунтуетъ, такъ лучше его подговорить бѣжать вмѣстѣ.“

Всѣ эти три человека, если вѣрить Пугачеву, стоили одинъ другого; по его словамъ, Кожевникова, Кузнецова и Крылова надо почитать всему злу заводчиками, и слѣдовало бы, конечно, ожидать, что они подвергнутся весьма строгому взысканію. Между тѣмъ мы находимъ въ девятомъ пунктѣ „Сентенціи“ слѣдующее: „Отставнаго поручика Гринева, царицынскаго купца Василія Кочалова, да брянскаго (Добрянскаго?) купца Петра Кожевникова, Малороссіянина Осипа Коровку, донскихъ казаковъ Лукьяна Худякова, Андрея Кузнецова“ и пр., „которые находились подъ карауломъ, будучи подозрѣваемы въ сообщеніи съ злодѣями, но по слѣдствію оказались невинными.... освободить.“ Итакъ, Пугачевъ нагаль на Кузнецова

* Допросы Пугачеву, II. 1.

** Допросы Пугачеву, II. Вступленіе.

и Кожевникова?... * Это кажется сомнительнымъ: на какомъ бы основаніи лицѣй слѣдователь назвалъ Кожевникова „начальнымъ плутомъ“? Не вкладывалъ ли Пугачевъ, какъ это онъ дѣлалъ нерѣдко при допросѣ, своихъ рѣчей въ уста своимъ собесѣдникамъ, и Кузнецовъ съ Кожевниковымъ, вмѣсто того чтобы быть внушителями Пугачева, не были ли только, какъ это могло обнаружиться при очной ставкѣ, повѣренными его затѣи, въ которой еще не могли предполагать всей ея важности? Это единственное болѣе или менѣе вѣроподобное предположеніе, которое, однакожъ, очень запутываетъ вопросъ о томъ, какъ возникла мысль о самозванствѣ! Остается несомнѣннымъ одно, что Пугачевъ вышелъ изъ раскольничьихъ рукъ и этими руками приведенъ на Яикъ.

Съ Добрянскаго форпоста Пугачевъ отправился съ бѣглымъ солдатомъ Алексѣемъ Семеновымъ, и посѣтилъ прежде всего своего стараго знакомаго, Коровку, откуда, какъ видно по одному изъ его показаній, они захвали на усть-медвѣдицкіе хуторы къ Кузнецову. Этотъ послѣдній, равно какъ и добрянскіе совѣтники, предлагалъ ему на Иргизѣ прямо явиться къ тамошнему игумену Филарету, который Кузнецову „по расколу крайне знакомъ.“ Провожая его, онъ называлъ ему людей, которые будутъ въ состояніи оказать ему пособіе: донской казакъ Вершиловъ „почетный человекъ между раскольниками,“—говорилъ Кузнецовъ,—станетъ помогать тебѣ, „не жалѣя иждивенія.“ И точно, новые друзья Пугачева не жалѣли иждивенія: онъ ушелъ съ Дона пѣшимъ, а прибылъ на Иргизъ на своей лошади, имѣя за пазухой 470 р., которые, если вѣрить его показаніямъ, онъ получилъ отъ Кузнецова, Кожевникова и Коровки, ** считавшихъ его своимъ человекомъ по расколу.

Но точно ли Пугачевъ не былъ раскольникомъ? Въ этомъ едва ли возможно сомнѣніе; мы имѣемъ свидѣтельство его жены, вызванной въ Казань съ цѣлью узнать отъ нея правду о Пугачевѣ; мы имѣемъ и его собственныя показанія. „До семнадцатилѣтняго возраста, — говорилъ онъ передъ слѣдователями, — жилъ я все при своемъ отцѣ, такъ какъ и другіе казачьи малолѣтки, въ праздности,

* О Крыловѣ въ „Секстенціи“ не упоминается.

** *Допросы Пугачева*, II. 2.

однакожь не раскольникъ, какъ прочіе донскіе и яицкіе казаки, а православнаго греческаго исповѣданія, и молюсь Богу такъ, крестомъ (слова эти вѣроятно сопровождались жестомъ), какъ и всѣ хрістіане.“ То же самое подтверждалъ онъ и при другихъ разспросахъ. Но двуперстный крестъ былъ какъ бы рекомендаціей и паспортомъ въ тѣхъ слояхъ общества, въ которыя судьба или обстоятельства толкнули его; между раскольниками онъ выдавалъ себя за раскольника и, обращаясь между ними съ дѣтства на Дону, гдѣ, какъ извѣстно, старообрядчество очень распространено, онъ такъ хорошо былъ, повидимому, знакомъ съ его особенностями, что раскольники считали его за своего.

Какъ было сказано Кузнецовымъ, такъ Пугачевъ и сдѣлалъ. Прибывъ на Иргизъ, въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1772 года, онъ, въ качествѣ мнимаго раскольника, подъ вымышленнымъ именемъ, явился къ игумну Филарету и вполнѣ открылся ему въ своемъ намѣреніи мутить казаковъ. „Филаретъ принялъ сіе намѣреніе съ радостію, обнадеживъ при томъ, что Яицкое войско его приметъ, и что и самъ отецъ-игуменъ ему въ томъ будетъ способствовать.“ Спутникъ его, Алексѣй Семеновъ, оставилъ его въ это время, наивышсь за кого-то въ солдаты, но въ его содѣйствіи, повидимому, уже не было надобности: самъ отецъ-игуменъ взялся указывать и разчищать Пугачеву пути; онъ направилъ его къ яицкому казаку Денису Пьянову, советуя вполнѣ ему открыться. Пугачевъ отправился въ Яицкій-Городокъ вмѣстѣ съ однимъ крестьяниномъ Мечетной слободы (на Иргизѣ), будто бы для закупки рыбы, и остановился у Дениса Пьянова. Это было въ половинѣ ноября, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ разгрома, нанесеннаго казакамъ генераломъ Фрейманомъ, и когда между ними шла сильная переборка. Живя цѣлую недѣлю въ Городкѣ, Пугачевъ постоянно шатался по базарамъ,* и будучи доволенъ, надо думать, настроеніемъ казаковъ, рѣшился закинуть Денису Пьянову нѣсколько словъ касательно побѣга за Кубань и на Лабу. Однажды какъ-то за обѣдомъ у Пьянова не хватило хлѣба.**

— Вотъ до чего мы дожили, сказалъ этотъ послѣдній, — что ужъ и хлѣба на обѣдъ не достало!

* „Выписка“ и пр.

** *Допросы Пугачеву.*

И разговорясь о бѣдахъ, страстихся надъ Яикомъ, разказалъ, что казаки собирались-было бѣжать „за море, въ Золотую мечеть.“

— Стадо, вы то же самое хотѣли сдѣлать, замѣтилъ на это Пугачевъ,—что сдѣлалъ нашъ Некрасовъ?

И разказалъ о побѣгѣ этого сподвижника Булавина на Кубань съ толпою Донцовъ. При этомъ онъ прибавилъ, будто Некрасовъ далъ „на выходъ“ всемъ отправлявшимся съ нимъ казакамъ по 12 рублей, а что лицкіе казаки могутъ получать гораздо больше, если послѣдуютъ примѣру Некрасовцевъ. Но этотъ разговоръ чуть не надѣлалъ Пугачеву большихъ бѣдъ. Бывшій тутъ крестьянинъ изъ Мечетной свободы донесъ начальству, что онъ подговаривалъ казаковъ къ побѣгу. По этому доносу Пугачевъ былъ арестованъ, и хотя на допросѣ не повинился, но открылъ свое настоящее имя. Мы не будемъ останавливаться на этомъ эпизодѣ изъ странной судьбы Пугачева, но замѣтимъ слѣдующее обстоятельство. Въ дѣлѣ, которое завязалось по настоящему случаю, описаны были примѣты Пугачева и въ томъ числѣ означено: *битъ кнутомъ*, чему, безъ сомнѣнія, подали поводъ знаки, сохранившіеся отъ наказанія сдѣланнаго ему во время Семилѣтней войны. Междутѣмъ, когда разнеслась вѣсть о его самозванствѣ, и начальство сочло нужнымъ обнаружить его примѣты, вспомнили, надо думать, что онъ уже былъ описанъ прежде; отыскали старое дѣло, и найдя въ немъ: *битъ кнутомъ*, естественно заключили, что у него и ноздри должны быть рваныя,—такъ какъ одно съ другимъ было, по тогдашнимъ уголовнымъ законамъ, нераздѣльно,—вслѣдствіе чего и было повѣщено, что воръ Емельянъ Пугачевъ примѣты имѣетъ такія-то, ижедаупрочимъ, *битъ кнутомъ* и *ноздри рваныя*; а какъ эта послѣдняя примѣта оказалась ложною, то,—показывалъ Пугачевъ въ секретной канцеляріи,—„сіе въ толпѣ моей не только разврату не причинило, но еще увѣреніе вселяло.“

Арестованный Пугачевъ былъ съ Иргиза отправленъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань. Дѣло, по которому онъ попался, было не шуточное. Онъ содержался не въ городскомъ острогѣ, гдѣ надзоръ былъ, по обыкновенію, слабъ, и арестанты бродили изъ дома въ домъ, за мѣлостыней, подъ конвоемъ какого-нибудь дряхлаго инвалида: ему отвели мѣсто въ губернаторской экспедиціи, на руки и ноги положили тяже-

лая желѣза и дали о немъ знать въ Петербургъ. * Но тайственные друзья его не дремали. Еще отъ игумна Филарета слышалъ онъ о проживающемъ въ Казани богатомъ купцѣ, Целоковѣ, „дающемъ пристанище раскольникамъ.“ Онъ нашелъ средство дать ему знать о себѣ и просилъ навѣстить себя. Целоковъ явился и спросилъ, за что онъ содержится?

— За крестъ и бороду, отвѣчалъ Пугачевъ.

Этого было достаточно. Целоковъ сталъ блюсти надъ нимъ, запрашивалъ слѣдователей и секретарей, и добился того что „губернаторъ велѣлъ повременить“, а между тѣмъ съ арестанта сняли тяжелые кандалы, замѣнивъ ихъ легкими, и перевели въ городской острогъ. ** Тутъ онъ познакомился съ другимъ колодникомъ изъ раскольниковъ, и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ изъ Казани. Это случилось 29 мая 1773 года, *** ровно за три дня передъ полученіемъ оттуда по его дѣлу конфирмаціи, которая опредѣляла ему наказаніе плетью и ссылкой въ Пелымъ, „для опредѣленія въ каторжную работу, въ какую годовъ будетъ, съ выдачею ему по три копейки на день.“

Итакъ, Пугачевъ снова на волѣ. Но онъ еще не знаетъ куда ему пуститься: снова на Иргизъ, или на Донъ, ****—обстоятельство доказывающее, что если онъ былъ человѣкъ способный дѣйствовать, то не умѣлъ обдумывать заранее свои дѣйствія со всѣми ихъ послѣдствіями. По причинѣ ли этой неопредѣленности своихъ намѣреній, или съ цѣлію поскорѣе укрыться среди дремучихъ лѣсовъ, идущихъ къ сѣверу отъ Казани, онъ кинулся за р. Вятку, а оттуда уже повернулъ къ сторонѣ Иргиза и переправился черезъ Каму въ селѣ Сарсарахъ, гдѣ у него былъ знакомецъ по казанской тюрьмѣ, крестьянинъ Кандалинцевъ, раскольникъ. Случилось, что Кандалинцевъ самъ собирался ѣхать на Иргизъ, въ тамошніе скиты; поэтому и Пугачевъ, прогостивъ у него нѣсколько недѣль, отправился съ нимъ, все продолжая выдавать себя за раскольника. Въ этомъ случаѣ, какъ и во время прежнихъ своихъ странствованій, Пугачевъ на-

* *Допросы Пугачева*, II. 3.

** Целоковъ по приговору суда отъ наказанія освобожденъ. См. „Сентецію“ въ *Ист. Пуг. бунта*.

*** „Выписка“ и пр.

**** *Чтен.* 1858. г.

ходили постоянно пріютъ со стороны мнимыхъ своихъ единовѣрцевъ, ибо, какъ онъ говорилъ, у раскольниковъ „принимать бѣдныхъ (*бѣглыхъ?* не опечатка ли?) и давать покровительство имъ почитается за величайшую добродѣтель.“ Совершивъ свой длинный переѣздъ, и благополучно миновавъ Яицкій-Городокъ, Пугачевъ очутился посреди знакомой ему мѣстности и рѣшилъ далѣе не ѣхать. Онъ разстался съ Кандалицевымъ на такъ-называемомъ Таловскомъ уметѣ (постояломъ дворѣ), содержатель котораго былъ ему знакомъ. Имя его было Степанъ Оболяевъ, а прозваніе *Еремкина Курица*, пѣхотный солдатъ * и раскольникъ.

— Что, Емельяны, спросилъ онъ у Пугачева,—отпущенъ изъ-подъ караула?

— Нѣтъ, бѣжалъ, отвѣчалъ тотъ, не видя надобности скрываться между своими людьми.—Позволь у тебя до времени пожить.

— Живи! я много добрыхъ людей скрывалъ.

Это было въ половинѣ іюля 1773 г. ** Пугачевъ расположился на Таловскомъ уметѣ, шатался по степи за звѣремъ и птицею, косилъ сѣно и прожилъ такимъ образомъ недѣли двѣ, или больше.

„Сей уметъ,—говорилъ онъ на допросѣ,—на такомъ мѣстѣ, что великое число его протѣкаетъ людей“. Пугачевъ повелъ съ этими протѣжими людьми, какъ сейчасъ увидимъ, не празднаго рѣчи. Эти люди, которые часто называли въ уметѣ Еремкиной Курицы, были яицкіе казаки, съ которыхъ за разграбленное имущество Дурново и Траубенберга взыскивалось съ кого по 30, съ кого по 40 рублей. Не желая, или и дѣйствительно будучи не въ состояніи выплатить такой значительной по тогдашнему времени суммы, многие кинули свои дома и семейства, и ушли въ степь: съ жень-де нашихъ взять нечего!

Вотъ компанія, которая собиралась въ Таловскомъ уметѣ, и среди которой, конечно не случайно, очутился Пугачевъ.

* Такимъ званіемъ онъ наименованъ въ Сентенціи по дѣлу Пугачева. Пушкинъ говоритъ, что Пугачевъ, уйдя изъ Казани, проживалъ на хуторѣ казака Шелудака, котораго почиталъ въ посадьствіи за отца. Странно, однакожъ, что въ *Допросахъ* это имя вовсе не упоминается.

** Такъ должно думать по разчету времени.

Не мудрено себя представить, въ какомъ была она настроеніи духа, и о чемъ въ ней шли бѣсѣды. „Въ оное-то время Пугачевъ разсудилъ наименовать себя государемъ Петромъ Третьимъ.“ * Это должно было происходить въ концѣ августа или въ началѣ сентября, ** и случилось слѣдующимъ образомъ, по собственнымъ словамъ Пугачева.

Живя вовсе не работникомъ, какъ говорятъ Пушкинъ, а го-
стемъ, потому что у него были деньги и пара собственныхъ лошадей, Пугачевъ попросилъ однажды своего хозяина истопить баню. Оболяевъ замѣтилъ у него на груди какіе-то знаки, шрамы отъ старыхъ болячекъ, *** и спросилъ, что это такое?

— Это знаки государевы.

— Что ты говоришь? какіе государевы?

— Я самъ—государь Петръ Θεодоровичъ, отвѣтилъ на это Пугачевъ.

Еремкина Курица (кажется, это названіе дано было Оболяеву за его крайнюю простоту, не исключавшую впрочемъ разчетаивости и корыстолюбія) былъ сильно озадаченъ такимъ открытіемъ и сталъ приставать къ Пугачеву:

— Да какъ же это? Да какъ же такъ?... Вѣдь сказывали, что государь померъ?...

— Врешь! повелительно отвѣчалъ обманщикъ:—Петръ Θεодоровичъ живъ, а не умеръ. Ты смотри на меня такъ какъ на него. Я былъ за моремъ, пріѣзжалъ въ Россію прошлаго года, и услыша что яцкіе казаки приведены въ раззореніе, нарочно для нихъ сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, если Богъ допуститъ, опять вступить на царство. Еслибы, продолжалъ Пугачевъ,—какіе умные казаки войсковой руки сюда пріѣхали, я бы съ ними погупорилъ.

— Ко мнѣ скоро будетъ Григорій Закладной, отвѣтилъ Курица и сталъ извиняться, что обходился съ нимъ „какъ съ простымъ человѣкомъ“, на что Пугачевъ ему сказалъ,

* *Допросы Пугачеву. Чтен. 1858 и „Выпуска“, Чтен. 1859.*

** Къ такому заключенію должно придти, если взять въ разчетъ время проведенное Пугачевымъ и на Таловскомъ уметѣ и на йуторѣ Кожевицкова, и что начальство узнало о его самозванствѣ въ половинѣ сентября.

*** Это были слѣды какой-то наружной болячки; жена Пугачева показывала: „на обихъ грудиахъ, назадъ тому третій годъ, были провалы.“

чтобъ онъ и впредь не измѣнялъ съ нимъ при людяхъ обращенія и открывалъ бы все имъ слышанное не иначе какъ вполне благонадежнымъ людямъ. „Нужно чтобъ и жены ихъ ничего не знали!“

Для черезъ три послѣ этого разговора пріѣхалъ на уметъ казакъ Закладной; ему нужно было купить лошадь у уметчика; въ этомъ ему помогъ Пугачевъ, которому Курица теперь не смѣлъ прекословить. Когда же онъ собирался уже возвращаться и сѣдлалъ лошадь за плетнемъ, то Оболяевъ подошелъ къ нему и тихо сказалъ :

— Что, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ?

Пугачевъ въ это время сидѣлъ въ сараѣ и былъ видѣнъ разговаривающимъ.

— Почему мнѣ знать что это за человѣкъ, отвѣчалъ казакъ очень равнодушно.

— Въдѣ это, Гриша, государь Петръ Θεодоровичъ! Онъ имѣетъ царскіе знаки и говорить, что нарочно сюда на выручку къ вамъ пріѣхалъ. Онъ приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты открылъ о немъ войсковой руки надежнымъ людямъ.

Закладной остолебѣлъ но не надоло.

— Чтѣ за диво! воскликнулъ онъ, и потомъ прибавилъ:— видно Господь насъ искалъ!

Пугачевъ, который изъ-подъ сарая наблюдалъ за этимъ разговоромъ, вышелъ въ эту минуту. Онъ былъ въ рубашкѣ, съ волосами остриженными въ кружокъ.

— Что, Гриша, слышалъ ты отъ Еремкиной Курицы обо мнѣ?

— Слышалъ сударь, отвѣчалъ оторопѣлый казакъ.

Пугачевъ приказалъ ему осторожно распускать извѣстіе о себѣ, надежнымъ людямъ, и прислать къ нему человѣкъ двухъ „нарочитыхъ.“ Закладного накормили и отпустили. Онъ повезъ въ Яицкій-Городокъ страшную тайну, которой, повидимому, вѣрилъ, или которою по крайней мѣрѣ былъ серьезно озадаченъ. Пріѣхавъ на свой дворъ и разсѣлавъ коня, онъ отправился отыскивать людей, которымъ могъ бы сообщить свое открытіе. Первый, къ которому онъ обратился, былъ Иванъ Чабановъ. Шопотомъ онъ передалъ ему все слышанное и видѣнное, тотъ другому, и вскорѣ великая тайна облетѣла нѣсколько казачьихъ домовъ, не выходя изъ круга людей войсковой руки. *

* Въ этомъ мѣстѣ, къ сожалѣнію, прерывается напечатанная въ *Чтеніяхъ* „Выпуска.“

На слѣдующій день явились на уметъ два казака, изъ коихъ одинъ, по имени Кораваевъ, и объявили, что они присланы Закааднымъ.

— Ну, яцкіе казѣки, сказалъ имъ самозванецъ,—коли вамъ угодно, то вы меня примите: я государь вашъ Петръ Θεодоровичъ; а не угодно,—откажите; а поѣду на Узень и буду жить тамъ до времени.

При этомъ, разумѣется, повторилась исторія о царскихъ знакахъ, о чудесномъ избавленіи, о далекихъ странствіяхъ и т. п. Казаки уѣхали, обѣщавъ подумать со стариками: ничего болѣе.

Спустя немного времени произошло новое свиданіе Пугачева съ казаками. Вотъ его подробности. Пугачевъ находился неподалеку отъ умета и мылъ руки у ручья, когда къ нему приблизился Кораваевъ и объявилъ, что пріѣхали нѣсколько казаковъ, которые желаютъ его видѣть, но находятся не на уметѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи въ степи. Самозванецъ, все болѣе и болѣе входя въ свою роль, взялъ безъ церемоніи лошадь Кораваева и поѣхалъ, а его оставилъ идти пѣшкомъ. На указанномъ мѣстѣ находился пока одинъ только казакъ, очень извѣстный потомъ, Шигаевъ, имя котораго уже встрѣчалось намъ при описаніи яцкихъ безпорядковъ. Время было полуденное, и потому всѣ трое сѣли прежде всего обѣдать; но едва лишь разрѣзали хлѣбъ, какъ увидѣли двухъ приближающихся къ нимъ верховыхъ. Одинъ изъ нихъ былъ знаменитый въ послѣдствіи Чика, другой Мясниковъ.

— Эти люди ненадежные, сказалъ Шигаевъ,—особенно Чика: надо спрятаться.

И Пугачевъ съ Шигаевымъ кинулись въ траву.

— Что ты, Кораваевъ? Зачѣмъ здѣсь? спросилъ Чика, приблизясь.

— Пріѣхалъ бить звѣря.

— Нѣтъ, *видно, людей обманывать*. Вы пріѣхали къ государю, да вѣдь и я тоже къ нему.

Видя что Чика обо всемъ знаетъ, Кораваевъ кликнулъ своихъ собесѣдниковъ, и Шигаевъ съ Пугачевымъ вышли изъ травы. Поздоровавшись, всѣ вмѣстѣ сѣли обѣдать. Когда же трапеза кончилась, и всѣ, вставши, помолились Богу, Кораваевъ, обратясь къ Пугачеву, сказалъ:

— Покажи-ка на себѣ царскіе знаки, чтобы было чему намъ вѣрить, и не прогнѣвайся, что о семъ васъ просятъ.

Пугачевъ разрѣзалъ ножомъ свою рубашу, и открывъ грудь, сталъ разказывать, что это слѣды ранъ, которыя нанесли ему гвардейцы, взбунтовавшись противъ него; что послѣ того онъ будто бы находился въ заключеніи, и что будто какой-то офицеръ выпустилъ его тайно, а вмѣсто него похороненъ нѣкто другой. Слущая это, казаки покачивали головами, и кто-то, по окончаніи разказа, замѣтилъ, что „хотя точно слышно было, что государь скончался, *однако больше поговаривали что онъ живъ*, только гдѣ взять его не знали.“

Ободренный этимъ замѣчаніемъ, Пугачевъ пустился разказывать свою Одиссею: „Былъ—де я въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Египтѣ, въ Іерусалимѣ и на рѣкѣ Терекѣ, и оттолъ вышелъ на Донъ; съ Дону же пріѣхалъ къ вамъ, и слышу, что вы и вся чернь обижены; такъ я хочу за васъ вступиться и васъ удовлетворить. Еще не время было мнѣ теперь явиться, прибавилъ онъ таинственно, да видно Богъ привелъ.“

Бесѣда длилась въ такомъ же родѣ. Казаки разспрашивали самозванца, какъ ему удалось ускользнуть посреди столькихъ опасностей; онъ замѣтилъ на это, что „въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей,“ и смѣшивая былъ съ небылицами, разказалъ, что и въ Царицынѣ и въ Казани былъ подѣ карауломъ, но что Богъ вынесъ его отовсюду. Затѣмъ Шигаевъ сталъ звать Пугачева на свой хуторъ, но Чика замѣтилъ, что это мѣсто слишкомъ людное.

— Лучше я возьму его на свои руки, прибавилъ онъ, указывая на Пугачева;—а гдѣ мы будемъ съ нимъ жить, я послѣ объявлю, а теперь не скажу. Повѣжайте въ городъ и купите матеріи на знамена и все что нужно исправьте.

Такимъ образомъ кончилась первая конференція. Въ своемъ разказѣ Пугачевъ упоминаетъ о какихъ-то двухъ русскихъ мужикахъ, которые, повидимому, въ ней не участвовали, но были посвящены въ тайну. Они на другой день отправились на Узень, Шигаевъ съ Короваевымъ въ Яицкій-Городокъ, а Пугачевъ съ Чикою и Мясниковымъ на хуторъ казаковъ Кожениковыхъ, находившійся отъ Городка внизъ по Яику.

Свиданіе, которое только-что описано, очень интересно, и многія его подробности чрезвычайно важны. Прежде всего кидается въ глаза та беззащитность, съ которою Чика говорить Короваеву: „Зачѣмъ пришли сюда? людей обманывать?“

И онъ былъ не единственный, который шелъ на обманъ сознательно. Мы будемъ имѣть случай встрѣтиться со многими подобными, но здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ мелкомъ горнозаводскомъ чиновникѣ, который, бывъ завербованъ въ одну изъ шаекъ Пугачева противъ воли, при первомъ взглядѣ на самозванца увидѣлъ, что въ его наружности нѣтъ и тѣни сходства съ портретами покойнаго императора; тѣмъ не менѣе, однакожь, онъ мало-по-малу втягивается въ ремесло, насильно ему навязанное и отвергаемое, какъ видно, его совѣстью, не ищетъ случая убѣжать изъ общества обманщиковъ и злодѣевъ, храбро дерется противъ войскъ правительства, получаетъ раны, и не только не отказывается воздавать обманщику царскія почести (что было бы опасно), но самъ изыскиваетъ къ тому случаи. * Другіе, и такихъ было наибольшее число, вѣрили самозванцу искренно. Не можетъ не показаться удивительнымъ, что люди, приближавшіеся къ Пугачеву, не находили въ немъ ничего противорѣчащаго высокому понятію, сложившемуся въ нашемъ народѣ о вѣнчанной особѣ, о помазанникѣ Божіемъ; но многочисленность появлявшихся у насъ самозванцевъ доказываетъ неотразимо, что народъ такъ высоко разумѣющій своихъ царей, съ необычайною легкостью поддается однакожь самому грубому обману. Не принимая на себя объяснять этотъ психологическій феноменъ, я приведу разказъ, который очень наглядно изображаетъ разнообразныя и тонкія черты, составляющія характеръ самозванства въ Россіи. Разказъ этотъ извлеченъ г. Поповымъ изъ архивовъ. **

Въ 1733 году, разказываетъ онъ, въ казачьей Яменской станицѣ, на рѣкѣ Бузулукѣ, появился какой-то нищій бродяга, который называлъ себя Тимоѣемъ-Труженникомъ и говорилъ „загадочныя рѣчи.“ Однажды онъ пришелъ къ бѣглому драгуну, поселившемуся между казаками, Ларіону Стародубцову.

— Откуда Богъ принесъ? спросилъ его послѣдній.

— Съ облака, съ воздуха... Тружусь Богу на дѣло соккрытое.

— А куда идешь?

— Пойдемъ со мною, узнаешь. Пойдемъ въ *Откровенъ градъ*. Тамъ святыхъ много, и стоитъ образъ Знаменія Пресвятыя

* Чтенія 1862 г. „Разказъ“ сообщ. Н. А. Поповымъ.

** Рус. Вѣстн. 1863 г.

Богородицы, и мы ее вынесемъ; тамъ я царь буду и Богъ, и многое множество казны будетъ, и которые люди будутъ при мнѣ, и тѣхъ стану дарить златомъ и серебромъ, и хлѣба столько не будетъ сколько золота и серебра!

Старикъ настаивалъ, чтобы Ларіоновъ послѣдовалъ за нимъ, и между прочимъ сказалъ, что онъ ведетъ жизнь недостойную себя: „Самъ себя ты не знаешь“, заключилъ онъ.

— Какъ я себя не знаю?

— Имени своего не знаешь, повторилъ старикъ.—Ну, какъ тебя зовутъ?

— Ларіоновъ.

— Не Ларіоновъ ты, а царевичъ Петръ Петровичъ, а я братъ твой, царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Рѣчи Тимофея-Труженника можно принять, пожалуй, за бредни полупомѣшаннаго старика, но вотъ, однакожь, что случилось далѣе. Этотъ же самый Труженникъ является уже въ другомъ мѣстѣ, въ Тамбовской губерніи, въ селѣ Чуевѣ и тамъ, такъ же какъ на Бузулукѣ, выдаетъ себя за царевича Алексѣя, прибавляя въ доказательство, что у него „на спинѣ крестъ и на ладвѣхъ родимая шпага.“ Чуевскіе крестьяне оробѣли отъ такихъ словъ, и между ними нашлись скептики, которые готовы были принять его за сумасшедшаго или плута; но старикъ настаивалъ на своемъ, и потребовалъ чтобы привели такого человѣка, который, глядя на землю, узналъ бы какъ его зовутъ. Пошли отыскивать знахарей, и трое, одинъ за другимъ, въ болѣе или менѣе опредѣлительныхъ выраженіяхъ, подтвердили слова Труженника. Какъ послѣ этого было не повѣрить! Труженникъ объявилъ тогда, что у него есть еще младшій братъ, царевичъ Петръ Петровичъ, скрывающійся на Бузулукѣ подъ именемъ Ларіонова. Послали за Ларіоновымъ; ударились предъ нимъ оземь и взмолились: „Не скрывайся, родимый!“

Мнимый царевичъ Петръ сначала колебался, но, наконецъ, рѣшился поѣхать къ своему „старшему брату;“ но тотъ же былъ въ острогѣ. Ларіоновъ, однакожь, успѣлъ войти во вкусъ созданной ему роли, и возвратясь въ свою станицу, пустился изъ нея въ степь вербовать себѣ приверженцевъ. „Уже годы мои вышашъ,—говорилъ онъ различнымъ встрѣчнымъ бродягамъ;—жилъ я тайно, а нынѣ буду явентъ;“ и судилъ идти на Москву, а его приверженцы нашептывали неопитамъ, что онъ подлинный царскій сынъ, что „на груди у него звѣзды, а на спинѣ мѣ-

саятъ.“ Самые маловѣрные возражали на это, что, по слухамъ, царевичъ умеръ. „Обманули,“ возражали имъ адепты, и дѣло оканчивалось.

Въ короткое время онъ собралъ тридцать человекъ, и между ними одного грамотѣя, который, по его приказанію, написалъ два воззванія, къ донскимъ казакамъ и вообще къ народу. Въ этихъ воззваніяхъ говорилось, что нужно постоять „за старую вѣру,“ за которую мнимый царевичъ будто много мученія принялъ отъ „старого императора,“ и все-таки „въ его законъ не пошелъ, понеже онъ поступался своими законами, многія часовни поломалъ, красу съ человека снялъ (бороду), платья обрѣзывалъ“ и т. п. Говорилось также и о дальнихъ странствіяхъ, совершенныхъ царевичемъ, — въ Черниговъ, въ Кіевъ-градъ; говорилось и о черни, которой нужно помочь, словомъ, приготавлилось дѣло, котораго размыслы трудно предугадать, еслибы смѣлый самозванецъ не былъ схваченъ на первыхъ порахъ.

Сближая образъ дѣйствій Тимоѣея-Труженника и Ларионова съ образомъ дѣйствія Пугачева, мы найдемъ въ нихъ родственныя черты. И въ тридцатыхъ годахъ, и въ семидесятыхъ упоминается о знакахъ на тѣлѣ, которые должны были служить примѣтами царскаго происхожденія; въ томъ и другомъ случаѣ очевиденъ раскольничій оттѣнокъ; упоминается о старыхъ книгахъ и скитальчествѣ, затрогиваются струны религіознаго мистицизма, буйной вольницы, преданности царскому имени. Весьма вѣроятно, что еслибы мы имѣли такія же подробности относительно прочихъ самозванцевъ XVIII вѣка, то могли бы провести наше сближеніе и далѣе. А самозванцевъ этихъ было много. Мнимые царевичи, Алексѣи и Петръ, появлялись въ разныхъ мѣстахъ во всю вторую четверть XVIII вѣка. Въ 1725 году солдатъ 2-го Гренадерскаго полка, Александръ Семиковъ, квартируя въ Почепѣ, назвался царевичемъ Алексѣемъ, но не успѣлъ никого привлечь къ себѣ. * Въ 1738 году какой-то простолюдинъ, „работный человекъ,“ Минуцкій, „забывши природную свою подлость,“ назвался царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и произвелъ въ Кіевской губерніи нѣкоторые безпорядки. ** Попъ-разстрига, нѣсколько казаковъ, крестьянъ и солдатъ

* Чтен. 1860.

** Пол. Соб. Зак. № 7.653.

сдѣлались его приверженцами. Весь этотъ сбродъ, сойдясь однажды въ селѣ Ярославцѣ, рѣшился дѣйствовать открыто, потянулся толпой къ сельской церкви; распоръ приказалъ звонить, вышелъ на паперть съ хоругвями и крестами, и съ торжествомъ поцѣловать руку самозванца, ввелъ его въ церковь, гдѣ зажжены были всѣ свѣчи и лампы, и, наконецъ, царскими вратами ввелъ его въ алтарь. Ставъ здѣсь, самозванецъ допускалъ собравшійся народъ къ руцѣ, а его помощникъ, распоръ, заставлялъ цѣловать крестъ и Евангеліе, послѣ чего отсаженъ былъ молебень съ многолѣтіемъ царевичу Алексѣю Петровичу. По счастью, самозванецъ былъ арестованъ при выходѣ изъ церкви, и тѣмъ дѣло кончилось.

Тридцать лѣтъ спустя начинаютъ появляться мнимые Петры Третьи. Пугачевъ между ними не первый и не послѣдній.

Первымъ изъ нихъ, по свидѣтельству, въ которомъ нѣтъ повода сомнѣваться, былъ какой-то воронежскій сапожникъ, не успѣвшій произвести серьезныхъ безпорядковъ; вторымъ — бѣглый солдатъ Орловскаго полка, явившійся подъ именемъ Петра III на Крымской границѣ, гдѣ онъ, при помощи раскольничьихъ поповъ, подговорилъ немалое число крестьянъ; онъ былъ посаженъ ими на престолъ ихъ сельской церкви и чествуемъ въ качествѣ императора. Дальнѣйшіе безпорядки были предупреждены лишь тѣмъ, что въ то самое время, какъ они начинались, черезъ селеніе проходила военная команда, которая арестовала самозванца; это было въ 1770 году. Наконецъ ближайшій предтеча Пугачева былъ крестьянинъ графа Воронцова, Богомолловъ. Онъ явился въ 1772 году въ мѣстности весьма близкой къ театру первыхъ подвиговъ знаменитаго зимовейскаго казака, именно въ Дубовкѣ, въ средѣ Волжскаго казачьяго войска, гдѣ начинались было довольно серьезные безпорядки; по счастью они были скоро подавлены, и Богомоллову, какъ и его предшественникамъ, не удалось процарствовать болѣе нѣсколькихъ часовъ, такъ что появленіе его прямыхъ послѣдствій не имѣло.

Каковы бы ни были неудачи предшественниковъ Пугачева, весьма естественно, что о нихъ было извѣстно въ смежныхъ мѣстностяхъ, на Ирғизѣ и Яикѣ, между людьми, которые, въ качествѣ ли раскольниковъ или недовольныхъ казаковъ, были расположены прислушиваться ко всему имѣвшему характеръ оппозиціи и протеста. Это обстоятельство объясняетъ намъ

слова одного изъ первыхъ сообщниковъ Пугачева: „слышно было, что государь скончался, но болѣе поговаривали, что онъ живъ.“ Если принять во вниманіе, что до Пугачева появлялось три (намъ извѣстныхъ) лже-Петра, что такой же самозванецъ, какъ увидимъ далѣе, былъ въ одно время съ нимъ, а два вслѣдъ за нимъ,* то мы должны будемъ придти къ заключенію, что въ глубинѣ того темнаго міра, которымъ такъ мало интересовались въ прошломъ вѣкѣ, въ мірѣ безграмотной или полуграмотной массы, невѣдомо отъ высшихъ общественныхъ слоевъ, сложилась около того времени, которое насъ занимаетъ, какая-то упорная и очень распространенная мысль о томъ, что Петръ III не умеръ, а живъ и ищетъ возвратитъ себѣ престолъ и корону.

Мысль эта дѣйствительно существовала между раскольниками и одною изъ ихъ сектъ, сконческой, и возведена на степень религіознаго догмата. Одно изъ основаній ученія скопцовъ состоитъ въ томъ, что Христовъ воплощается въ лицѣ того или другаго изъ живущихъ людей. Это ученіе возникло между раскольниками задолго до появленія скопчества какъ определенной секты. Еще при Петрѣ Первомъ открыто было въ Углицкомъ уѣздѣ раскольниковъ согласіе, учитель котораго, отставной стрѣлецъ Прокопій Лупкинъ, называлъ себя Христомъ и говорилъ, что когда онъ съ учениками своими славословилъ, то Духъ Святый сходилъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ „и подымалъ ихъ съ лавки, и ходили они скачучи въ кругъ, по получасу и больше, и въ то время клали на столъ калачъ ломтиками, и отпѣвъ молитвы тѣмъ причащались.“ Нѣчто подобное было открыто въ 1734 году въ Москвѣ: тѣ же сборища, въ которыхъ сектанты власскою доводили себя до изступленія, пророчествовали при этомъ и совершали крещеніе, если не огнемъ еще, какъ скопцы, то *духомъ*. **

Но оставляя въ сторонѣ всѣ намеки и указанія на существованіе у насъ скопчества до официальныхъ извѣстій о немъ, замѣтимъ, что оно сдѣлалось формально извѣстно правительству въ 1772 году. Въ деревнѣ Богдановкѣ, Орловской губерніи, гдѣ эта секта первоначально обнаружилась,

* Хавинъ (*Рус. Вѣсти*. 1860) и Хрипуновъ, о которомъ въ примѣч. III приведено извѣстіе, заимствованное изъ московскаго архива всеяго министерства.

** П. С. З. № 6.612.

подвергнуто суду и сдано въ солдаты 18 человекъ, да заключено въ Динаминдской крѣпости пятеро—количество немаловажное для одного селенія. Но это были не единственные скопцы, и Богдановка не единственное мѣсто, гдѣ они находились. Три года спустя, въ селѣ Сосновкѣ, Тамбовской губерніи, найденъ былъ новый центръ скопчества и открыто какое-то таинственное лицо, извѣстное подъ именемъ „Кіевского затворника“, которое едва ли не псевдонимъ основателя скопчества, извѣстнаго Кондратія Селиванова, *Искупителя, Христа и Петра III* въ одно и то же время. Не касаясь религіозно-мистической стороны этого непостижимаго ученія, остановимся на томъ что даетъ указаніе на занимающее насъ дѣло. По ученію скопцовъ, императоръ Петръ III, угрожаемый смертію со стороны взбунтовавшихся противъ него вельможъ, подкупилъ одного часового, помѣнялся съ нимъ платьемъ и скрылся, къ чему нѣкоторые присовокупляютъ, что и часовой этотъ былъ скопецъ и добровольно принялъ на себя мученіе для спасенія того, кто совѣщалъ въ своей особѣ и царя и искупителя. Спасшись отъ смерти, Петръ III, —разказываютъ скопцы, — началъ скитаальческую жизнь, былъ за границею, потомъ, возвратясь въ Россію, подвергся мученію, наказанъ кнутомъ въ Сосновкѣ и сосланъ въ Иркутскъ, оттуда явится „со славою и силою“ и будетъ судить „живыхъ и мертвыхъ.“

Въ этой легендѣ, въ которой черты изъ жизни императора Петра III, Кондратія Селиванова и земной жизни Спасителя перемѣшаны такимъ чудовищнымъ образомъ, для насъ особенно важна мысль о томъ что Петръ живъ. Мы прослѣдили эту мысль, если не съ самаго ея начала (подобныя мысли, возникающія въ сознаниіи или фантазіи массы, не имѣютъ опредѣленнаго начала), то съ того времени, съ котораго позволяютъ доступные намъ источники. Можетъ-быть мы могли бы прослѣдить ее и еще далѣе: указать, напримѣръ, на то что и Стецька Разинъ, за сто лѣтъ передъ описываемымъ временемъ, распускалъ слухъ, будто съ нимъ идетъ для завладѣнія Москвою царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, тогда уже умершій; мы могли бы припомнить, что, по свидѣтельству г. Костомарова, въ Приволжскомъ краѣ есть преданіе, будто этотъ страшный разбойникъ XVII столѣтія живъ и до сихъ поръ... Какъ слагались мненія о царевичѣ Алексѣѣ

Алексѣевичъ, Алексѣй и Петръ Петровичахъ, точно такъ же сложился въ свое время народный мнѣнъ и о Петрѣ III. Мы встрѣчаемъ два рода самозванцевъ; одни, подобно Тимоѣю Труженину и Кандратью Селиванову, отпраивались отъ точки зрѣнія религиозно-мистической, другіе, подобно Ларіонову, Миницкому и Пугачеву,—съ точки зрѣнія практической и, пожалуй, политической, какъ представители того элемента броженія, тѣхъ неустановившихся понятій, которыя присущи молъ дымъ, формирующимся общественнымъ организмамъ. Эти двѣ силы, религиозно-мистическая и сила противоборствующая идеѣ государства и порядка, вынесли Пугачева и постоянно его сопровождали; съ минуты его появленія до самаго конца его поприща мы видимъ его окруженнымъ, съ одной стороны, раскольниками, съ другой—казаками, Калмыками, бурлавыми крестьянами, бѣглыми холопами и солдатами. Самая судьба его получаетъ двойное значеніе и двойственный характеръ. Для мистиковъ-раскольниковъ онъ остается Петромъ III и *Искупителемъ*: Селивановъ въ своихъ „Страдахъ“ говоритъ (грубо нарушая истину), что толпы самозванца пристали къ нему, когда первый вождь ихъ былъ взятъ; для казачьей вольницы онъ былъ лихой атаманъ, съ которымъ они могли припомнить славныя времена своихъ дѣдовъ, а крестьяне надѣялись при его помощи выместить свою крѣпостную неволю. Что касается до него самого, то можно съ полнымъ довѣріемъ принять его показаніе, что онъ „недумалъ къ правленію быть и владѣть всѣмъ Россійскимъ царствомъ“, а шелъ на то „если удастся чѣмъ поживиться или убиту быть на войнѣ.“
 День мой—вѣкъ мой, вотъ девизъ Пугачева.

III.

Въ половинѣ сентября, яицкій комендантъ Симоновъ узналъ о появленіи самозванца и сдѣлалъ распоряженіе о его поимкѣ. Но поймать его было не легко. Изъ собственныхъ показаній Пугачева видно, что тайные его приверженцы немедленно давали ему знать о всемъ что дѣлалось въ городѣ. Извѣстіе о распоряженіи Симонова заставило какъ самого самозванца, такъ и его пестуновъ удариться въ стѣнь и ускорить рѣшительными дѣйствіями. Они первоначально предполагали наѣхать на казаковъ во время осенней плавни (въ октябрѣ), когда все казачество бываетъ въ сборѣ безъ присутствія начальства. Теперь пришлось оставить это предположеніе. Одинъ изъ братьевъ Кожевниковыхъ былъ арестованъ, равно какъ и нѣсколько другихъ казаковъ, знавшихъ тайну Пугачева; * ихъ показанія, вынужденныя извѣстными способами, могли разстроить все дѣло, а потому рѣшено было предупредить мѣры, которыя могъ принять противъ нихъ Симоновъ. Немедленно изготовлены были знамена; для царя привезена была приличная одежда—зеленый кафтанъ и шапка.... ** Мятежники сѣли на коней. „Пойдемъ,—сказалъ Чика,—на Толкачевъ хуторъ, и когда соберемъ столько людей чтобы показаться къ Городку (Яицкому), то и думать нечего: пойдемъ туда со славой!“

Между тѣмъ привезенъ былъ въ главную квартиру самозванца и писарь. Въ немъ состояла крайняя надобность. Пугачевъ хотя и увѣрялъ, что онъ не только большой грамотѣй, но и „на многихъ языкахъ говорить умѣетъ“, однако въ дѣйствительности онъ былъ совершенно безграмотенъ,—а между тѣмъ для всѣхъ была очевидна необходимость разослать какое-нибудь воззваніе. Поэтому, когда при-

* *Ист. Пугач. бунта.*

** *Допросы Пугачева.*

везенъ былъ писарь (Почиталинъ), то Пугачевъ велѣлъ ему написать указъ „въ той силѣ, что государь Петръ III, императоръ, привалъ царство и жалуетъ рѣками, морями, дѣсами, крестомъ и бороною (ибо сіе для лицкихъ казаковъ было надобно).“ * Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы под-

* Вотъ одинъ изъ такихъ указовъ, помѣщенный въ *Пермской Сборникъ*:

„Самодержавнаго Императора Петра Θεодоровича Всероссійскаго и проч. и проч. и проч., именной указъ.

„Именное мое повелѣніе: какъ дѣды и отцы ваши служили, такъ и вы послужите мнѣ, великому государю. Второе: когда вы исполните именное мое повелѣніе, и за то будете жалованы крестомъ и бороною, и рѣкою, и землею, травами и морями, и денежными жалованьемъ и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною властью. И повелѣніе мое исполнять съ усердіемъ. Кто мнѣ прѣзжайте, то совершенно меня за оное пріобрѣсти можете мою монаршую милость; а ежели вы моему указу противитесь будете, то—вскорости возчувствовать на себя праведный мой гнѣвъ. Власти Вышняго Создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можете никто,—отъ сильныхъ нашей руки защищать не можетъ.“ Поданный подписанъ такъ: „Великій Государь Петръ III Всероссійскій.“

А вотъ и другой манифестъ Пугачева, извѣщенный изъ донесеній атамана Донскаго войска, Судина, въ военную коллегію (Архивъ воен. минист. въ Москвѣ. Дѣла Потемкинскія), гдѣ онъ находится въ конію.

„Божіею милостию, Мы Петръ Третій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, и прочая. Антиповской станицы г-ну атаману Ивану Паатову, старшинамъ и всей Антиповской станицѣ объявляется во всеародное извѣстіе:

„Уповательно вся Россія не безызвѣстна, которой уже бѣлая половина подъ скипетръ и корону нашу добродѣтельнымъ образомъ окончилась и признала насъ, обстоятельно увѣрся о точномъ нашемъ имени, а особливо не только Донскаго и Вожскаго войска оказываютъ въ нашей службѣ ревность и усердіе: того ради и вамъ г-ну атаману Паатову съ войскомъ посылаемъ всеимпериѣйшій нашъ именной указъ съ монаршимъ и отеческимъ милосердіемъ, и повелѣваемъ, по прибытіи нашемъ съ арміею, учинить прістоймою встрѣткѣ, полеже завтра въ полонку для прібытія имѣемъ, для чего быть готовымъ въ нашу службу; а владѣвъ-дворянъ всачески стараться искоренять. Во вѣрность чего за подписаніемъ собственною нашею руки и съ приложеніемъ короны, сей

писать этот указъ: „я приказалъ,—говорилъ въ послѣдствіи Пугачевъ,—чтобы подписалъ онъ (Почиталинъ), а мнѣ-де подписывать невозможно до самой Москвы, для того что не надобно казать мнѣ свою руку, и есть-де въ ономъ великая причина.“

Указъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе: тотчасъ по полученіи его на соседнемъ хуторѣ, къ Пугачеву пріѣхало нѣсколько казаковъ; всего у него набралось сорокъ человѣкъ, да человѣкъ двадцать Калмыковъ.... „Тотчасъ развернули знамена“, на которыхъ былъ изображенъ раскольниковій крестъ, и поѣхали прямо къ Яицкому-Городку. По дорогѣ шайка самозванца усилилась казаками съ форпостовъ, мимо которыхъ она проходила; по дорогѣ же, по желанію казаковъ и „для страху“ былъ повѣшенъ одинъ казакъ, про котораго сказывали что онъ принадлежалъ къ старшинской рукѣ. Вѣсть съ тѣмъ отправлено было къ киргизскому Нурали-хану приглашеніе оказать помощь законному государю, отыскивающему престолъ. Наконецъ, Пугачевъ подступилъ къ Яицкому-Городку. Съ нимъ было всего 140 человѣкъ.

Съ этою горстью людей, разумѣется, нельзя было надѣяться взять городъ силою. Когда же изъ него вышла толпа казаковъ, и выступили три роты регулярныхъ войскъ, * то, говоритъ Пугачевъ, „я думалъ въ то время, что разберутъ по рукамъ!“—„Однакожь,—прибавляетъ онъ,—сего великаго числа не очень устранился, и болѣе думалъ то, что есть въ томъ числѣ и мои согласники.“ ** Эта надежда оказалась основательною: половина отряда, по свидѣтельству Пушкина, перешла на сторону бунтовщиковъ; многіе вѣрные казаки были силою захвачены своими товарищами, и одиннадцать изъ нихъ были немедленно повѣшены. Судъ и расправа надъ ними были недолги. Казаки спросили у Пугачева, что сдѣлать съ казаками старшинской руки?

указъ данъ августа дня 1774 года. Петръ.“ (Такъ какъ этотъ указъ напечатанъ не съ подписника, то я счелъ позволительнымъ придерживаться обыкновенной ореографіи, не зная кому принадлежатъ наполняющія его грамматическія неправоуности: канцеляріи самозванца, или канцеляріи домскаго атамана).

* *Лѣтопись Рылкова.*

** *Допросъ Пугачева.*

— Надо ихъ увѣрить, да привести къ присягѣ, отвѣчалъ Пугачевъ (по собственному показанію).

— Мы имъ не вѣримъ, возразили приближенные самозванца:—мы знаемъ кого можно простить и кого повѣсить. Тутъ есть великіе злодѣи.

„Видя, что они хотятъ,—разказываетъ Пугачевъ,—дабы были повѣшены, то и приказалъ реи одѣлать.“

Положеніе Симонова было очень затруднительное. На казакѣ онъ не могъ положиться и боялся выслать ихъ противъ Пугачева, а пѣхоты не смѣлъ вывести изъ Городка, потому что опасался возмущенія со стороны жителей. Съ своей стороны, Пугачевъ, не желая предпринимать ничего слишкомъ рискованнаго на первыхъ порахъ, не остановился подъ Яицкимъ-Городкомъ, миновалъ его и направился къ Илецкой станицѣ, находящейся въ 145 верстахъ отъ главнаго пункта Уральскаго войска и почти въ такомъ же разстояніи отъ Оренбурга. У него въ это время набралось 450 человекъ. При его приближеніи, илецкіе казаки связали своего станичнаго атамана и встрѣтили съ колокольнымъ звономъ и хлѣбомъ-солью Пугачева. Вступивъ въ Илецкую станицу, онъ немедленно отправился въ церковь и велѣлъ пѣть молебны Петру III, а императрицу изъ эктениі исключать, говоря: „Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то зашлю ее въ монастырь; пускай-де за грѣхи свои Богу молится.“ При этомъ Пугачевъ объяснял и свою правительственную систему: „у бояръ села и деревни отберу, а буду жаловать ихъ деньгами.“ Мысль эта, какъ извѣстно, еще очень недавно была въ ходу между крестьянами; но началъ ея надо искать гораздо ранѣе описываемаго здѣсь времени. Всѣ предшественники Пугачева, царевичи Петры и Алексѣи и, наконецъ, Стенька Разинъ, предъявляли намѣреніе посадить дворянство на жалованье и обратить его въ сословіе чиновниковъ. Пугачевъ, очевидно, во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ понятіямъ людей, къ которымъ онъ обращался и которыми былъ окруженъ. Стародавняя казачья воля, разумѣется, была имъ немедленно восстановлена. Уже подъ Яицкимъ-Городкомъ онъ собираетъ своихъ казаковъ въ *кругъ* и предоставляетъ избрать атамана, есауловъ и прочую старшину. Солдаты, сдававшіеся или забираемые имъ въ плѣнъ, по приведеніи ихъ къ присягѣ, немедленно были остри-

гаемы *из кружковъ* и зачисляемы казаками. Подобно Разину, онъ хотѣлъ, казалось, обратить всю Россію въ одно огромное казачье войско, и точно также какъ знаменитый мятежникъ XVII вѣка объявлялъ безпощадную войну письменности: овладѣвъ какою-нибудь крѣпостцю, первымъ его дѣломъ было предать публичному всесожженію архивы, текуція дѣла и шкуровыя книги.

Все это, вполнѣ соответствуя инстинктамъ толпы, доставляло Пугачеву большую популярность и даже, въ глазахъ извѣстнаго сорта людей, запечатлѣвало его какъ бы истинно царскимъ знаменіемъ. Какъ иначе объяснить, что находились люди, которые не только присягали Пугачеву, но и увѣряли, что они дѣйствительно узнаютъ въ немъ покойнаго государя? Первымъ изъ такихъ людей былъ старшина Витомковъ, взятый подъ Яцкимъ-Городкомъ. Пугачевъ потребовалъ его къ себѣ и спросилъ, знаетъ ли онъ его. „Какъ же,—отвѣчалъ тотъ,—видалъ еще маленькаго.“ Витомковъ, пожалуй, могъ это сказать для спасенія жизни, но въ Илецкой станицѣ подобное же заявленіе сдѣлалъ одинъ казакъ, про котораго не извѣстно чтобъ онъ вынужденъ былъ къ тому страхомъ и опасностію. Это былъ какой-то Дубовскій казакъ, старикъ; онъ вошелъ въ избу, занятую Пугачевымъ, и любясь на него, сказалъ:

— Я ваше величество узналъ, потому что въ то время былъ въ Петербургѣ, какъ вы обручались.

— Ну, старичокъ, хорошо когда ты меня узнаешь, отвѣчалъ Пугачевъ, вѣроятно, не безъ внутренней улыбки.

Успѣхи Пугачева были необыкновенно быстры. За Илецкою станицей пала передъ нимъ, 24-го сентября, крѣпостца Розсыпная, на слѣдующій день Нижне-Озерная, потомъ Татищева, Чернорѣченская, и 1-го октября онъ уже былъ въ виду Оренбурга; * но миновавъ его, пошелъ къ Сакмарскому-Городку, который занялъ безъ сопротивленія, равно какъ и лежащую въ 30 верстахъ отъ него крѣпость Пречистенскую. Такимъ образомъ въ двѣ недѣли онъ прошелъ болѣе 300 верстъ, овладѣвъ семью крѣпостцами и затѣмъ смѣло подступилъ къ главному городу края—резиденціи губернатора, снабженной довольно сильнымъ гарнизономъ изъ

* Лѣтопись Рычкова.

регулярныхъ войскъ. Оренбургъ далъ мятежникамъ, раз-
умѣется, сильный отпоръ, но они не унывали, отрѣзали
всѣ ведущія къ нему сообщенія, и Пугачевъ занялъ лежа-
щую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него Бердскую слободу,
расположась зимовать въ ней. Положеніе его здѣсь было
очень удобно. По одну сторону его находилась земля Баш-
киръ (расположеніе умовъ которыхъ намъ извѣстно), по
другую—Киргизы, ханъ которыхъ вступилъ съ нимъ въ по-
дозрительныя сношенія, наконецъ, съ третьей стороны была
главная его сила—Яицкое войско. Одного пребыванія его
въ этомъ пунктѣ было достаточно, чтобы держать въ вол-
неніи весь край: Калмыки, которыхъ потребовалъ къ
себѣ губернаторъ, разбѣжались; крестьяне горныхъ заводовъ
были положительно ненадежны; казаки измѣняли повѣрду;
солдаты плохо дрались, начальствующія лица теряли голову,
лишались бодрости и нерѣдко не исполняли данныхъ имъ
приказаній.

Все удавалось Пугачеву, и ничто не удавалось тѣмъ,
которые противъ него дѣйствовали. Оренбургскій губерна-
торъ обнародовалъ о немъ объявленіе, въ которомъ раскры-
валъ его истинное происхожденіе и прилагалъ его примѣты,
упомянувъ, между прочимъ, что онъ „наказанъ кнутомъ съ
поставленіемъ на лицѣ его знаковъ; но чтобы онъ въ томъ
познанъ не былъ,—продолжалъ генералъ Рейнсдорпъ,—для того
предъ предводительствующими имъ никогда шапки не сни-
малъ.“ * Это объявленіе, какъ уже выше замѣчено, сдѣлалось
новою причиною для торжества самозванца; онъ самъ и его
люди посмѣивались этому описанію и говорили колеблющим-
ся: „гдѣ же у нашего батюшки-государя рваная ноздря? смот-
рите сами!“ Все это дѣйствовало очень сильно на простона-
родіе. Въ октябрѣ, когда онъ подступилъ къ Оренбургу, къ
нему со всѣхъ сторонъ нахлынули Башкиры, заводскіе и
иные крестьяне, Калмыки и различные другіе инородцы, такъ
что толпа вокругъ него была огромная. **

Таковы были вѣсти, которыя одна за другою прилета-
ли въ Петербургъ. Первое извѣстіе о появленіи самозванца

* Это объявленіе приложено къ *Лѣтописи Рычкова*.

** Въ *Допросахъ*. Пугачевъ говорилъ, что подъ Оренбургомъ у него
было 100 000 Башкиръ, заводскихъ крестьянъ 17 000, потомъ еще

пришло еще въ октябрѣ, * во время празднованія бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ первою супругой; эти слухи были довольно неопредѣленны, а потому ящкіе беспорядки не обратили особеннаго вниманія въ публикѣ. Но лица знавшія дѣло изъ донесеній мѣстныхъ начальниковъ не могли быть спокойны, тѣмъ болѣе что въ отдаленномъ краѣ, гдѣ открылись такіе серіозные беспорядки, почти вовсе не было войскъ. За исключеніемъ гарнизоновъ въ многочисленныхъ, но ничтожныхъ крѣпостцахъ, разбѣянныхъ въ этомъ краѣ, и которые не могли отдѣлать отъ себя почти ничего для дѣйствія въ полѣ, всѣ дѣйствующія войска и всѣ надежные военные люди находились въ то время въ Дунайской арміи. Нѣсколькимъ ротамъ, набраннымъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ и на Украинѣ, велѣно было спѣшить къ Казани на подводахъ. Одна изъ такихъ командъ, отправленная новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ, сдѣлала 250 верстъ въ два дня: доказательство, какое значеніе придавали правительственные лица настоящему случаю. Начальство надъ войсками, отовсюду спѣшившими въ Казань, долженъ былъ принять генералъ Каръ, лично извѣстный императрицѣ со времени ея вступленія на престолъ ** и постоянно употреблявшійся для различныхъ порученій Реннимымъ въ бытность его посломъ въ Польшѣ. Указъ о его назначеніи былъ данъ 11 октября. Въ тотъ же самый день подписанъ былъ манифестъ, объявлявшій о появленіи самозванца, равно какъ объ истинномъ его званіи и имени. Повидимому, однакожъ, этотъ манифестъ, чтобы не производить тревоги въ умахъ всей страны, былъ разосланъ только въ тѣ мѣстности, которыя были объаты или угрожаемы возмущеніемъ: иначе мудрено объяснить, что до исхода ноября, по сло-

пришло 4.000 Башкиръ и 800 Калмыковъ, такъ что къ декабрю всякаго сброда набралось у него до 120 т. человекъ. Пумкинъ уменьшаетъ это число до 25.000. Рычковъ—до 10 т., а Бибиковъ, пріѣхавъ въ Казань, писалъ графу Чернышеву, что ихъ не менѣе 6.000, кромѣ Башкиръ. Впрочемъ, войско Пугачева состояло изъ волонтеровъ, которые приходили и уходили по произволу, и число ихъ должно было ежедневно измѣняться.

* *Записки Державина.*

** О немъ упоминаетъ кн. Дашкова въ своихъ *Запискахъ.*

вамъ Державина, въ Петербургѣ вовсе не было разговоровъ о Пугачевѣ. Впрочемъ, русское общество того времени было хорошо вышколено и упорно молчало о томъ, о чемъ правительство не желало чтобы говорилось; а что правительство хотѣло избѣжать гласности по настоящему дѣлу, видно изъ того, что оно до января 1774 года, ни однимъ словомъ не давало знать своимъ дипломатическимъ агентамъ за границей объ „Оренбургскихъ происшествіяхъ“: „Я приказала не таить болѣе этой исторіи“, писала императрица къ новгородскому губернатору Сиверсу лишь 10-го декабря.* И дѣйствительно, не ранѣе какъ по полученіи извѣстія о первыхъ успѣхахъ противъ Пугачева, была снята печать безмолвія съ русскихъ дипломатовъ за границей.** Но если правительство понимало все значеніе обнаруживавшагося волненія и употребило вышеозначенныя энергическія мѣры для сосредоточенія войскъ у Казаки, то мудрено понять назначеніе начальникомъ ихъ генерала Кара, человека проведшаго большую часть своей службы въ Польшѣ, вовсе неизвѣстнаго въ томъ краѣ, куда его посылали, и вовсе его незнавшаго, не имѣвшаго ни военнаго, ни инаго какого-либо авторитета. Онъ могъ имѣть достоинства какъ второстепенный дипломатическій агентъ, но въ настоящемъ случаѣ оказался ниже своего положенія. Прибывъ на мѣсто, онъ не понялъ опасности, которая угрожала краю; въ письмѣ къ графу Чернышеву онъ очень легкомысленно отзывался о врагѣ, противъ котораго былъ посланъ,*** и смѣло двинулся къ Оренбургу, раздѣливъ еще притомъ свои силы: съ частію ихъ пошелъ самъ, а другую послалъ подъ командою полковника Чернышева. Дорогой узнавъ, что на соединеніе съ самозванцемъ слѣдуетъ толпа заводскихъ крестьянъ и Башкиръ, Каръ попробовалъ было не допустить этого соединенія, пошелъ къ ней навстрѣчу, и вдругъ, безъ всякой видимой причины, круто повернулъ назадъ, и отступленіе его было очень похоже на бѣгство.**** Мало того: Каръ, поки-

* Ein rus. Staatsmann.

** 7-го января 1774 г. вице-канцлеръ князь Голицынъ въ первый разъ коснулся этихъ дѣлъ въ депешѣ къ посланнику нашему въ Берлинъ, князю Влад. Сер. Долгорукову: „Вы слышали, конечно,—писалъ онъ,—объ оренбургскихъ происшествіяхъ. Дѣло преувеличено молвой. Эти безпорядки произведены бродягами и разбойниками, которые воспользовались отсутствіемъ войскъ.“

*** Ист. Пуг. бунт.

**** Онъ былъ за это отставленъ отъ службы.

нувъ и войско, и край ему вѣренный, безъ всякаго разрѣшенія уекаалъ въ Москву. * Что же касается до отряженнаго имъ Чернышева, то отрядъ его былъ аттаконанъ превосходными силами и сдался, а онъ самъ и 36 офицеровъ были повѣшены.

Всѣ эти извѣстія, увеличиваемыя еще молвой, приводили въ ужасъ всю восточную половину Россіи; Казань опустѣла; въ Москвѣ распространилось смущеніе; даже въ окрестностяхъ Петербурга въ народѣ начинали ходитъ подозрительные толки. ** Къ удивленію, если вѣрить свидѣтельству Державина, лишь въ петербургскомъ обществѣ ничего не знали или дѣлали видъ что ничего не знаютъ. Въ день кавалерскаго праздника Св. Андрея, 30 ноября, во дворцѣ былъ балъ. Императрица, всегда искусно владѣвшая собою, съ обыкновенною своею величаво-привѣтливою улыбкой, обращая благосклонное слово то къ тому, то къ другому изъ присутствовавшихъ, заговорила и съ А. И. Бибиковымъ. *** Этотъ разговоръ продолжался нѣсколько болѣе обыкновеннаго, а потому былъ замѣченъ, тѣмъ еще болѣе что Бибиковъ казался въ это самое время несовсѣмъ въ милости при дворѣ; полагали, что къ нему не благоволилъ графъ З. Г. Чернышевъ, только что утвержденный президентомъ военной коллегіи, и этому обстоятельству приписывали назначеніе Бибикова въ армію Румянцева, что никакъ не могло считаться повышеніемъ, послѣ того какъ онъ самостоятельно управлялъ военными дѣйствіями въ Польшѣ. Какъ бы то ни было, императрица довольно долго разговаривала съ Бибиковымъ на балѣ 30 ноября, а на другой день весь городъ узналъ содержаніе этого разговора: 29 числа былъ подписанъ рескриптъ, назначавшій его главнымъ начальникомъ какъ всѣхъ военныхъ силъ, направленныхъ

* Письмо Екат. къ кн. Волк. (Соч. Екат. II.)

** *Записки Державина.*

*** Послѣ командировки въ Холмогоры, о которой было уже сказано, Бибиковъ скоро опять приобрѣлъ милость двора. Императрица во время своего путешествія въ Казань и Симбирскъ обѣдала у него, въ его усадьбѣ, и вслѣдъ затѣмъ утвердила его предводителемъ собранія депутатовъ для составленія Уложенія. По распущеніи собранія, онъ командовалъ войсками въ Польшѣ, по удаленіи отъ туда князя Репнина.

противъ Пугачева, такъ и всего края, охваченнаго мятежемъ или имъ угрожаемаго.

Бибиковъ, постоянно пользовавшійся самою лучшею и чистою репутаціею со времени собранія депутатовъ, котораго онъ былъ предводителемъ, имѣлъ огромную популярность. Назначеніе его было торжественнымъ признаніемъ того какую важность придавало правительство яцкимъ происшествіямъ. Это назначеніе послужило также указаніемъ искателямъ отличій, что пристроиться къ свитѣ новаго начальника будетъ дѣломъ не безвыгоднымъ. Въ числѣ такихъ искателей былъ и знаменитый въ послѣдствіи Державинъ, который хотя и былъ предупрежденъ уже многими, но, въ качествѣ казанскаго уроженца, былъ принятъ Бибиковымъ. * Съ большою поспѣшностію этотъ послѣдній выѣхалъ изъ Петербурга, и пробывъ только четыре дня въ Москвѣ, поскакалъ въ Казань, куда пріѣхалъ въ ночь на Рождество. Казань была пуста. Тѣ изъ дворянъ, которые имѣли помѣстья въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ театра безпорядковъ, поспѣшили туда уѣхать; другіе отправились въ Москву. Самого губернатора, генерала фонъ-Бранта, не было въ Казани; этотъ дряхлый и слабый старикъ находился зачѣмъ-то въ Козмодемьянскѣ, и сколько можно заключить по географическому положенію этого городка, не затѣмъ чтобъ идти навстрѣчу Пугачеву. Дѣла были нехороши, очень нехороши. „Они столь дурны, что я довольно того описать не могу“, увѣдомлялъ Бибиковъ графа Чернышева, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Казань. ** Въ самомъ дѣлѣ, въ исходѣ декабря, — время его пріѣзда, — мятежъ далеко раскинулся во всѣ стороны и, казалось, начиналъ серіознымъ образомъ угрожать Казани. Чика держалъ Уфу въ тѣсной блокадѣ, Самара была занята мятежниками, возмущеніе бушевало въ Пензенской провинціи. Мятежники, утвердившись такимъ образомъ на низовьяхъ Волги, получали возможность непосредственно дѣйствовать на бурливое народонаселеніе этой мѣстности, на поволжскую вольницу. Башкиры и заводскіе крестьяне явно бунтовали, и разливъ мятежа начиналъ уже переходить на восточную сторону Уральскаго хребта, въ Тобольскую губернію. Навсемъ этомъ обширномъ пространствѣ торжествовалъ самозванецъ.

* Записки Державина. Ист. Пугач. бунта.

** Ист. Пуг. бунта. Записки Державина.

Только въ двухъ пунктахъ, Оренбургѣ и Яицкомъ-Городкѣ, удерживалась еще законная власть, но и въ Оренбургѣ и въ Яицкѣ гарнизоны умирали отъ голода. И какія же средства противоѣдствовать такому положенію дѣла? Край былъ почти безъ войскъ, да и тѣ, которыя еще оставались, были совершенно деморализованы: „На гарнизонныя команды считать нельзя,—писалъ Бибиковъ графу Чернышеву.—Сія негодница довольна что ихъ не трогаютъ, и до первой деревни дошедши, присылаетъ рапорты, что окружена и дальше идти нельзя.“ Въ частной своей перепискѣ онъ выражался еще сильнѣе: „Скареды и срамцы, здѣшніе гарнизоны, всего боятся, никуда носъ не смѣютъ показывать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшные присылаютъ.“* При такихъ условіяхъ нельзя было, слѣдовательно, предпринять никакихъ рѣшительныхъ военныхъ мѣръ. Оставалось одно: поднять упавшій духъ мѣстнаго населенія и сдѣлать воззваніе къ тѣмъ сословіямъ, которымъ наиболѣе грозила Пугачевщина, и положеніе которыхъ дѣлало ихъ естественными защитниками порядка.

Въ такомъ именно положеніи находилось прежде всего дворянство. Мы уже замѣтили, что со стороны самозванца рѣчь шла о томъ, чтобы отобрать дворянскія помѣстья. Надѣлать крестьянъ на счетъ помѣщиковъ сдѣлалось однимъ изъ догматовъ Пугачевщины. Многіе видятъ въ ней страшный протестъ противъ крѣпостнаго права, и этого отрицать нельзя; но не нельзя тоже не видѣть въ ней никакого коммунизма, посягательства на основу гражданскаго благоустройства—право собственности—и тѣхъ противугосударственныхъ и противобщественныхъ началъ, которыя теперь, какъ и во время первыхъ самозванцевъ и Разина, но уже въ послѣдній разъ, стремились потрясти и сокрушить зданіе воздвигнутое исторіей, поставить понятія *орды* на мѣсто понятія *государства*. Эта сторона Пугачевщины едва ли не болѣе всѣхъ другихъ льстила инстинктамъ черни, на которую такъ разчитывалъ самозванецъ,—и именно черни той мѣстности, среди которой онъ началъ дѣйствовать, гдѣ главную массу населенія составляли азіатскіе инородцы, раскольники, съ ихъ древнимъ озлобленіемъ противъ государства, и казаки, съ ихъ преданіями старинной вольницы, гдѣ, наконецъ, вовсе, или почти

* Письмо Бибикова въ *Приложеніяхъ къ Ист. Пуг. бунта*.

вовсе, не было вліятельныхъ людей, заинтересованныхъ въ сохраненіи порядка. У Пугачева былъ писарь, котораго казаки утопили, потому, — объясняли они своему царю-батюшкѣ, — что „онъ отбиваетъ насъ прочь, а дворянъ сталъ принимать.“ * Хорошій отзывъ казаковъ или солдатъ о своихъ офицерахъ былъ лучшею для нихъ рекомендаціей и нерѣдко спасалъ имъ жизнь, тогда какъ, напротивъ того, жалоба подчиненныхъ на своихъ начальниковъ неизбѣжно вела этихъ послѣднихъ на висѣлицу. Офицеры отряда Чернышева были перевѣшаны, потому что ихъ солдаты, передавшіеся Пугачеву, показали, что они „обижали чернь; да и казаки уговаривали меня, — говоритъ Пугачевъ, — что ихъ щадить нечего.“ Подобныя черты, впрочемъ, свойственны всѣмъ эпохамъ кризиса, когда, такъ - сказать, срываются съ цѣпи дикіе и свирѣпыя инстинкты массъ, къ какой бы націи эти массы ни принадлежали. „Зло превелико, преужасно“, писалъ Бибииковъ жентъ своей. Татары, Мещеряки и русскіе крестьяне волновались на огромномъ пространствѣ. Въ концѣ декабря мятежъ охватилъ Кунгурскій уѣздъ, на сѣверной оконечности Башкиріи, и самый городъ Кунгуръ подвергся нападенію. Съ другой стороны, на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ и на окраинахъ прилегающей къ нимъ равнины, въ уѣздахъ Шадринскомъ и Челябинскомъ, кипѣло всеобщее возстаніе. ** Возмутительные листы или указы самозванца, судившіе „вольность“, глубоко потрясли крестьянское населеніе; приманка вольницы и надежда добычи поднимали инородцевъ. Мелкія крѣпостцы и форпосты, разбѣянные по всему краю, либо сдавались безъ выстрѣла плохо вооруженнымъ, но многочисленнымъ мятежникамъ, либо оказывали самое ничтожное сопротивленіе. Побѣда сопровождалась разграбленіемъ казеннаго имущества, сожженіемъ дѣлъ мѣстныхъ управленій и приобрѣтеніемъ нѣсколькихъ пудовъ и оружія, что усиливало военныя средства мятежниковъ. Они держали цѣлый мѣсяцъ Челябинскъ въ осадѣ, и едва не овладѣли знаменитымъ Далматовомъ монастыремъ. *** Понятно, что

* *Допросы Пугачеву.*

** *Пермскій Сборникъ.*

*** *Пермскій Сборникъ т. II и Чтенія 1859 г. За нѣсколько лѣтъ до Пугачевщины, крестьяне этого монастыря бунтовали*

передъ такою силой склонялись люди хотя и благонамѣренныя, но робкіе, а такихъ вездѣ и всегда большинство. Нельзя не видѣть съ сожалѣніемъ, что во многихъ мѣстахъ священники подавали примѣръ преступной слабости, и примѣръ ихъ увлекалъ, конечно, многихъ. Наконецъ, многіе могли быть введены въ заблужденіе вѣстями, которыя постоянно распространяли *полковники и атаманы* Пугачева о занятіи имъ Казани и Москвы; одинъ изъ нихъ провозглашалъ, въ концѣ февраля 1774 г., что „всѣ государственныя, царственныя, настоянныя и прочіе російскіе,—отъ перваго и даже до послѣдняго, окромѣ половины Тобольской губерніи,—города всѣ склонились его императорскому величеству и въ подданство благополучно пришли.“ *

Этому разливу злой и завистливой демагогіи, этому элементу разрушенія, Бибииковъ попробовалъ противопоставить элементы консервативныя, заключавшіеся въ дворянствѣ и высшемъ духовенствѣ. Уже одно его прибытіе въ Казань побудило многихъ изъ оставившихъ ее помѣщиковъ возвратиться. Въ самый новый годъ (1774) въ соборѣ было совершенно торжественное богослуженіе, послѣ чего прочитанъ манифестъ, напечатанный церковнымъ шрифтомъ, который постарались распространить и между простонародьемъ. ** Изъ церкви преосвященный Веніаминъ и все благородное собраніе были приглашены къ Бибиикову; онъ, по словамъ Пушкина, „произнесъ умную и сильную рѣчь, обратился къ сословію, которое, вмѣстѣ съ правительствомъ, обречено было на гибель крамолы, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ отечеству и вѣрности престолу.“ Вопросъ былъ поставленъ вѣрно, и потому воззваніе Бибиикова произвело впечатлѣніе. Собраніе тутъ жерѣшило вооружить конную милицію, выставя съ двухъ сотъ душъ по рекруту. Примѣру казанскаго дворянства послѣдовало дворянство симбирское, свѣяжское и пензенское. Казанскій магистратъ вооружилъ эскадронъ гусаръ. Съ своей стороны, Казанскій архіепископъ

по поводу указа Императора Петра III объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ. Этотъ бунтъ, усмиранный военною силой, и притомъ съ большою жестокостію, оставилъ слѣды, которые обвѣстались съ появленіемъ Пугачева.

* Это увѣщаніе было написано въ Далматовомъ монастырѣ.

** Опредѣленіе казан. дворянства, *Чтен. 1864 г.*

разослалъ по своей епархіи увѣщательныя грамоты, въ которыхъ излагалъ обстоятельства погребенія императора Петра съ большою подробностію и съ авторитетомъ очевидца, такъ какъ онъ во время этого событія находился въ Петербургѣ. *

Императрица одобрила всѣ эти дѣйствія; особенно довольна будучи инициативой казанскаго дворянства, она пожелала къ нему причислиться и, въ качествѣ *казанской полпиццы*, принять участіе въ вооруженіи мѣстной милиціи. Этого знака вниманія государыни и самое присутствіе довѣреннаго и извѣстнаго лица нѣсколько приободрили казанскихъ жителей; свѣжія войска начинали прибывать, и съ мятежниками произошли удачныя сшибки (въ половинѣ января). Но дѣло въ дѣйствительности было еще въ самомъ тревожномъ положеніи. „Зло распространяется весьма далеко,—писалъ Бибиковъ, отъ 24-го января, графу Чернышеву.—Не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще способовъ, а могутъ ли на такой обширности войска поспѣвать и дѣлиться, тожъ и подводы къ подвозу за войсками? Сами представить можете, коликимъ затрудненіямъ по нынѣшнему времени все сіе подвержено, и тѣмъ паче, что внутри и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей!“ Но въ письмѣ къ военному министру Бибиковъ не высказывалъ важнѣйшаго изъ своихъ опасеній,—опасеній относительно вѣрности даже новоприбывшихъ войскъ. Еще до выѣзда своего изъ Петербурга онъ получилъ извѣстіе, что между солдатами, снаряжаемыми противъ Пугачева изъ-подъ самой столицы, ходятъ подозрительныя толки, и это извѣстіе оказалось не неосновательнымъ: по полученнымъ имъ офиціальнымъ донесеніямъ, между солдатами Владимірскаго гренадерскаго полка шла рѣчь о томъ, чтобы не драться противъ Пугачева. ** Весьма возможнымъ казалось ожидать того же и въ другихъ полкахъ. „Я страшно боялся,—писалъ Бибиковъ къ одному изъ своихъ друзей, — чтобы они не послѣдовали примѣру здѣ-

* „Матеріалы для ист. Пуг. бунта“, *Чтенія* 1859 г. Въ послѣдствіи онъ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ самозванцемъ, но вполне оправдался.

** *Записки* Державина.

пшихъ гарнизоновъ и не стали бы класть оружія передъ мятежниками. Однако вѣтъ: они дерутся какъ должно и трактуютъ ихъ какъ мятежниковъ.“*

Бибиковъ началъ, наконецъ, наступательныя дѣйствія одновременнымъ движеніемъ трехъ колоннъ: одну, подъ начальствомъ генерала Мансурова, онъ направилъ отъ Самары къ Яицкому-Городку, другую отъ Казани къ Оренбургу, которою командовалъ князь Голицынъ, и, наконецъ, третью черезъ Уфу къ Екатеринбургъ, подъ начальствомъ генерала Ларіонова. ** Въ то же время генералъ Декалонгъ долженъ былъ стѣснять сферу мятежа со стороны Сибири и Киргизской степи. Время было чрезвычайно неудобное для военныхъ дѣйствій: приближеніе весны образовало зазоры, рѣки начинали расходиться. Цѣлыя команды принуждены бывали иногда дѣлать переходы на лыжахъ. Но невозможно было терять ни одного дня. Идти, и идти безостановочно, было необходимо. Направивъ свои силы, Бибиковъ самъ поѣхалъ вслѣдъ за ними, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій, и перенесъ свою резиденцію въ Бугульму. Пугачевъ, между тѣмъ, жестоко стѣснившій Оренбургъ и Яицкъ и доведшій ихъ до отчаяннаго положенія, узнавъ о направленныхъ противъ него колоннахъ, кинулся навстрѣчу князю Голицыну и засѣлъ въ Татищевой. Здѣсь произошла первая и весьма серьезная встрѣча, 22-го марта между его тайками, въ которыхъ насчитывалось до 10,000 человекъ, и регулярнымъ войскомъ. Рѣзня была жестокая: она продолжалась шесть часовъ и кончилась полнымъ побѣдой надъ мятежниками. Ихъ пало, писалъ Бибиковъ, слѣшкомъ 2000 человекъ и въ плѣвъ взято болѣе 3000, съ 35 пушками. Немаловажна была потеря и съ нашей стороны: было убито 9 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ, да ранено 12 офицеровъ и 300 рядовыхъ. Пугачевъ съ 60 казаками прискакалъ въ занимаемую имъ Бердскую слободу, подъ Оренбургомъ, гдѣ успѣлся было снова, но настигнутый кавалеріей Голицына потерялъ послѣднія пушки и лишился 500 человекъ убитыми и 3500 взятыми въ плѣвъ, въ числѣ которыхъ былъ Шигаевъ и первый писарь Пугачева, Почитайкинъ.

* Все эти письма находятся въ *Приложеніяхъ къ Ист. Пуг. бунта.*

** *Ист. Пуг. бунта.*

Въ концѣ марта, * князь Голицынъ вступилъ въ Оренбургъ, освободивъ его отъ шестимѣсячной жестокой блокады. Это было первое радостное событіе. Вслѣдъ за нимъ послѣдовало освобожденіе Яицкаго-Городка Мансуровымъ, движеніе котораго замедлили весенніе разливы. Небольшой гарнизонъ этой крѣпости былъ доведенъ до крайняго положенія еще болѣе голодомъ нежели напоромъ непріятеля. Всѣ лошади были съѣдены, переѣли кошекъ и собакъ и принялись за падаля; когда же и ея не стало, стали ѣсть глину. Солдаты едва имѣли силу владѣть оружіемъ. Но Симоновъ держался до конца и, наконецъ, дождался освобожденія, послѣдовавшаго 17-го апрѣля, передъ самымъ праздникомъ Пасхи. Съ своей стороны, третья колонна, до половины марта остававшаяся въ бездѣйствіи, пришла, наконецъ, въ движеніе, когда начальство надъ нею было поручено вмѣсто генерала Ларіонова полковнику Михельсону. Этотъ замѣчательный боевой офицеръ, соединяя быстроту съ необыкновенною настойчивостію, разбивъ и разсыпавъ въ двухъ горячихъ схваткахъ шайку Чуки, освободилъ Уфу, и не давая времени своимъ противникамъ опомниться, гнался за ними по слѣдамъ до Тобинска, гдѣ этотъ важнѣйшій изъ сообщниковъ Пугачева былъ выданъ самими казаками.

Чука былъ не единственный поплатившійся свободой за свой неуспѣхъ. Послѣ пораженія подъ Татищевой, Хлопуша, каторжникъ и одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ Пугачева, взбунтовавшій заводскихъ крестьянъ, былъ схваченъ Башкирами и выданъ Рейнсдорпу. Самъ Пугачевъ едва не подвергся той же участи. Шигаевъ, въ надеждѣ заслужить помилованіе, засылалъ, послѣ Татищевского разгрома, въ Оренбургъ сказать, что онъ готовъ выдать самозванца. Таковы были результаты энергіи, быстроты и вообще толчка, который сообщалъ дѣлу Бибиковъ. Какъ бѣдствія вѣтреннаго ему края, такъ и первые признаки поворота къ лучшему онъ принималъ съ одинаковою живостію и горячностію. „У меня какъ жерновъ съ плечъ свалился“, писалъ онъ. Казалось, очарованіе разрушено и самозванцу ничего не остается болѣе какъ бѣжать къ Киргизамъ или принести повин-

* Пушкинъ говоритъ, что это было 26-го марта, а Бантынь-Каменискій (ж. *Словарь*) — 31-го.

ную. На это несомненно надѣялись въ Петербургѣ, и вице-канцлеръ въ такомъ смыслѣ извѣщалъ наши посольства: * „Это дѣло, о которомъ было такъ много шуму за границей, — писалъ онъ, — можно считать поконченнымъ.“

Къ сожалѣнію, дни Бибикова были уже сочтены. Заболѣвъ въ Бугульмѣ горячкою, онъ умеръ 9-го апрѣля, не имѣя еще полныхъ 45 лѣтъ отъ роду. Смерть его, которая и во всякое время была бы для Россіи чувствительною потерей, была въ настоящую минуту общественнымъ бѣдствіемъ. Дѣйствія отдѣльных начальниковъ, не направляемые болѣе его могуще-ственной волей, потеряли единство и связь, и Пугачевъ ожилъ еще на полгода.

Послѣ двукратнаго своего пораженія, онъ кинулся въ Башкирію, на заводы, между крестьянами которыхъ, равно какъ и въ самихъ Башкирахъ, онъ надѣялся найти поддержку. Дѣйствительно, одного его появленія было достаточно чтобы поднимать массы; между Башкирами является ему новый союзникъ, Салаватъ, сынъ одного изъ вождей прежнихъ башкирскихъ возстаній. Въ это же время замѣчается въ таборѣ самозванца какое-то довольно таинственное лицо, которое Пугачевъ именуетъ Иваномъ Ивановымъ. Этотъ Иванъ Ивановъ называлъ себя купцомъ и прибылъ къ Пугачеву, когда онъ находился „въ Уралахъ.“ Онъ выдавалъ себя за человека присланнаго отъ великаго князя, и его именемъ убѣждалъ народъ идти подъ знамена Пугачева; говорилъ, будто бы привезъ самозванцу отъ цесаревича *сапоги и шапку*, а отъ его супруги *два камня*, и увѣрялъ, что великій князь съ войскомъ самъ слѣдуетъ навстрѣчу мятежникамъ: ** это былъ, какъ кажется, ржевскій купецъ Долгополовъ, раскольникъ. Мы еще не разъ встрѣтимъ въ нашемъ разказѣ этого отважнаго интригана, а теперь посмотримъ на Пугачева, приготовляющагося къ новымъ успѣхамъ въ то самое время, когда наши посланники съ увѣренностію объявляли во всѣхъ столицахъ Европы, что *фарса на Яикѣ доиграна*. Переходя съ завода на заводъ, онъ въ короткое время набралъ около 1000 человекъ и съ ними кинулся на крѣпость Магнитную, находящуюся на восточномъ склонѣ

* Арх. Мин. Вн. Дѣлъ. Делегата кн. Голицына въ Берлинъ отъ 8 апрѣля.

** *Допросы Пугачеву*, II.

горь. Въ этой гористой мѣстности, доступъ къ которой затруднялся для войскъ Михельсона и Голицына разливомъ горныхъ ручьевъ, вѣроятно, Пугачевъ надѣялся приобрести нѣсколько успѣховъ, возвысить тѣмъ свой кредитъ и усилить волненіе между сибирскими крестьянами. Не имѣя ни одной пушки, но увеличивъ свою толпу 4000 крестьянъ, которыхъ привелъ къ нему Бѣлобородовъ,—одинъ изъ новыхъ его пособниковъ,—онъ потребовалъ, чтобы Магнитная сдалась ему. Это требованіе не было исполнено: крѣпость оборонялась, при чемъ Пугачевъ получилъ даже рану; но онъ взялъ ее съ боя и выжегъ до тла. Оттуда онъ обратился, все по восточному склону горъ, на Верхнеуральскъ, забирая людей на форпостахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ то кидался въ горы, къ заводамъ, то пускался въ открытую степь, сбивая съ толку гоняшагося за нимъ генерала Декалонга, и наконецъ напалъ на Троицкую крѣпость, стоящую на р. Уѣ, впадающей въ Тоболь. У него уже было въ это время (21-го мая) болѣе 10.000 войска и 30 орудій. Съ этими силами онъ штурмовалъ крѣпость и взялъ ее. * Не ранѣе какъ на другой день прибылъ генералъ Декалонгъ, всюду слѣдовавшій за Пугачевымъ, но нигдѣ его не предупреждавшій; было жаркое сраженіе, въ которомъ Декалонгъ разбилъ мятежниковъ, но не преслѣдовалъ, почему разстроившіяся было толпы ихъ быстро собрались и снова готовы были встрѣтить врага болѣе опаснаго чѣмъ Декалонгъ, — Михельсона, который одинъ не заснулъ послѣ смерти Бибикова. Пробираясь сквозь горный лабиринтъ, гдѣ разливы ручьевъ и рѣкы задерживалъ его на каждомъ шагу, онъ далъ только однажды дневку своимъ войскамъ, и неожиданно-негаданно явился по другую сторону хребта, гдѣ встрѣтилъ мятежниковъ, недалеко отъ Челябинска, и разбилъ ихъ „на-чисто“, какъ говорилъ въ послѣдствіи самъ Пугачевъ. Послѣ этой первой встрѣчи съ роковымъ своимъ противникомъ, „не осталось у меня,—прибавлялъ онъ,—ни одной пушки, а людей спаслось самое малое число.“ Къ несчастію, Михельсону, кажется, не съ кѣмъ было преслѣдовать разбитаго врага и на этотъ разъ онъ потерялъ его слѣдъ. Пугачевъ снова ударился въ горы, гдѣ отчасти

* Изъ разказа Пушкина, не весьма въ этомъ мѣстѣ яснаго, можно бы думать, что Пугачеву не удалось взять Троицкую. Онъ, однакожъ, подлѣнительно на допросѣ объявлялъ, что взялъ ее.

заводскіе крестьяне, а болѣе Башкиры, вновь образовали вокругъ него многочисленную толпу; * но онъ былъ опять настигнутъ Михельсономъ на рѣкѣ Ат и разбитъ на-голову. Черезъ три дня, однако, онъ самъ нападаетъ на передовой отрядъ Михельсона; отбитый здѣсь, кидается на его обозъ; снова пораженъ и снова черезъ два дня даетъ сраженіе. Если неутомимъ былъ Михельсонъ, проникшій изъ Уфы до Челябинска безъ отдыха, то, надо признаться, что съ такимъ лихимъ казакомъ, каковъ былъ Пугачевъ, было трудно справиться. Правда и то, что на сторонѣ Пугачева было много преимуществъ: онъ вездѣ находилъ продовольствіе, проводниковъ и лазутчиковъ, тогда какъ Михельсонъ долженъ былъ тащить съ собою обозъ, и стоило ему только выпустить изъ вида своего противника чтобы потерять и слѣдъ его. Онъ могъ преслѣдовать Пугачева не иначе какъ держась, такъ-сказать, за хвостъ его лошади. Дважды сряду разбитый, Пугачевъ, однакожъ, не унывалъ. Въ группѣ неизмѣнно сопровождавшихъ его людскихъ казаковъ всегда возникала какая-нибудь лихая и бойкая мысль; такъ, напримѣръ, Иванъ Ивановъ уговаривалъ его бросить пустынные окраины Имперіи и кинуться на Казань, гдѣ, говорилъ онъ, „можемъ утвердиться, а потомъ слѣдовать въ Москву, для принятія Всероссийскаго престола.“

Плѣнные показали Михельсону, что самозванецъ намѣревается ударить на Уфу. Дѣло могло быть серьезно: изъ Уфы лежалъ прямой путь на Казань; а отъ такого отважнаго и дерзкаго партизана, какъ Пугачевъ, можно было всего ожидать. Михельсонъ поспѣшилъ загородить ему дорогу и направился самъ къ Уфѣ, чтобы запастись средствами для дальнѣйшихъ дѣйствій. Отраженный отъ Уфы, Пугачевъ кинулся на сѣверъ, гдѣ бунтующіе Башкиры сожгли Бирскъ. По дорогѣ онъ занялъ Красноуфимскъ, и оттуда ударился на Осу, которая сдалась ему послѣ нѣкотораго сопротивленія. Такимъ образомъ онъ хотя и сбѣжалъ кругъ, но очутился опять на дорогѣ въ Казань, и притомъ съ тою выгодой, что могъ здѣсь совершить безопасно переправу черезъ Каму.

Казань и ея окрестности были обнажены отъ войскъ. Тамошній губернаторъ, со времени поражений нанесенныхъ Пу-

* Тысячъ въ десять, если вѣрить показанію Пугачева.

** *Допросы Пугачеву*, II, 4.

гачеву Голицынымъ и послѣдствій на востокѣ Уральскихъ горъ, считалъ себя, и не безъ основанія, повидимому, совершенно безопаснымъ. * Между тѣмъ, 28-го іюля, самозванецъ переправился черезъ Каму и кинулся на винокуренные (нынѣ оружейные) заводы, Воткинскій и Ижевскій, которыхъ рабочіе примкнули къ матежническимъ шайкамъ. ** Намѣреніе Пугачева перенести театръ своихъ подвиговъ изъ Башкиріи на среднюю Волгу было очевидно. Генералъ князь Щербатовъ, заступившій мѣсто Бибикова, приказалъ тогда Голицыну слѣпить изъ Оренбурга къ Уфѣ, дабы оттуда дѣйствовать по усмотрѣнію. Въ Казани засуетились. Тамъ было всего-на-все 1.500 солдатъ. Приступили къ вооруженію еще 6.000, а между тѣмъ Пугачевъ былъ уже близко. 10 іюля, полковникъ Толстой вышелъ изъ Казани къ нему навстрѣчу, и въ 12 верстахъ отъ города между ними произошелъ бой; Толстой былъ убитъ, а отрядъ его присталъ къ самозванцу, который вслѣдъ затѣмъ явился на Арскомъ полѣ, у Казанской заставы. Здѣсь, говоритъ Пугачевъ, „сталъ я въ лагерь и написалъ къ казанскому губернатору указъ, чтобы безъ баталіи сдался.“ Сдаться было нельзя, но и сражаться нечѣмъ. Въ оборонѣ, по словамъ Пушкина, принимали участіе люди всякаго званія, между прочимъ, гимназисты и суконщики: эти послѣдніе—кулачные бойцы по профессіи; съ другой стороны, на приступъ шли всякаго рода плохо вооруженная сволочь и заводскіе крестьяне съ голыми кулаками... Казань была взята (12-го іюля). Кто успѣлъ, кинулся въ крѣпость, а городъ былъ разграбленъ и выжженъ. Множество народа было здѣсь перебито; огромныя толпы уцѣлѣвшихъ были отогнаны въ лагерь самозванца, гдѣ, между прочимъ, нѣсколько чиновниковъ застрѣлено плетью. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ и принималъ дары, которые принесли ему казанскіе Татары. Мущинамъ сдѣлано было предложеніе служить императору Петру Теодоровичу, чѣмъ весьма многіе и воспользовались, *** женщинамъ же всѣмъ было объявлено

* *Записки Державина.*

** *Ист. Пуг. бунта.*

*** Въ числѣ таковыхъ былъ одинъ изъ трехъ братьевъ Пузанскихъ, очень извѣстныхъ членовъ Барской конфедераціи, находившійся въ Казани въ пѣну и, по свидѣтельству Пушкина, жившій

прощеніе. Въ числѣ захваченныхъ въ Казани женщинъ была и первая жена Пугачева, Софья, оставленная имъ въ Зимовейской станицѣ и вызванная, вмѣстѣ съ его дѣтьми, въ слѣдственную комиссію для дачи показаній о прежней жизни своего мужа: * говорю *первая*, потому что Пугачевъ, во время осады Яицка, обвинялся на другой, Устинѣ, дочери казака Кузнецова, которую приказалъ поминать на ектеріяхъ. Положеніе самозванца, когда совершенно неожиданно передъ нимъ явилась его законная жена, было довольно щекотливо; но онъ вывернулся очень удачно. „Друга моего Пугачева жена, у котораго въ бѣдности я жилъ, и который за меня страдалъ!“ воскликнулъ онъ, увидѣвъ Софью. „Я тебя, бѣдная, не покину“, утѣшалъ онъ ее, — и дѣйствительно *не покинулъ*, а возмъ за собою до конца своего поприща „въ коляскѣ“ вмѣстѣ съ дѣтьми, но также вмѣстѣ и съ другими женщинами, которыхъ у него было до десяти. Вообще, скажемъ здѣсь къ слову, Пугачевъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя исключительно злыхъ наклонностей, совершенно зависятъ въ отношеніи нравственности отъ обстоятельствъ, и для которыхъ не существуетъ понятія о добрѣ и злѣ. Можно, кажется, вѣрить тому, что онъ не слишкомъ часто имѣлъ свирѣпыя побужденія; но казаки начали приставать чтобъ онъ приказалъ повѣсить такого-то, — ну и пусть его повѣсятъ! Въ началѣ своей службы онъ былъ трезвымъ казакомъ; когда же обстоятельства перемѣнились, и ему стоило протянуть руку чтобъ высадить дно у боченка съ водкою, онъ сдѣлался пьяницей; не зналъ устал, когда его тѣснилъ Михельсонъ, и проводилъ дни и ночи въ гульбѣ, когда никакая особенная опасность не толкала его, такъ-сказать, подъ бокъ.

Стѣны казанской крѣпости были ненадежною защитой для столпившихся тамъ людей. Они съ ужасомъ ожидали утра и вмѣстѣ съ нимъ приступа... но каково же было ихъ изумленіе, когда вмѣсто таекъ Пугачева они увидѣли на мѣстѣ бывшего лагеря самозванца гусаря Михельсона!

Мы видѣли, къ какой необычайной настойчивости и бы-

въ домъ губернатора. Онъ оставался при Пугачевѣ во время его дѣйствій на лижней Волгѣ, но потомъ оставилъ его, „возмущенный, говорить Пушкинъ, свирѣпостію самозванца.“

* *Допросы Пугачеву.*

стротѣ былъ способенъ Михельсонъ; безъ отдыха и остановки онъ переносится изъ Уфы къ Троицкой крѣпости, не отступая, неумолимо преслѣдуетъ Пугачева по горнымъ долинамъ, лѣсамъ и пустынямъ во время его движенія съ верха Яика на западную покатость Общаго Сырта и 5 юня имѣетъ съ нимъ послѣднюю встрѣчу. По словамъ Пушкина, у него оставалось въ это время только по два патрона на человѣка; это одно уже должно было вынудить его прекратить свое по истинѣ блестящее преслѣдованіе, которое, еслибы продолжилось, могло бы положить конецъ поприщу дерзкаго самозванца; но къ движенію на Уфу его побуждало, сверхъ того, желаніе предупредить Пугачева на этомъ важномъ пунктѣ казанской дороги. Важности всѣхъ этихъ соображеній, засвидѣтельствованныхъ Пушкинымъ, нельзя отрицать. Но не такъ легко объяснить себѣ его дальнѣйшія дѣйствія. Когда именно онъ выступилъ изъ Уфы, не знаемъ, но 21 юня онъ былъ близъ Бирска, за два дня до переправы Пугачева черезъ Каму у Осы. Затѣмъ они оба слѣдуютъ одинъ навстрѣчу другому, хотя и по противоположнымъ берегамъ Камы. Каждый переходъ сближаетъ ихъ между собою. Если Михельсонъ шелъ и теперь такъ быстро, какъ умѣлъ и какъ долженъ былъ идти въ настоящихъ обстоятельствахъ, онъ долженъ былъ находиться не въ далекомъ разстояніи отъ Воткинскаго завода, когда этотъ заводъ былъ разграбленъ Пугачевымъ, и мудрено себѣ представить, чтобъ онъ о томъ не зналъ, или по крайней мѣрѣ не могъ знать, — а зная это, не много нужно было проникательности, чтобы сообразить куда направляется мятежническая толпа. Что же побудило Михельсона слѣдовать на Осу, далѣе къ сѣверу, вмѣсто того чтобы, немедленно переправясь черезъ Каму, кинуться на перерѣзъ и загородить дорогу въ Казань? 27 числа, по свидѣтельству Пушкина, онъ положительно узналъ о переправѣ Пугачева, если не зналъ объ этомъ ранѣе, и все-таки „пошелъ по слѣдамъ его“, то-есть на Осу, тогда какъ прямѣе было бы ему повернуть къ западу и переправиться между Елабугой и Мензелинскомъ, и занять казанскую дорогу. Подобныхъ дѣйствій, можетъ-быть, нельзя было бы ожидать отъ какого-нибудь дюжиннаго генерала, но какъ было не сдѣлать этого Михельсону! Въ настоящее время, не имѣя въ виду всѣхъ подробностей этихъ движеній, нельзя позволить себѣ рѣши-

тельного приговора надъ дѣйствіями Михельсона, но масса современниковъ была къ нему строже и приписывала его промедленіе презрѣнному соображенію—дать время Пугачеву ограбить Казань, чтобы потомъ поживиться его добычей. Будущій историкъ Пугачевщины, можетъ-быть, вполнѣ очиститъ память Михельсона; но здѣсь, кажется, не неудобно напомнить о современной молвѣ, сохранившейся и до сего времени въ окрестностяхъ имѣнія пожалованнаго будущему покорителю самозванца. *

Какъ бы то ни было, но Михельсонъ былъ еще въ 50 верстахъ отъ Казани, когда Пугачевъ подступилъ къ ней. Извѣстіе о приближеніи войскъ, слишкомъ знакомыхъ самозванцу, заставило его поспѣшно отозвать свои толпы, занятыя грабежемъ города, и кинуться навстрѣчу грозному противнику. Въ 7 верстахъ отъ Казани, близъ села Царицына, произошло, 13 іюля, горячее сраженіе, результатомъ котораго было новое пораженіе самозванца. Окончивъ бой, Михельсонъ двинулся къ Казани, но Пугачевъ повернулъ свои толпы, далъ новый бой въ виду города, на Арскомъ полѣ, былъ снова разбитъ и кинулся за Казанку, оставивъ свой лагерь, ограбленный въ Казани богатства и до 10.000 пѣшихъ. ** Казань была освобождена.

Разбитый Пугачевъ бродилъ нѣсколько дней по лѣсамъ, съ остатками своей шайки. Всѣ пришедшіе съ нимъ Башкиры оставили его. *** При немъ находилось лишь небольшое число яицкихъ казаковъ, и между ними теперь, какъ послѣ пораженія подъ Татищевой и Сакмарскимъ-Городкомъ, обнаружилась въ отношеніи его измѣна. Точно такъ же, какъ тогда Шигаевъ, теперь яицкій казакъ Перфильевъ задумалъ представить самозванца правительству и тѣмъ заслужить себѣ прощеніе. Перфильевъ былъ въ Петербургѣ, когда начался мятежъ. Узнавъ объ этомъ, онъ сталъ просить, чтобы ему позволили ѣхать на Яикъ, говоря, что онъ убѣдитъ своихъ земляковъ покинуть обманщика и приведетъ его вмѣстѣ съ ними съ повинною. **** Вызовъ его былъ охотно принятъ, и онъ отправился прямо въ Бердскую слободу, которую во вре-

* Въ Витебской губерніи, близъ Невы.

** *Ист. Пуг. бунта.*

*** *Допросы Пугачеву.*

**** „Сектенція“ въ *Ист. Пуг. бунта.*

мя осады Оренбурга занималъ Пугачевъ. Но прибывъ туда, онъ остался тамъ и сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ наперсниковъ самозванца и однимъ изъ самыхъ лютыхъ его атамановъ. Между тѣмъ, держась, такъ-сказать, на двухъ якоряхъ, онъ, послѣ пораженія подъ Казанью, далъ знать князю Гр. Гр. Ораову, что готовъ исполнить данное въ Петербургѣ обѣщаніе, и что у него уже 324 единомышленника, которымъ онъ просилъ по 100 р. награжденія на человека. * Какъ ни мало вѣроятія заслуживалъ этотъ двойной измѣнникъ, предложеніе его не было отвергнуто. Изъ Петербурга былъ даже посланъ гвардіи капитанъ для принятія самозванца изъ рукъ Перфильева.... И вдругъ получается извѣстіе, что Пугачевъ 18 іюля переправился на правый берегъ Волги близъ Цывиальска и шествуетъ по Нижегородской губерніи, раскидывая во всѣ стороны воззванія, въ которыхъ объявлялись крестьянамъ свобода, отпущеніе повинностей и безвлатная раздача соли. **

Здѣсь опять мы встречаемся съ Иваномъ Ивановымъ. Неотступно сопровождая Пугачева съ самаго его появленія въ Уральскихъ горахъ, онъ послѣ переправы на правый берегъ Волги выразилъ желаніе отправиться въ Москву.

— Время теперь, батюшка, надежда-государь, говорилъ онъ Пугачеву передъ собранною толпою, вѣхать—мнѣ возвратно къ *моему Паску Петровичу* и объявить ему, что в. в. перешелъ съ арміею за Волгу, и чтобы поспѣшилъ (онъ) съ обѣщанною силою къ тебѣ на помощь скорѣе.

За такой привѣтъ, сказанный, кромѣ того, примногихъ свидѣтелей, Пугачевъ отсыпалъ своему приверженцу 50 рублей. Иванъ Ивановъ кланяясь и благодаря, спросилъ:

— Какъ же велишь призвать его высочеству: одному, или вмѣстѣ съ своею великою княгиней?

— Пускай призываютъ вмѣстѣ, отвѣчалъ Пугачевъ, — и чтобъ они скорѣе изъ Петербурга выѣзжали. ***

Такія басни были, разумѣется, разчитаны на легковѣріе массы, окружавшей Пугачева. Впрочемъ, еслибы, за частыми повтореніемъ, сказка о великомъ князѣ, поспѣшающемъ на помощь своему родителю, стала утрачивать вѣру, было предположеніе подкрѣпить самозваннаго императора Петра

* Приложенія къ Ист. Пуг. бунта.

** Ист. Пуг. бунта.

*** Допросы Пугачеву, II, 4.

самозваннымъ великимъ княземъ Павломъ: былъ подготовленъ, какъ видно изъ одного письма Екатерины къ московскому главнокомандующему, Волконскому, какой-то маальчикъ, который долженъ былъ разыграть роль великаго князя.*

IV.

Итакъ, Пугачевъ переправился черезъ Волгу и вторгнулся въ самую сердцевицу Россіи, призывая крестьянъ и обѣщая имъ свободу. На этотъ столь понятный имъ голосъ, они встали массою. Дворяне въ ужасѣ покидаютъ свои усадьбы и бѣгутъ въ Москву; другіе, которые не успѣли или не хотѣли удалиться, мучительно погибаютъ или подвергаются самымъ оскорбительнымъ поруганіямъ, вѣщаемымъ за шайками самозванца. Толпы многочисленнѣйшія прежнихъ стекаются къ Пугачеву. Онъ кидается на Цыvilьскъ и угрожаетъ Нижнему... При этомъ извѣстіи не одинъ Нижній, но и Москва затрепетала. Многіе стали перебираться изъ нея въ Тверь. Императрица давно уже поняла, какое значеніе могло имѣть имя, принятое самозванцемъ, и доказала это назначеніемъ Бибикова. Но она не ограничилась этимъ. Передвигая войска съ западной границы, она вызвала оттуда генерала-поручика Потемкина (въ послѣдствіи князя Таврическаго), котораго преданность и необыкновенныя способности были ей издавна извѣстны,** и который въ февралѣ 1774 года назначенъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи. Въ мартѣ потребованъ былъ и Суворовъ, котораго, однакоже, Румянцевъ не пустилъ, полагая, что, послѣ ударовъ нанесенныхъ Пугачеву Голицынымъ, спокойствіе не замедлитъ восстановиться. Упрямый фельдмаршалъ горько ошибся; присутствіе Суворова на Волгѣ было дѣйствительно несравненно нужнѣе нежели на Дунаѣ, гдѣ подписывался славный миръ (10-го іюля) въ то самое время, когда Пугачевъ приближался къ Казани. Все какъ-то вываливалось изъ рукъ, ничто не удавалось въ это злосчастное время! Государыня, недовольная княземъ

* Соч. Екат. II, т. III.

** Онъ прибылъ въ Петербургъ въ январь 1774 г. См. брошюру г. Лебедева: *Графы Никита и Петръ Панины*. Тамъ же и нѣкоторыя извѣстія о прежней его службѣ.

Щербатовымъ, отправила указъ князю Голицыну занять его мѣсто; но курьеръ, вѣхавшій съ этимъ указомъ, долженъ былъ промедлить въ дорогѣ, по причинѣ небезопасности края. * Притомъ князь Голицынъ, нанесшій первое пораженіе самозванцу, вслѣдъ за тѣмъ не обнаружилъ ни малѣйшей энергіи, и находясь въблизи тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ происходило блистательное преслѣдованіе Пугачева Михальсономъ, не оказалъ ему дѣятельной помощи. Назначеніе его главнымъ начальникомъ войскъ, которыя заняты были усмиреніемъ мятежа, и число которыхъ притомъ постоянно прибывало, считалось безъ всякаго сомнѣнія только временнымъ, въ ожиданіи прибытія челоуѣка съ большею военною репутаціей и съ большимъ авторитетомъ. Между тѣмъ получено было въ Петербургѣ извѣстіе о движеніи Пугачева къ Нижнему и, можетъ-быть, далѣе къ Москвѣ... Въ этомъ не должно было казаться ничего невѣроятнаго: самозванецъ, объявлявшій волю крестьянамъ, вездѣ нашелъ бы себѣ союзниковъ. Тогда императрица созвала особый совѣтъ изъ нѣсколькихъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ ** и выразила имъ намѣреніе принять личное начальство надъ войсками для спасенія Москвы и Имперіи. Это было одно изъ тѣхъ геройскихъ движеній, къ которымъ была способна славная императрица, но личное ея командованіе не могло имѣть серіознаго значенія. Поэтому, никогда не увлекавшійся, невозмутимый графъ Никита Панинъ ловко отклонилъ эту мысль и предложилъ назначить преемника Бибикову. „Мой братъ,—сказалъ онъ,—при всей своей дряхлости, не откажется спасти отечество и велитъ себя нести на носилкахъ, если только государыня пожелаетъ вѣрить ему начальство надъ войсками, за неимѣніемъ въ виду друга о полководца, используйте его.“

Графъ Петръ Панинъ могъ быть дряхлъ, какъ говорилъ его братъ, но не былъ старъ. Ему въ это время было всего 53 года. *** Онъ оставилъ военное поприще, на которомъ

* *Ист. Пуг. бунт.*

** Къ брошюрѣ г. Лебедева приложено письмо графа Чернышева къ государынѣ, въ которомъ онъ предлагаетъ пригласить на этотъ совѣтъ графа Н. Панина, графа Гр. Орлова, графа Мордвинова, князя Вяземскаго, вице-канцлера кн. Голицына и одного члена отъ военнаго департамента.

*** *Словарь достоп. людей, Бактынъ - Каменскаго.*

приобрѣлъ заслуженную извѣстность, находя, что его недостаточно наградили за взятіе Бендеръ (1770), и поселившись въ Москвѣ, примкнувъ къ лагерю *недовольныхъ*. Въ высшей степени самолюбивый и раздражительный, въ кругу тамошней знати, въ которомъ занималъ очень видное мѣсто, онъ желчно порицалъ правительство, за что императрица, съ своей стороны, причислила его къ категоріи *враговъ* и оставляла въ покое. Но *врагъ*, которымъ тѣшило себя самолюбіе покорителя Бендеръ, было уже неумѣстно когда правительству и самымъ существеннымъ интересамъ Россіи начинала угрожать серьезная опасность. При видѣ толпы нахлынувшихъ въ Москву помѣщиковъ, въ конецъ раззоренныхъ, и при разказахъ о дворянахъ, замученныхъ или уведенныхъ въ плѣнъ, фрондерство Панина стихло; онъ самъ былъ помѣщикъ, онъ самъ былъ Русскій. Въ Москвѣ шла рѣчь о сформированіи дворянами ополченія изъ своихъ крѣпостныхъ, по примѣру Нижняго-Новгорода. Но дѣло это подвигалось вяло; избранный начальникомъ ополченія графъ П. Б. Шереметевъ не умѣлъ его двинуть. * Панинъ вооружилъ своихъ крестьянъ и дворянъ и объявилъ, что самъ поведетъ свою дружину. Это чрезвычайно возвысило и выдвинуло Панина. Едва ли возможно было бы обойти его при назначеніи Бибикову премника. Общественное мнѣніе, которое въ трудныя минуты всегда получаетъ большое значеніе, прямо на него указывало. Императрица обратилась къ нему черезъ его брата. Онъ согласился, но потребовалъ огромныхъ полномочій, и Екатерина, хоть можетъ-быть весьма неохотно, дала ихъ. ** Указъ о его назначеніи состоялся 29-го іюля.

Дѣла между тѣмъ шли быстро. Различныя отряды занимавшіе землю Яицкаго войска, по удаленіи оттуда Пугачева за Каму, подвинулись къ этой рѣкѣ; при первомъ же извѣстіи о возобновленіи мятежа выше Казани и о движеніи самозванца, какъ казалось, къ Москвѣ, всѣ они кинулись вѣдѣть за нимъ. Михельсонъ устремился на Арзамасъ, графъ Меллинъ—на Свияжскъ, Мансуровъ, все время находившійся въ Яицкомъ-Городкѣ,—на Сызрань, полковникъ Муфель—на

* Записки Державина.

** Гр. Н. и П. Панины г. Любедева.

Самбироу. Предполагая, что Пугачевъ будетъ или отбить отъ внутреннихъ губерній, или самъ не рѣшится въ нихъ держаться и бросится внизъ по Волгѣ, эти отряды должны были составить рядъ преградъ, чрезъ которыя, какъ надѣялись, ему не легко будетъ прорваться. Онъ дѣйствительно не намѣревался долго оставаться въ густо населенныхъ губерніяхъ и рѣшился спуститься по Волгѣ въ привольныя степныя мѣста, гдѣ пустынный вѣтеръ замечалъ его слѣды. Этотъ послѣдній актъ его драмы былъ самый ужасный. За Камой Пугачевщина не имѣла иныхъ противниковъ кромѣ однихъ только войскъ; ей не было противъ кого обнаружить всей своей свирѣпости. Гарнизоны мелкихъ крѣпостей сдавались самозванцу и, большею частию, получали пощаду; только офицеровъ, въ качествѣ дворянъ, вѣшали, но и то относительно, не въ большомъ числѣ. Въ центральныхъ же губерніяхъ Пугачевщина приняла характеръ настоящей жакеріи; помѣщики встрѣчались на каждомъ шагу, и крестьяне вымещали на нихъ свою ненависть къ крѣпостному праву, Кого они аттестовали хорошо, тому еще была пощада, но другихъ вѣшали безъ дальнѣйшихъ справокъ. Здѣсь тоже чаще чѣмъ за Камой мы находимъ извѣстія и о священникахъ, встрѣчавшихъ самозванца съ крестами и хоругвями.

Отъ Цывильска Пугачевъ обратился на Курмышъ и взялъ его. Но въ окрестности этого города уже сдвигались колонны Меллина и Михельсона. Тогда онъ повернулъ на Алатырь и Сараяскъ, раздѣляя свою шайку на мелкія толпы, чтобы замаскировать свое движеніе, избѣгнуть крупныхъ стычекъ и распространять возстаніе на болѣе широкое пространство. Говимый Михельсономъ и Меллинымъ съ тыла, угрожаемый съ лѣваго фланга Муфелемъ, Пугачевъ несся какъ буря и налетѣлъ на Пензу. Жители этого города встрѣтили его съ иконами и хлѣбомъ-солью. Изъ Пензы онъ устремился на Саратовъ, гдѣ сдались ему не только горожане, но и часть войска. Волжскіе казаки примкнули къ нему, также какъ и поселенные здѣсь иностранцы, возмущенные. говоритъ Пушкинъ, какимъ-то пѣвнымъ Полякомъ. Въ шайкахъ Пугачева опять появляются Азіяты, ставропольскіе Калмыки. Мятѣжъ начиналъ снова принимать свой первоначальный характеръ дикой вольницы, но при этомъ грозилъ принять еще

боѣе широкіе размѣры, сохраняя между тѣмъ и характеръ крестьянскаго возстанія. Въ Пензенской губерніи явился новый самозванецъ, бѣглый холопъ, какъ пишетъ Пушкинъ, и овладѣлъ нѣсколькими городами. Рядомъ съ этимъ самозванцемъ второй руки появился разбойникъ Фирска, который наполнялъ окрестности убійствами и грабежами. Всѣ противупообщественные элементы всплывали наверхъ.

При этомъ еще являлось опасеніе: какъ себя заявить Донское казачье войско? Правительство отнюдь не могло быть спокойнымъ въ этомъ отношеніи. На Дону образовались, какъ извѣстно, первыя шайки Разина; бунтъ Булавина и побѣгъ Некрасова были еще незабыты, и правительство не могло не знать что между донскими казаками существуютъ тѣ же самыя поводы къ неудовольствіямъ, которые существовали и между другими казаками: припомнимъ жалобы зятя Пугачева. Пугачевъ и самъ, повидимому, разчитывалъ на Докцовъ. По крайней мѣрѣ, онъ счелъ не лишнимъ послать къ нимъ свои *указы*, * и 60 человекъ съ Дона явились къ нему, по собственнымъ его словамъ, въ Саратовъ: не были ль они депутатами отъ цѣлой массы единомышленниковъ?

По счастью, въ описываемое время старинная партія *Гуляевыхъ* не имѣла, уже на Дону перевѣса надъ партіей зажиточныхъ казаковъ, какъ это было во время Булавина. Гражданственность сдѣлала на Дону успѣхи; желаніе порядка преобладало уже въ массѣ донскаго народонаселенія надъ инстинктами анархіи. По счастью, также власть находилась теперь въ рукахъ энергическаго и надежнаго атамана Семена Сулина, и значительное число казачьей молодежи, между которою обыкновенно зарождались безпокойства, была въ Польшѣ и въ Дунайской арміи. Еще задолго до приближенія Пугачева къ Саратову, по первому извѣстію о взятіи мятежниками Казани, Сулинъ собралъ изъ оставшихся за командировками казаковъ три полка, которые и были высланы на Хоперь, Медвѣдицу и Бузулукъ для охраненія верховыхъ станиц. ** Затѣмъ, такъ какъ въ томъ 1774 года возвратилось на Донъ нѣсколько казачьихъ полковъ изъ арміи, то часть ихъ, съ приближеніемъ Пугачева, была немедленно двинута къ сѣве-

* Одинъ изъ нихъ помѣщенъ выше, на стр. 6-й.

** См. Прилож. IV.

ровосточнымъ границамъ земли войска Донскаго, другіе остановлены и расположены въ видѣ резерва и, наконецъ, объявлено поголовное вооруженіе всѣхъ безъ исключенія казаковъ, не изъема ни льготныхъ, ни стариковъ, ни малолѣтокъ. Такой рядъ энергическихъ мѣръ, сопровождаемый строгими наказаніями станичнымъ атаманамъ, такое твердое положеніе войсковой старшины, въ средѣ которой мы уже видимъ будущихъ героевъ двѣнадцатаго года,—Платова, Иловайскаго, Кутейникова,—опредѣлили и положеніе всего войска по отношенію къ Пугачевщину: оно осталось на сторонѣ порядка и цивилизаціи. Пугачевъ не рѣшился вступить въ его землю.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Саратовѣ (съ 6-го по 9-е августа), онъ двинулся берегомъ Волги къ Камышину, оставивъ за собою преслѣдующія войска на два перехода и употребивъ не болѣе мѣсяца на движеніе отъ Казани черезъ Цывильскъ и Курмышъ къ Камышину: * быстрота едва вѣроятная, но которая уже начинала переходить въ бѣгство. Въ самомъ дѣлѣ, по описанію очевидцевъ, шайки Пугачева представляли въ это время какое-то нестройное, нестрое смѣшеніе людей различныхъ племенъ, состояній и даже половъ, имѣвшее вовсе не воинственный видъ. Въ это время, разказывалъ одинъ казакъ, бывшій въ его шайкахъ нѣсколько дней: „у него, заодно, было ящукъ казачковъ до 300 и, сверхъ того, разная сволочь, какъ-то: казанскіе Татары, лакеи, ссылочныя и прочая сволочь, коихъ всѣхъ тысячъ до шести, и только, почестъ, оружейныхъ тысячи съ двѣ, а то все безъ всякихъ оружій, и многіе ѣдутъ въ телегахъ, коихъ, тожь колясокъ - берлиновъ, въ обозѣ его состоитъ многое число, болѣе 500, въ коемъ обозѣ много женъ и обоого пола дѣтей.“ **

Какъ бы то ни было, однакожь, но въ продолженіе всего пути отъ Казани до Камышина, ни одному изъ многочисленныхъ гонявшихся за Пугачевымъ отрядовъ не удалось не только зацѣпить, но даже издали его увидѣть. Подъ Камышинымъ въ первый разъ встрѣтилось съ нимъ пра-

* Казань была освобождена Михельсономъ 13-го іюля, а 18-го августа Пугачевъ былъ подъ Камышинымъ.

** Прилож. IV „Показаніе казака Черникова“. Довольно сходно съ нимъ и показаніе Медехова и Малихова, въ томъ же Приложеніи.

жизнеспособное войско и было разбито (13-го авг.). * Царицынъ, къ которому онъ затѣмъ подступилъ (21-го августа), давъ ему отпоръ и задержавъ его. Здѣсь же онъ потерявъ доставшееся ему, какимъ-то образомъ *галыцкинское знамя*. Видя что Михельсонъ, Муфель и Меланинъ приближаются, Пугачевъ двинулся къ Сарептѣ. Тутъ, говоритъ Пущкинъ, онъ прогулялъ цѣлыя сутки съ двумя наложницами, и хотя онъ привелъ изъ-подъ Царицына новыя силы, присоединивъ къ себѣ до 3.000 Калмыковъ и большое число донскихъ казаковъ, ** но потерялъ то что въ настоящихъ обстоятельствахъ было для него всего важнѣе — время. Михельсонъ шелъ за нимъ по пятамъ; онъ вступилъ въ Царицынъ 22-го числа, сдѣлавъ переходъ въ 105 верстъ въ двое сутокъ, и, наконецъ, на разсвѣтъ 25-го августа насталъ на него подъ Чернымъ Яркомъ. Муфель и Меланинъ, слѣдовавшіе съ Михельсономъ, повидимому, отстали, а потому Пугачевъ кинулся на Михельсона, но сломить его не могъ, и, вѣроятно, опасаясь удара другихъ отрядовъ, которые должны были находиться не далеко, не продолжалъ натиска. Толпы его рассыпались по степи. Михельсонъ захватилъ весь обозъ Пугачева и его пушки. Кавалерія пустилась преслѣдовать бѣгущихъ и гналась за ними 40 верстъ по берегу Волги. Опасаясь наткнуться на другіе отряды, обложившіеся со всѣхъ сторонъ, Пугачевъ бросился въ лодку и спасся отъ погони, — но не надолго.

Онъ плылъ въ лодкѣ съ женою (вѣроятно первою) и старшимъ сыномъ. Многіе изъ бывшихъ при немъ спасались вплавь: доказательство что преслѣдованіе было настойчивое. Посрединѣ рѣки былъ островъ, на которомъ бѣглецы приостановились, и затѣмъ переправились на лѣвый берегъ. Здѣсь Пугачевъ замѣтилъ, что съ нимъ нѣтъ одного изъ его приближенныхъ, Перфильева, и нѣсколькихъ другихъ изъ бывшихъ съ нимъ. Онъ послалъ за ними одного казака, а самъ расположился начевать въ степи. Лишенный пріюта, едва спасшійся отъ плѣна, сопровождаемый

* См. Прилож. IV. „Донесеніе атамана Суаина“, отъ 28-го августа.

** Пугачевъ показывалъ, передъ слѣдственною комиссіею, что онъ имѣлъ 6 донскихъ полковъ; но о числѣ бывшихъ при немъ Донцовъ желательно бы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія. Этому показанію сильно противорѣчитъ донесеніе атамана Суаина, хваляшагося вѣрностію доугу Донскаго войска.

лишь горстью людей, этот неукротимый матежникъ уже создавалъ новые планы: замышлялъ кинуться на Узень, набрать тамъ новую шайку, устремиться съ нею на нижній Яикъ, овладѣть Гурьевымъ, „пуститься на судахъ въ море, взять какія ни есть орды, согласить оныя и выйти паки на Россію.“ * Такъ и было рѣшено. Со свѣтомъ двинулись на Узень, но далѣе Узени не поѣхали.

Графъ Павинъ, прибывъ, между тѣмъ, во внутренній его попеченію край, сдѣлалъ нѣсколько распоряженій относительно обезпеченія народнаго продовольствія и издалъ воззваніе къ жителямъ. ** Около того же времени прибылъ изъ Турецкой арміи и Суворовъ. Главнокомандующій поручилъ ему принять команду надъ отрядами, преслѣдовавшими Пугачева. Онъ прискакалъ въ отрядъ Михельсона черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія подъ Чернымъ-Яромъ. Понимая, что успѣхъ зависитъ единственно отъ быстроты преслѣдованія, онъ посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, переправился черезъ Волгу у Царицына и пустился за нимъ по слѣдамъ. Муфель и Меллинъ были тоже переведены на луговую сторону и направлены такъ, чтобы прикрывать берега Камы отъ новыхъ вторженій; изъ Астрахани двигался легкій отрядъ въ правый флангъ бѣглецамъ; наконецъ, Голицынъ и Мансуровъ заслоняли Яикъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ сдвигались войска, съ каждымъ переходомъ стѣсняя образуемое между ними пространство. Много ловкости нужно было Пугачеву, чтобы выскочить изъ этой западни.

Но эта была не единственная опасность, которая ему грозила въ настоящую минуту. 14-го сентября Пугачевъ съ остатками своей шайки пришелъ на Узень, въ селеніе тамошнихъ старовѣровъ; здѣсь и кончилось его поприще. „Толпы моей чи-

* *Допросы Пугачеву.*

** Нельзя не замѣтить здѣсь, что графъ Павинъ не обнаружилъ въ этомъ случаѣ той быстроты, которой требовали обстоятельства. Указъ о его назначеніи состоялся, какъ сказано, 19 июля, а между тѣмъ, по свидѣтельству г. Лебедева, онъ прибылъ въ Керенскъ (Пензенской губерніи) не ранѣе 14 августа, когда уже самозванецъ приближался къ Камышину. Г. Лебедевъ говоритъ, что Суворовъ, вызванный, по распоряженію Потемкина, изъ Дунайской арміи, прибылъ въ Москву въ концѣ іюля; а изъ донесенія атамана Перфильева атаману Судану (Прилож. IV) видимъ, что онъ пріѣхалъ въ Царицынъ только 1 сентября.

новные люди, соглася къ тому другихъ, меня арестовали“, говорилъ въ послѣдствіи Пугачевъ. Это происходило, по словамъ Пушкина, слѣдующимъ образомъ. Пугачевъ былъ одинъ. „Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вопедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно. Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи и, между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать идти къ Гурьеву-Городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ, и что уже ему пора ѣхать за ними. „Что же?“ сказалъ Пугачевъ: „вы хотите измѣнить своему государю!“— „Что дѣлать!“ отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. „Я давно видѣлъ вашу измѣну“, сказалъ Пугачевъ, и подозвавъ своего любимца, плецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: „скажи!“ Твороговъ хотѣлъ скрутить ему локти назадъ. Пугачевъ не дался. „Развѣ я разбойникъ?“ проговорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ и повезли къ Яицкому-Городку.“

Но Пугачевъ еще и теперь не считалъ своего дѣла окончательно проиграннымъ. Селеніе, въ которомъ онъ былъ арестованъ „чиновными людьми“, и притомъ „немногими“, находилось по одну сторону Узени, а толпа его была на другой. Пугачевъ кинулся было туда, но Твороговъ и другіе поймали его и пересадили на *худую лошадь*. * Ускакать на ней было нельзя. Но и дать себя везти въ Яицкій-Городокъ Пугачеву не хотѣлось; во время одного привала, когда привалились обѣдать, онъ схватилъ саблю и кинулся на сторожившихъ его казаковъ. Его обезоружили, опять посадили на лошадь и повезли къ Яицкому-Городку, давъ знать тамошнему коменданту, Симонову, о своемъ приближеніи. Навстрѣчу имъ выѣхалъ казачій сотникъ и приказалъ набить на плѣнника колодку. Въ такомъ видѣ привезенъ былъ Пугачевъ въ яицкую секретную комиссію, къ члену ея, капитану Мазрину. ** Черезъ нѣсколько дней въ Яицкій-Городокъ прибылъ Суворовъ, и принявъ плѣнника,—подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ пѣхоты и двухъ пушекъ, находясь при немъ

* Допросы Пугачеву.

** Допросы Пугачеву и Ист. Пугач. бунта.

и самъ безотлучно, — повезъ его въ деревянной клеткѣ въ Симбирскъ, къ графу Пайну.

Казнь была совершена надъ Пугачевымъ и некоторыми изъ его сообщниковъ въ Москвѣ „на Болотѣ“, 10-го января 1775 года. Пугачевъ билимъ приговоренъ къ четвертованію, равно какъ и Перфильевъ; Чика — къ отсѣченію головы; Шигаевъ и двое другихъ — къ повѣшенію; 8 человекъ были приговорены къ наказанію кнутомъ, съ вырваньемъ моздрей и ссылокъ въ каторгу, 11 — къ тому же, съ замѣною каторги посыланіемъ, 8 — къ наказанію кнутомъ, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, 4 — къ наказанію плетью. Въ числѣ главныхъ виновниковъ признаны были три лица, сравнительно съ другими, занимавшія болѣе высокое общественное положеніе; это были: подпоручикъ Швановичъ, писавшій и подписывавшій за Пугачева указы (его лишили чиновъ и дворянства, съ переломленіемъ надъ нимъ пятаги), штабс-капитанъ Юматовъ (за старостію, наказаніе ограничено лишеніемъ чиновъ) и сотникъ Горюхінъ, депутатъ отъ Астраханскаго казачьяго войска въ Комиссію объ Уложеніи (лишенъ званія депутата). Некоторые изъ этихъ казней могутъ показаться въ наше время жестокими; но можно сказать, безъ опасенія ошибиться, что онѣ казались современникамъ слишкомъ слабыми, и онѣ дѣйствительно таковы, если сравнить ихъ съ тѣми, которыя производились еще въ сравнительно короткое царствованіе Елизаветы Петровны. Пугачевъ былъ по своимъ дѣламъ страшный злодѣй: изъ списка его жертвъ помѣщеннаго Пункинымъ въ *Историю бунта* и далеко не полного, оказывается, что имъ было предано смерти не менѣе 1.500 человекъ, въ числѣ которыхъ были и дряхлыя старики, и дѣти, и женщины. Почти одновременно съ Пугачевскимъ бунтомъ происходилъ бунтъ въ Закарпатской Украинѣ, принадлежавшей тогда Польшѣ. За этотъ бунтъ послѣдствиемъ жизни, по свидѣтельству самихъ Поляковъ современниковъ, 400 человекъ, преданныхъ смерти разными мучительными способами; съ предводителя мятежниковъ, казака Гонты, въ продолженіе четырнадцати дней была сдираема кожа между тѣмъ Гонты былъ только бунтовщикъ, а не самозванецъ. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностію сказать, что судъ, разсматривавшій дѣло Пугачева и его сообщниковъ, не имѣлъ въ виду угодить императрицѣ строгостію, а положилъ приговоръ на основаніи существовавшихъ зако-

новъ и согласно настроенію общественнаго мнѣнія. О личномъ настроеніи Екатерины можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ началѣ 1774 года она писала Бибикову, чтобы не допускать пытокъ при слѣдствіи надъ сообщниками Пугачева: „Пожалуй, прикажите секретной комиссіи осторожно быть въ разборѣ и наказаніи людей; при расправахъ какая нужда стѣнь? Дѣвнадцать лѣтъ тайная экспедиція ни одного человека при допросахъ не стѣкла ничѣмъ, а всякое дѣло начисто разобрано было и всегда болѣе выходило нежели мы желали знать.“ Въ такомъ же точно смыслѣ два раза писала она московскому главнокомандующему, князю Волконскому: „Ради Бога, удержитесь отъ пристрастныхъ допросовъ, всегда затмѣвающихъ истину!“— „Пожалуй, помогайте всѣмъ внушать умѣренность какъ въ казни преступниковъ, такъ и въ числѣ ихъ“, писала она, уже послѣ поимки Пугачева, тому же князю Волконскому.

Мы прослѣдили обстоятельства, сопровождавшія появленіе Пугачева, наблюдали среду, изъ которой онъ вышелъ, видѣли, наконецъ, характеръ возбужденнаго имъ движенія. Но мы оставили бы важный пробѣлъ, еслибы не указали еще на на одно условіе, содѣйствовавшее его успѣхамъ. Это условіе заключается въ нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣрахъ, послѣдовавшихъ незадолго до его появленія. Въ краткое царствованіе Петра III изданы были два важные указа; одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ названіемъ указа о *вольности дворянской*, другой,—о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ. Первый изъ этихъ указовъ, * обнародованный черезъ три недѣли по вступленіи на престолъ императора, снималъ съ дворянства характеръ служлага сословія; дворянамъ предоставлялось вступать или не вступать въ службу, по собственному ихъ произволу. Другой указъ изданный 21-го марта 1762 года, отнималъ у духовенства завѣдываніе имѣніями, приписанными къ церквамъ и монастырямъ, и подчинялъ ихъ управленію коллегіи экономіи, которая обязана была доходами съ этихъ имѣній удовлетворять нужды какъ церквей и монастырей, такъ и церковно-служителей и монаховъ. ** Много было, говорено

* И. С. В. № 11, 444.

** И. С. В. № 8, 11, 461.

и писано о послѣднемъ изъ этихъ указовъ въ отноше-
ніи положенія, которое онъ создавалъ для духовенства;
одни признавали его совершенно рациональнымъ и ра-
зумнымъ, другіе находили, что онъ посягалъ на право
собственности и оскорблялъ достоинство духовнаго со-
словія; но значенія, которое онъ имѣлъ въ отноше-
ніи монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ едвали кто-
либо до сего времени касался. Между тѣмъ оно было чрез-
вычайно велико. Эти крестьяне вмѣсто крѣпостныхъ, како-
ми были на самомъ дѣлѣ, становились государственными,
то-есть *вольными*; часть земель, къ которымъ они были при-
писаны, именно та, которую они обрабатывали въ пользу,
церквей и монастырей, признавалась ихъ собственностью, и
съ нея положена была на нихъ плата въ казну, по 1 р. съ души.
Такимъ образомъ церковные и монастырскіе крестьяне стано-
вились не только вольными, но и собственниками; крѣпостной
вопросъ относительно ихъ разрѣшался на основаніяхъ, отча-
сти сходныхъ съ тѣми, на которыхъ онъ разрѣшался для всего
крѣпостнаго сословія въ наши дни. Но сто лѣтъ тому назадъ
онъ коснулся лишь одной, и притомъ, незначительной
части крестьянскаго сословія: доказательство, что законъ
изданный тогдашнимъ правительствомъ былъ недовольно
зрѣло имъ обсужденъ, и что онъ былъ результатомъ не
общей высоко — либеральной идеи, а навѣяннаго съ За-
пада недоброжелательства противъ духовенства. Такъ
дѣйствительно онъ и былъ понятъ образованными сосло-
віями Россіи. Но въ массѣ крестьянъ онъ былъ понятъ
совершенно иначе. Крестьяне помѣщичьи, заводскіе и во-
обще всѣ тѣ, которые несли на себѣ крѣпостное ярмо въ
различныхъ его видахъ, вообразили что указъ 21-го марта
есть начало общаго ихъ освобожденія, и такое мнѣніе ка-
залось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что передъ тѣмъ дворян-
ство было освобождено отъ обязательной службы: если съ по-
мѣщиковъ снималась обязанность нести службу государству,
то не естественно ли было предполагать, что и съ крестьянъ,
которые, говоря вообще, были жалуеты за службу, бу-
детъ снята обязанность служить помѣщикамъ?

Какъ бы то ни было, но увѣренность, что вслѣдъ за монастыр-
скими будутъ освобождены и всѣ прочіе, сдѣлалась общою
между крѣпостными крестьянами. Это было однакожь далеко
отъ видовъ тогдашняго правительства. Слѣдуя вліянію господ-

ствовавших на Западѣ идей, оно желало окружить привилегіями и преимуществами лишь дворянское сословіе и сообщить ему положеніе, сообразное съ западными понятіями. Такъ, отмѣнивъ сыскныя команды, оно возложило на помѣщиковъ поимку воровъ и разбойниковъ, въ ихъ имѣніяхъ, что предоставляло дворянству полицейскую власть въ обширныхъ размѣрахъ. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ возникли безпорядки; для прекращенія ихъ отправлены были команды, которымъ велѣно было подвергнуть главныхъ виновниковъ наказаніямъ „по волѣ помѣщиковъ;“ этимъ послѣднимъ такимъ образомъ присвоивалась и власть судебная; а между тѣмъ по поводу все шире и шире распространявшейся мысли о вольности между крестьянами, обнародовано было нѣсколько указовъ, которые заявляли, что правительство вовсе не намѣрено сдѣлать помѣщичьихъ крестьянъ вольными и приглашало ихъ оставить всякія съ этой стороны ожиданія.

Таково было положеніе дѣлъ, когда на престолъ вступила Екатерина; передъ нею было двѣ дороги: или довершить освобожденіе крестьянъ и тѣмъ раздражить дворянство и духовенство, или отмѣнить указъ 21-го марта и приобрести расположеніе обоихъ этихъ сословій. Въ затруднительномъ положеніи, въ которомъ императрица находилась при началѣ своего царствованія, она рѣшилась на полумѣру: она учредила комиссію подъ собственнымъ своимъ предсѣдательствомъ, на которую возложено было дальнѣйшее устройство дѣла объ обезпеченіи церквей, монастырей и духовнаго сословія, коллегія же экономіи отмѣнялась и принятыя ею въ управленіе имѣнія возвращались на время завѣдыванію духовенства *. Это распоряженіе успокоило дворянство и духовенство — это послѣднее до новаго, окончательнаго закона о монастырскихъ и церковныхъ имуществѣхъ, но волненія между крестьянами не уменьшались. При Петрѣ III эти волненія обнаружались въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тверской, Московской и Смоленской, — при Екатеринѣ они проникли на Волгу, въ этотъ неспокойный край, съ которымъ мы уже ознакомились. Въ первый же годъ ея царствованія въ Казанской губерніи появился фальшивый указъ, буд-

* П. С. З. № 11, 6, 4 и 3.

то монастырскіе, церковные и заводскіе крестьяне освобождаются отъ обязательныхъ работъ на своихъ владѣльцевъ. Копіи съ этого указа расходились въ множествѣ; крестьяне искренно вѣрили въ его подлинность, а тѣ, которые его распространяли, развѣзжали по деревнямъ и заводамъ и подвергали побоямъ тѣхъ, которые отбывали обязательныя работы. Казанская губернская канцелярія посылала чиновниковъ вразумлять заблуждающихся и приводить къ повиновенію сопротивляющихся; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на заводахъ графа Шувалова, этихъ чиновниковъ вовсе не допустили, не дозволили имъ сыскивать разгласителей ложнаго указа, „и собравшись изъ каждаго жительства съ дубьемъ и со всякимъ дреколѣмъ, держали ихъ запертыми въ избѣ подъ карауломъ, и угрожая разными словами, выслали изъ жительства вонъ“, объявляя, что то же будетъ и съ воинскою командой, если ее вздумаютъ прислать *.

Таковъ былъ одинъ случай, происшедшій въ первое время царствованія императрицы Екатерины, но ихъ было множество до времени появленія Пугачева. Энергически подавляемая надежды на освобожденіе отъ крѣпостной зависимости возникали между крестьянами безпрестанно и давали откликъ на малѣйшій призывъ. Вотъ почему Пугачевъ, какъ и всѣ его предшественники, заявлялъ о своемъ намѣреніи помочь черни; вотъ почемумышленный зимовейскій казакъ судить крестьянамъ въ первомъ же своемъ манифестѣ земли, рѣки и моря; вотъ почему въ другомъ приведенномъ нами манифестѣ онъ приказываетъ „злодѣвъ-дворянъ всячески стараться искоренить.“—Неосторожный указъ Петра III и невозможность, въ которой находилась Екатерина, развязать крестьянскій вопросъ **, доставилъ Пугачеву симпатію въ средѣ многочисленнаго крѣпостнаго сословія. Весьма вѣроятно, что предшествующе будучи ловко составленными своими манифестами, онъ умѣлъ бы взволновать крестьянъ и въ томъ случаѣ, когда не было бы вышеприведенныхъ законовъ о мо-

* II. С. З. № 11. 710.

** Что она желала его развязать, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Это доказываютъ *Записка* о первыхъ годахъ ея царствованія въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года, дѣйствія Вольно-Экономическаго Общества во время президентства кн. Г. Г. Орлова (см. *Чтенія*) и мн. др. документы.

манифестами, они умели бы взволновать крестьян и в том случае, когда не было бы вышеприведенных законов о монастырских и церковных крестьянах, не сомнительно, что эти указы облегчили его участь. Если крестьяне так охотно верили подлинности указов, фабрикуемых дворянами и деревенскими грамотеями, если они отказывались признавать за агентов верховной власти, неизменно, по их убеждению, — благотворительной, всякого, говорившаго о сохранении крепостного права, то точно также могли они поверить, что человек, обещающий им свободу и землю, есть именно тот самый Царь, тот самый Царь Петр Феодорович, указы которого нарекнут им о воле и землевладении. Этот указ 21-го марта, в сущности совершенно не обдуманый, опрометчивый и вызванный соображениями, во все чуждыми интересам русского крестьянина, доставил однакож императору Петру III огромную популярность в крестьянском сословии; имь только и можно объяснить такое странное явление, что этот император, иностранец по происхождению, почти незнавший русского языка и вообще человек не русской природы, как по своим достоинствам, так и по недостаткам, находить такое широкое место в преданиях и легендах раскольников.

Этими замечаниями мы проводимъ заключительную черту въ изслѣдованіи о происхожденіи и характерѣ Пугачевщины. Имѣемъ-ли мы, однакожъ, право сказать, что знаемъ историческій эпизодъ, который разсматривали? Конечно, нѣтъ. Въ немъ еще много для насъ темнаго. Чрезвычайно загадочно, напримеръ, безнаказанность того, котораго само сѣдѣствіе называется „начальнымъ плутомъ“. Эта темнота, въ свою очередь, даетъ поводъ къ разнымъ догадкамъ и соображеніямъ, и она будетъ существовать, до тѣхъ поръ пока всѣ обстоятельства дѣла не будутъ вполне раскрыты и разсмотрѣны. Но благоразуміе и справедливость велать однакожъ сохранять въ некоторую умѣренность въ этихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя были печатно высказаны. Г. Лебедевъ, въ очень любопытной брошюрѣ: *Графы Никита и Петр Панины*, высказываетъ мысль, что если Пугачевъ и не былъ выдвинутъ именно партией недовольныхъ царедворцевъ, подобно тому какъ Отрѣповъ былъ выдвинутъ партией недовольныхъ бояръ, то эта партия недовольныхъ желала имъ воспользоваться, для того чтобы опутать императрицу; — что назначеніе П. Панина было ре-

результатомъ этой интриги, что задержка курьера везшаго указъ о назначеніи Голицына вмѣсто князя Щербатова и отказъ Румянцева отпустить Суворова изъ арміи имѣли ту же цѣль. Въ отчаяніи, вида себя совершенно опутанною этою интригой, Екатерина, по мнѣнію г. Лебедева, вызвала, наконецъ, Потемкина изъ Дунайской арміи, благодаря преданности и энергіи котораго дѣло и приведено къ желаемому концу.

Во всемъ этомъ много неточностей и бездна преувеличенія. Партіи окружали Екатерину, это несомнѣнно; но гдѣ же страна, въ которой не было бы партій? Онѣ существуютъ въ каждомъ человеческомъ обществѣ и не могутъ не существовать. Но въ странахъ, имѣющихъ политическую жизнь, борьба этихъ партій производится открыто, имѣетъ характеръ политическій и обращается во благо государству; въ странахъ же, гдѣ такой жизни въ обществѣ нѣтъ, дѣйствуютъ партіи преимущественно придворныя и ведутъ борьбу тайно, взаимно лютая дѣйствія противниковъ названіемъ интриги, работая обманомъ, игрою личныхъ впечатлѣній, искусственно производимыхъ на умъ и сердце государя. Вокругъ источника власти, почестей, значенія, какъ не кипѣтъ страстямъ, какъ не быть борьбѣ партій! Поэтому нѣтъ повода выставлять тайную борьбу, происходившую вокругъ престола Екатерины, какъ нѣчто характеризующее эпоху. Никита Панинъ былъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ приверженцевъ Екатерины, одинъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ первой половины ея царствованія, и притомъ одинъ изъ тѣхъ, къ кому она питала наиболѣе довѣрія; это доказываетъ его положеніе во главѣ управленія иностранными сношеніями,—положеніе едва ли не самое щекотливое; но независимо отъ того можно бы выставить и много другихъ доказательствъ высокаго о немъ мнѣнія императрицы: достаточно упомянуть о томъ, что ему было поручено воспитаніе наследника престола и главное руководство сѣдствіа надъ Мировичемъ, что наконецъ, изъ числа немногихъ людей, которымъ Екатерина сообщила первыя свои мысли о Наказѣ, былъ Панинъ. Но это перво-степенное положеніе Н. Панина при дворѣ приобретено было имъ, конечно, не безъ борьбы. Съ Орловыми ему рѣдко случалось быть въ чемъ-нибудь согласнымъ, а Орловы до 1772 года были очень сильны. Въ этомъ году фаворъ ихъ, какъ извѣстно, поколебался, но тѣмъ выгоднѣе сдѣлалось

положеніе Панина, хотя странно было бы думать, что каждое его слово было закономъ для Екатерины. Раздѣлъ Польши совершился, напримѣръ, не совсѣмъ согласно съ его видами; первое мѣсто въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ графу Чернышеву, также точно какъ и переворотъ 28-го іюня былъ произведенъ не по его предложеніямъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, съ охлажденіемъ императрицы къ Орловымъ, кредитъ Панина усилился и въ 1773 году достигъ своего апогея. Именно по поводу брака великаго князя Павла съ принцессою Дармштатскою, преданный ему фонъ-Визинъ писалъ къ Обрескову въ Букарештъ: „Поистинѣ оказать, претерпѣлъ онъ (Панинъ) всѣ бури житейскаго моря и достигъ до нѣкотораго пристанища тому только дней съ пять. Злоба, коварство и всѣ пружины зависти и мщенія натянуты и устремлены были на его несчастіе, но тщетно. Богу благодареніе! Жребій его рѣшился воздаяніемъ ему справедливости.“* Враги Панина хотѣли воспользоваться вступленіемъ въ бракъ великаго князя и его совершеннотѣмъ, чтобы совершенно устранить воспитателя отъ его бывшаго питомца; но императрица, съ своей стороны, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы осыпать наградами своего министра: онъ получилъ чинъ фельдмаршала, 9.000 душъ, 1.000 р. на обзаведеніе, 50.000 р. на сервизъ, 30.000 р. ежегоднаго пенсіона, 14.000 на содержаніе, придворный экипажъ, провизію и „погребъ“ на годъ, да кромѣ того разрѣшено купить для него въ Петербургѣ домъ, который онъ самъ выберетъ.** Перечисливъ эти награды, фонъ-Визинъ, въ любопытномъ письмѣ своемъ къ Обрескову, прямо говорить, что „графъ Никита Ивановичъ остался при дѣлахъ съ большимъ кредитомъ нежели когда-нибудь.“

Итакъ, вотъ каково было положеніе Никиты Панина при дворѣ въ началѣ Пугачевщины. Но положеніе его брата было совершенно иное. Онъ былъ въ немилости съ 1770 года. Г. Лебедевъ говоритъ, что графъ Никита хотѣлъ назначеніемъ брата противъ Пугачева вырвать власть у императрицы и присвоить ее себѣ и своей партіи. Кажется, проще и вѣрнѣе было бы сказать, что если при этомъ канцлеръ имѣлъ въ виду

* Архивъ министер. иностр. коллегіи, дѣла Турецкія.

** Эти награды не совершенно точно согласны съ тѣми, списокъ которыхъ приводитъ г. Лебедевъ въ своей брошюрѣ.

линные разсчеты, то онъ желалъ поддержать себя и своего пар-
тію противъ тѣхъ бурь *убитейскаго моря*, о которыхъ упо-
миналъ фонъ-Визинъ, и что онъ хотѣлъ воспользоваться на-
стоящими случаемъ, чтобы, такъ-сказать, поставить своего
брата на ноги. Во всякомъ случаѣ, г. Лебедеву не слѣдовало
бы обходить обстоятельствъ, что на Петра Панина указы-
вало общественное мнѣніе. Не мѣшаетъ также припомнить,
что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ былъ депутатомъ
отъ московскаго дворянства въ комиссію Уложенія. По-
этому, замѣчаніе г. Лебедева о томъ, что назначеніе Петра
Панина было навязано императрицѣ, совершенно несправедли-
во: оно навязано силою обстоятельствъ, вліяніемъ обществен-
наго мнѣнія,—это можетъ быть, — но не интригою. Мнѣніе свое
нашъ авторъ главнѣйше поддерживаетъ письмомъ императри-
цы къ Потемкину, въ которомъ она жалуется на чрезвычай-
ную власть, которую желали бы дать новому главнокоман-
дующему. Вотъ это письмо:

„Увидишь, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, что госпо-
динъ графъ Панинъ изъ брата своего извоитъ дѣлать вла-
стителя, съ безпредѣльною властью, въ лучшей части Имперіи,
то-есть въ Московской, Нижегородской, Казанской и Орен-
бургской губерніяхъ, а *sous-entendus* есть и прочія. Что если я
подпишу, то не токмо князь Волконскій * будетъ огорченъ и
смѣшенъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, что предъ всѣмъ
оутомъ первого вѣка и мнѣ персональнаго оскорбителя, по-
боясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ Имперіи хваляю
и возвышаю. Вотъ вамъ книги въ руки, изволь читать и
признавай, что гордые затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ
выше. При семъ прилагаю и Бибикова инструкцію для *соп-*
fronterie; и тотъ пунктъ не худъ, гдѣ сказано, что всѣхъ
людей, гдѣ бы они ни были, онъ можетъ, какъ, гдѣ и когда
хочетъ (казнить смертию).“

Авторитетъ, приводимый г. Лебедевымъ, очень силенъ, и
если принять письмо, на которое онъ ссылается, безусловно,
то дѣйствительно придется допустить какія-то глубокія при-
чины раздраженія императрицы противъ обоихъ Паниныхъ.
Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ ей пришло на память, какъ
графъ Никита, вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, убож-
далъ ее составить сенатъ изъ несмѣняемыхъ членовъ и об-

* Начальникъ въ Москвѣ.

разовать изъ него, такое учрежденіе, которое, ограничивая, правда, произволъ ея, охраняло бы въ то же время престолъ отъ потрясеній, которыя у насъ слишкомъ часто повторялись, а государя — отъ ошибокъ, вызывавшихъ эти потрясенія. Очень можетъ быть, что эта мысль уязвила императрицу и раздражила ее, но едва ли это даетъ намъ право считать дѣйствія Никиты Панина, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и послѣ 28 іюня, интригой, а его самого заговорщикомъ. Императрица могла находить права, которыя предполагалось дать Петру Панину, чрезвычайнымъ и ходатайство о томъ его брата нескромнымъ; но мы не видимъ, чтобъ эти условія были ей поставлены какъ *sine qua non*: просить о расширеніи своихъ правъ не значитъ быть заговорщикомъ, да и кто изъ сановниковъ, тѣхъ временъ не желалъ бы сдѣлаться пашею! Изъ приведеннаго г. Лебедевымъ письма можно сдѣлать одно только заключеніе, что императрица не съ охотой и безъ сочувствія принимала услуги Петра Панина.

Посмотримъ теперь въ чемъ видны другіе слѣды этой огромной интриги, опутывавшей будто бы Екатерину, — этого глабокаго заговора противъ ея власти. Г. Лебедевъ указываетъ ихъ; это: 1) остановка курьера, везшаго указъ о назначеніи князя Голицына на мѣсто князя Щербатова и 2) несогласіе Румянцова отпустить Суворова изъ Дунайской арміи. Оба эти обстоятельства, однакожь, если на нихъ взглянуть безъ предубѣжденія, вовсе не имѣютъ того значенія, которое имъ приписывается. Прежде всего замѣтимъ, что курьеръ, везшій указъ о назначеніи Голицына, былъ не остановленъ, а *приостановленъ* въ Нижнемъ, ибо въ *Истории Пугачевского бунта* хотя и употреблено первое изъ этихъ выраженій, но нѣсколько страницъ далѣе упоминается, что 8-го іюля 1774 года Щербатовъ сдалъ командованіе войсками Голицыну. Приостановленіе курьера въ такое время, когда окрестъ свирѣпствуетъ мятежъ, есть дѣло весьма простое и обыкновенное. И какую особенную важность можно видѣть въ назначеніи князя Голицына, чтобъ *интрига* такъ нужно было устраненіе, или хоть отдаленіе этого назначенія? Голицынъ имѣлъ удачное дѣло съ мятежниками подъ Татищевой и живо ихъ преслѣдовалъ, но тѣмъ его подвиги и ограничились. Подобно другимъ, кромѣ Михельсона, онъ совершенно опустился послѣ смерти Бибикова и, вообще, вовсе не обнаружилъ тѣхъ свойствъ, которыми могли бы очень до-

дорожить какъ правительство (которое и дало ему временное назначеніе), такъ и направленная противъ правительства *интрига*. Другое дѣло Суворовъ. Если предположить, что Румянцовъ принадлежалъ къ этой *интригѣ*, то понятно, что онъ не хотѣлъ дозволить дѣйствовать противъ нея такому человеку какъ Суворовъ. Но прежде нежели дѣлать подобное предположеніе насчетъ Румянцова, сѣдовало бы, кажется, съ большимъ вниманіемъ справиться, точно ли оно неизбѣжнымъ образомъ вытекаетъ изъ обстоятельствъ? Сближеніе нѣкоторыхъ чиселъ открываетъ, напротивъ, совершенно иное. Когда именно данъ былъ Румянцову указъ о присылкѣ Суворова? По собственному свидѣтельству г. Лебедева, 25 марта 1773 (1774?) года, то-есть именно въ то время, когда дѣйствія колоннъ, направленныхъ Бибиковымъ противъ Пугачева, доставили первые серіозные успѣхи, и когда, какъ выше было замѣчено, иностраннымъ миссіямъ нашимъ дано было знать, что безпорядки на Яукѣ близки къ окончанію. Мало того, императрица сама около того же времени писала Румянцову (отъ 8 апрѣля): „Хотя мать, когда дѣтей своихъ сѣчетъ, тому радоваться не можетъ, но однакоже, дабы вы въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ въ состояніи нашлись опровергнуть всѣ ваши предостоящіе военнымъ и мирнымъ дѣламъ вредныя объ Оренбургскомъ бунтѣ слухи, того для я за нужное нахожу вамъ сказать, что вчерашній день я отъ г. генерала Бибикова получила извѣстіе, что 26 числа марта князь Голицынъ разбилъ Пугачева у Татищевой, очистилъ Оренбургъ, и что Бибиковъ „надѣется очистить весь сей край отъ дальняго разбоя и по всѣмъ дорогамъ возстановить тишину и покой.....“ Ко времени и кстати, — заключаетъ государыня, — разрушается производимый нѣсколько мѣсяцевъ сряду нѣкоторый родъ новой гордости въ ненавистникахъ славы Имперіи нашей!“ И-такъ, вотъ какимъ образомъ смотрѣла сама императрица на положеніе оренбургскихъ дѣлъ, по полученіи извѣстія о побѣдѣ Голицына. Не могъ ли точно также и Румянцовъ вообразить, что за этимъ успѣхомъ послѣдуетъ совершенное умиротвореніе края (да оно, вѣроятно, и послѣдовало бы, еслибы не умеръ Бибиковъ)? Но, скажутъ, Румянцовъ, отказываясь отпустить Суворова (15 апрѣля), не могъ еще имѣть въ шеприведеннаго письма Екатерины. Можетъ-быть; но извѣстія объ успѣхахъ Бибикова онъ имѣлъ другимъ путемъ. Румянцовъ именно и говоритъ въ своемъ рапортѣ, приво-

димомъ самимъ г. Лебедевымъ, что, „по извѣстіямъ публичныхъ *Вѣдомостей*“, онъ считаетъ мятежниковъ *вовсе исчезшими*. Съ другой стороны, на Дунаѣ шла рѣчь о томъ, быть или не быть миру съ Турціей. Переговоры о немъ велись, но могли не придти ни къ какому заключенію, подобно тому какъ это было въ предшествующемъ году, и въ этомъ случаѣ присутствіе Суворова могло быть очень нужно въ арміи, между тѣмъ какъ на Яикѣ ему, казалось, нечего было дѣлать. Весьма понятно также, что откомандированіе Суворова для усмиренія внутреннихъ беспорядковъ, какъ и замѣчаетъ Румянцовъ въ рапортѣ, приводимомъ г. Лебедевымъ, „подало бы непріятелямъ подтвержденіе по дѣламъ оренбургскимъ, кои они воображаютъ себѣ быть для насъ крайне опасными“, и сдѣлало бы ихъ менѣе податливыми при переговорахъ о замиреніи. Г. Лебедевъ полагаетъ, что Турки не читали газетъ и немного знали о Пугачевѣ: странное предположеніе! Если они сами и не читали газетъ, то при турецкомъ правительствѣ находились аккредитованные и неаккредитованные иностранцы, которые ихъ читали и во всемъ извѣстно, что какъ французскіе дипломаты, такъ и польскіе эмигранты не пропускали ни одного обстоятельства, чтобы поддержать въ Портѣ надежду на благоприятный для нея оборотъ войны. Вотъ, кажется мнѣ, нѣсколько аргументовъ доказывающихъ, что Румянцовъ не измѣнялъ императору, — аргументовъ столько же сильныхъ какъ и тѣ, которые приводитъ г. Лебедевъ для доказательства противнаго, — не считая крѣпко утвердившагося мнѣнія, что старый фельдмаршалъ былъ безукоризненно честный гражданинъ, хотя и ближе стоялъ къ Павловымъ нежели къ Потемкину.

Вотъ все что можно замѣтить относительно мнѣній, выраженныхъ г. Лебедевымъ, касательно придворной интриги въ связи съ Пугачевщиной. Но есть и другія мнѣнія, не высказанныя еще въ печати, напримѣръ, что близъ Екатерины была какая-то таинственная рука, непосредственно помогавшая самозванцу. Въ доказательство приводятъ появленіе въ лагерѣ Пугачева гольштинскаго знамени. Гольштинское знамя — это или очень сильный, или совершенно ничтожный аргументъ. На массу *яицкихъ* казаковъ, раскольниковъ, Башкиръ и крестьянъ оно не могло произвести никакого впечатлѣнія, но это самое и можетъ подать поводъ думать, что лицо, приславшее его къ Пугачеву, находилось, по своему положенію,

весьма далеко отъ понятія народныхъ массъ. Лицо это, повидимому, воображало, что имя Петра III сильно въ Россіи не въ качествѣ императора всея Россіи, а въ качествѣ принца Германской имперіи *... Такъ можно думать глядя на дѣло съ одной стороны; но можно допустить, что знамя попало совершенно случайно, какъ могло попасться всякое другое знамя. Не принимая на себя разрѣшать это совершенно темное обстоятельство, ограничусь приведеніемъ единственнаго документа, который о немъ упоминаетъ. Этотъ документъ есть письмо императрицы къ московскому главнокомандующему, князю Волконскому:

„Князь Михаилъ Никитичъ,—писала государыня,—при семъ посылаю къ вамъ гольштинское знамя Дельвигова драгунскаго полка, которое было отбито Михельсономъ у Пугачева подъ Царицынымъ и тотчасъ же сюда отправлено. Я послала осмотрѣть книги и вещи, хранящіяся въ Ораніенбаумскомъ арсеналѣ: не оттуда ли оно было выкрадено? Но тамъ все что было находится въ цѣлости. Тамошній генераль Ферстеръ призналъ, что сіе знамя, какъ я упомянула выше, было зята его Дельвигова полка. Ферстеръ и Мерлинъ, которые были у разбора гольштинскихъ дѣлъ, утверждаютъ, что, можетъ-быть, оно было отдано въ комиссаріатъ по приложенной здѣсь запискѣ знаменъ и штандартъ. Препоручаю вамъ потребовать отъ Глѣбова извѣстіе, гдѣ находятся сіи знамена. Въ случаѣ ихъ нѣтъ въ комиссаріатѣ, то пусть дастъ знать: гдѣ, какъ и когда они вышли изъ-подъ его вѣдомства. Хорошо было бы, еслибы вы открыли источникъ, какимъ образомъ сіе знамя дошло до Пугачева, ибо вывело бы много плутней наружу. Однако, во всемъ семъ поступите какъ можно осторожнѣе, чтобы не причинить въ городѣ невременную тревогу.“ (15 сентября). Открылъ ли какія-нибудь „плутни“ князь Волконскій, не знаемъ; эти „плутни“ могли быть сдѣланы какимъ-нибудь высоко-поставленнымъ лицомъ съ прямо политическою цѣлю, равно какъ и всякимъ комиссаріатскимъ каптенармусомъ, сочув-

* И въ этомъ отношеніи предполагаемое лицо весьма ошибалось. Если Петръ III имѣлъ какую-нибудь популярность въ Россіи, то всего скорѣе между массами крестьянскаго населенія, благодаря указу о монастырскихъ цѣлніяхъ, который дѣйствительно сдѣлалъ его популярнымъ между крестьянами.

ствующимъ Пугачеву и желавшимъ сдѣлать ему посильное приношеніе.

Было еще другое обстоятельство, которое показалось Екатеринѣ загадочнымъ и требующимъ особаго разъясненія: это предложеніе Перфильева выдать Пугачева. Съ предложеніемъ своимъ Перфильевъ прислалъ въ Петербургъ казака Трофимова (въ другомъ мѣстѣ Екатерина называетъ его Трифоновымъ), который казался искренно расположеннымъ предать самозванца въ руки правосудія, и между тѣмъ, отправившись изъ Петербурга съ твердымъ, повидимому, намѣреніемъ исполнить свое обѣщаніе, не исполнилъ его и сдѣлался однимъ изъ любимцевъ Пугачева. Что заставило его перемѣнить свое намѣреніе? „Все сіе неясно, мудрено и что-нибудь да кроется“, писала Екатерина князю Волконскому, полагая, какъ кажется, что въ Петербургѣ или Москвѣ нашлись люди, которые побудили Трофимова перемѣнить свое рѣшеніе. Но дѣйствительно ли это было такъ, не знаемъ, да и не видимъ причинъ полагать, чтобы въ этомъ обстоятельствѣ скорѣе можно было видѣть участіе лицъ высокопоставленныхъ имъ столичныхъ раскольниковъ. Наконецъ, все это могло быть одною комедіей, разыгранною Перфильевымъ, которая можетъ-быть и усилила мѣру назначеннаго ему наказанія.

Вотъ, кажется, главнѣйшія сомнѣнія, которыя желательно было бы разъяснить для вѣрнаго пониманія описываемыхъ дѣлъ. До сего времени еще никто не упоминалъ объ участіи раскольниковъ въ Пугачевщинѣ. Эта мысль даже вовсе не остановилась на себѣ вниманія Пушкина; между тѣмъ участіе раскольниковъ несомнѣнно и весьма значительно. Очень можетъ-быть, что въ послѣдствіи будетъ обнаружена и рука, бросающая изъ-за кулисъ голышгинское знамя, прикрывая Кожевникова и т. п. Можетъ-быть, современемъ откроются и какія-нибудь нити, протягивавшіяся изъ раскольниковъ въ сѣти за границу, хотя это и мало вѣроятно, и хотя, какъ сказано въ началѣ статьи, на это нѣтъ доказательствъ.

Но если нѣтъ доказательствъ чтобы Пугачевъ былъ твореніемъ и орудіемъ заграничныхъ враговъ Россіи, то несомнѣнно, что они готовы были имъ воспользоваться. Французскій резидентъ въ Петербургѣ, Дюранъ, распространялся о людскихъ происшествіяхъ съ нескрываемымъ злорадствомъ. И это очень понятно: французская политика стремилась, какъ

известно, запутать наши дѣла въ Польшѣ и болѣе всего содѣйствовала къ возбужденію Турецкой войны; а такъ какъ дѣла въ Польшѣ устроились, между тѣмъ, къ нашей выгодѣ, Турки же терпѣли пораженіе за пораженіемъ, то Пугачевъ являлся весьма кстати для этой политики и становился, хотя и неумышленно, ея союзникомъ. Несомнѣнно, что французская политика и польская эмиграція готовили ему преемника и продолжателя въ лицѣ мнимой княжны Таракановой. Известно, что интригантка, принявшая на себя это имя, является въ свитѣ князя Радзивилла, проживавшаго въ Венеціи, и является именно въ то самое время, когда Пугачевщина распространилась по Волгѣ, въ 1774 году. Изъ свѣдѣній, обнародованныхъ до сего времени объ этой загадочной личности, мы знали, что она была окружена католическимъ духовенствомъ и пробовала войти въ сношеніе съ Римскимъ дворомъ и съ Портой; въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть положительныя подтвержденія этому послѣднему обстоятельству. * Въ первой половинѣ лѣта 1774 года (23 мая), въ Константинополь пріѣзжалъ секретарь Радзивилла, Козаковский, съ цѣлю, между прочимъ, предрасположить Порту къ прибытію этого вельможи и къ принятію его съ надлежащимъ почетомъ. Почти въ то же время пріѣхалъ туда и одинъ изъ Пулавскихъ, котораго нашъ агентъ называетъ героемъ, слѣдовательно, повсей вѣроятности, Казимиръ. Но происки всѣхъ этихъ политическихъ интригановъ, втянувшихъ Турцію въ войну, дорого ей обошлись; вліяніе французской политики потеряло въ глазахъ Порты свой авторитетъ, и новыя побѣды Русскихъ рѣшительно расположили ее къ миру. Поэтому, Пулавскому дано было небольшое содержаніе съ правомъ проживать въ Демотикѣ (гдѣ нѣкогда жилъ Карлъ XII), а посѣщеніе Радзивилла было отклонено. На такое рѣшеніе знатный Литвинъ никакъ не надѣялся. Часть его свиты съ экипажами уже прибыла въ Константинополь, самъ же онъ, съ человѣками семидесятью приближенныхъ и въ томъ числѣ съ мнимою Таракановой, приостановился въ Рагузѣ, гдѣ, повидимому, и засталъ его неожиданный отказъ Порты. Кто была эта мнимая княжна Тараканова, остается необъясненнымъ въ упомянутыхъ выше документахъ. Известно только, что Рад-

* Дѣла царскія 1774 года.

живилъ прѣхалъ въ Венецію черезъ Варшаву и Вѣну; изъ другихъ свѣдѣній извѣстно, что самозванка принадлежала къ католическому исповѣданію: не Польша ли она была? Впрочемъ, кто бы она ни была, попытка Радзивилла представить эту таинственную особу въ Константинополь кончилась ничѣмъ; по весьма вѣроятію, что онъ везъ ее туда не безъ политическихъ цѣлей. Самозванецъ на Волгѣ и самозванка на Дунаѣ представляли большія вѣроятности ослабить дѣйствія вѣншей политики Россіи.

II. ЦЕБАЛЬСКІЙ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О „Московскомъ легіонѣ“ мнѣ удалось найти въ Московскомъ архивѣ военнаго министерства слѣдующія свѣдѣнія. Тогдашній вице-президентъ военной коллегіи, графъ Чернышовъ, — великій реформаторъ по военной части, — задумалъ было сформировать изъ „вольныхъ людей“ особую команду, подъ названіемъ „Иностраннаго легіона“, но встрѣтивъ неудобства относительно найма этихъ „вольныхъ людей“, представилъ императрицѣ о сформированіи такого же легіона изъ различныхъ существующихъ пѣшихъ и конныхъ командъ съ присоединеніемъ къ нимъ артиллеріи и казаковъ, подъ названіемъ „С.-Петербургскаго легіона.“ Представленіе его отомъ было высочайше утверждено 2-го сентября 1769 года, а чрезъ мѣсяцъ, 3-го октября, послѣдовало утвержденіе доклада военной коллегіи объ образованіи на подобныхъ же основаніяхъ „Московского легіона.“ Въ составъ его должны были войти части драгунскихъ полковъ Уфимскаго, Казанскаго и Оренбургскаго, Грузинскаго гусарскаго, яцкіе казаки и артиллерія, причемъ драгуны были обращены въ пѣхоту. Онъ долженъ былъ получить слѣдующій составъ:

Батальонъ гренадерскій: 6 ротъ по 136 человѣкъ съ сержантами, каптенармусами, мастеровыми и пр.	1.019 чел.
Батальонъ мушкетеръ: 6 ротъ по 126, а съ сержантами и пр.	1.019 —
4 эскадрона карабикеръ.	745 —
2 эскадрона гусаръ	349 —
Казачьей команды.	325 —

Кромѣ того, два 19-фунтовые единорога, двѣ 8 ф. пушки и восемь 3 ф. пушекъ. Весь этотъ маленькій корпусъ войскъ, представлявшій обращикъ соединенія всѣхъ родовъ оружія, отданъ былъ подъ команду бригадира Баннера (см. въ арх. воен. мин., *Книга опредѣлений воен. кол. №№ 60 и 69*).

II.

Извѣстія о наружности Пугачева, сообщаемыя разными видѣвшими его лицами, сходятъ въ главныхъ чертахъ, но относительно подробностей нѣсколько разнорѣчивы. Пушкинъ въ своей *Истории* говоритъ, что онъ „былъ роста средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сдѣлать.“ Совершенно тѣ же признаки Пушкинъ приписываетъ Пугачеву и въ *Капитанской Дочкѣ*, прибавляя: „живые, большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское.“ Но въ главѣ IV той же *Истории* Пугачевъ описанъ нѣсколько иначе: „онъ былъ сорока лѣтъ отъ роду, роста средняго, смуглъ и худощавъ, волосы имѣлъ *темнорусые*, бороду черную, небольшую, клиномъ.“ „Очевидецъ,“ со словъ котораго г. Поповъ записалъ разказъ, помѣщенный въ *Чтеніяхъ* 1862 года, описываетъ Пугачева такъ: „роста средняго, корпусный, въ плечахъ широкъ, смугловатъ, борода *окладистая* (что противорѣчитъ остальнымъ свидѣтельствамъ), глаза черные и большіе.“ Авторъ Примѣчанія, приложеннаго къ *Литописи Рыкова (Исторія Пугачевскаго бунта)*, бывшій у самозванца въ симбирской тюрьмѣ и разговаривавшій съ нимъ, пишетъ: „глаза у него чрезвычайно быстры, *волосы* и борода *черные*, роста небольшого, но широкъ въ плечахъ и весьма скоръ въ поворотахъ.“ Самое подробное описаніе Пугачева удалось мнѣ найдти въ показаніяхъ двухъ Донцовъ, бывшихъ въ плѣну у Пугачева и нѣсколько разъ бесѣдовавшихъ съ нимъ наединѣ (см. Прилож. IV). Вотъ оно: „роста средняго, лицомъ смугло-красный (это относится къ тому времени, когда Пугачевъ *погулялъ* уже около года на волѣ и холѣ), рябъ; на головѣ волосы черные съ русиною, борода небольшая и неширокая, такая же волосомъ, въ коей изрѣдка и сѣдина пробилась, а по лицу, къ ушамъ, крайне рѣдкая; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи рубецъ; брови черныя, глаза свѣрые съ желтизною; носъ небольшой, посрединѣ маленький бугорчикъ, а конецъ его кверху загнутъ остро, и лупится кожа.“ Жена Пугачева (не выдавая его, впрочемъ, съ 1772 года) прибавляла къ портрету своего мужа, рисующагося отъ вышеприведенныхъ описаній, что у него съ дѣтства не достаетъ одного зуба спереди, въ верхней челюсти (*Исторія Пугачевскаго бунта, Примѣч.*), а про шрамъ на лѣвомъ вискѣ говорила, что

онъ произошелъ отъ болѣзни и величиною въ двухконтъ-
еchnikъ; что у него на лицѣ „желтыя конопатины (рябин-
ки); смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, борода кли-
номъ, черная, небольшая.“ Она же сказывала, что у него на обѣ-
ихъ грудяхъ, „назадъ тому третій годъ, были провалы, отче-
го и мнитъ она,—записано въ отобранномъ у нея показаніи,—
что быть надобно признакомъ же.“ Всѣ свидѣтельства едино-
гласно показываютъ, что въ 1773 году Пугачеву было лѣтъ
сорокъ; самъ же онъ на допросахъ показалъ, что ему
(въ 1774 году) было 32 года, что и дѣйствительно близко
къ истинѣ, хотя за два года передъ тѣмъ, когда попалъ
за подговоръ яицкихъ казаковъ къ побѣгу, онъ гово-
рилъ, что ему 40 лѣтъ (*Исторія Пугачевского бунта. Прилѣч.*).
Я дѣлаю это заключеніе на слѣдующемъ основаніи: онъ объ-
яснялъ передъ комиссіей (*Чтеніе 1858 г. Допросы*), что
въ казаки записанъ 17 лѣтъ, что на *второмъ году* казачь-
ей службы (то-есть когда ему было 18—19 лѣтъ) женился и
тотчасъ же отправился въ Прусскую кампанію, гдѣ вскорѣ
получено извѣстіе о смерти императрицы Елизаветы. Итакъ,
въ концѣ 1761 года ему было лѣтъ около 20, слѣдовательно
въ 1773 г. ему было тридцать три года, или близко къ тому.

III.

Изъ дѣла, находящагося въ архивѣ военнаго министерства
(въ Москвѣ), видно, что въ концѣ 1786 года въ Тобольской гу-
берніи явился новый самозванецъ. Это былъ нѣкто Петръ
Хрипуновъ (онъ же и Головенко), находившійся нѣкогда ата-
маномъ въ шайкахъ Пугачева. Наряженное по этому случаю
слѣдствіе (подъ руководствомъ генералъ-майора Федцова)
обнаружило, что этотъ Хрипуновъ разглашалъ многимъ мѣст-
нымъ обывателямъ „о бывшемъ императорѣ Петрѣ, будто
онъ живъ, а изъ нихъ (обывателей) нѣкоторые подавали ему
совѣтъ къ возмущенію и побуждали его принять на себя имя
самозванца.“ Такими оговорами, посредствомъ которыхъ
Хрипуновъ разчитывалъ, вѣроятно, протянуть слѣдствіе, онъ
запутывалъ большое количество людей изъ ближнихъ и даль-
нихъ мѣстъ; однако, доносилъ (31-го октября 1786 г.) то-
больскій намѣстникъ, генералъ Огаревъ, „изъ всѣхъ обстоя-
тельствъ не видится никакого сумнительнаго случая.“ Глав-
ными сообщниками его были крестьяне Борцовъ и Пургинъ,
изъ коихъ первый хотѣлъ составлять ложные манифесты съ
объявленіемъ въ нихъ освобожденія отъ всякихъ податей на
9 лѣтъ (донесеніе отъ 12-го января 1787 г.), а Пургинъ—на-
бирать изъ бѣглыхъ и бродягъ шайку, которую онъ предпо-
лагалъ довести численностію до 500 человекъ. Эти два че-
ловѣка, какъ оказалось по слѣдствію (донесеніе отъ 29-го
ноября того же года), были подстрекателями самого Хри-
пунова, который является какъ бы ихъ орудіемъ. Но какъ

настоящій случай не имѣлъ никакихъ важныхъ послѣдствій, то императрица не желала ни оглашать его, ни слить строго карать виновныхъ. Генералъ-прокуроръ объявилъ Огареву высочайшее повелѣніе, по которому двумъ арестованнымъ участникамъ Хрипунова, рекруту Незмаеву и казакамъ Оедорову и Резанцеву сдѣланы „подтвержденія“, послѣ чего они были освобождены; драгунъ Сибирскаго полка, Гавриловскій, уличенный въ подговорѣ своихъ однопольчанъ къ содѣйствию самозванцу, отправленъ подъ команду надежнаго эскадроннаго командира; Хрипуновъ же, безъ всякаго наказанія, посланъ въ рабочій домъ. Къ удивленію, въ этомъ нелѣпномъ дѣлѣ оказались замѣшанными два офицера: Сибирскаго драгунскаго полка прапорщикъ Александръ Меньшиковъ и Петропавловскаго гарнизоннаго батальона секундъ-майоръ Соколовъ. Первый изъ нихъ былъ разжалованъ въ рядовые до выслуги, а взятые имъ съ крестьянъ деньги 24 р. велѣно изыскать съ него; къ чему были приговорены Борцовъ и Пургинъ, а также майоръ Соколовъ, и въ чемъ именно состояла вина послѣдняго, изъ дѣла не видно.

IV.

Донесенія наказнаго атамана войска Донскаго, Семена, Сулинавице-президенту военной коллегіи и другія бумаги.*

а) *Донесеніе Сулина, отъ августа 1774 г.* (Извлеченіе.) Отъ 3-го августа донесено военной коллегіи, что по полученіи отъ казанскаго губернатора фонъ-Бранта извѣщенія, сообщеннаго воронежскимъ губернаторомъ Шетневымъ, о раззореніи мятежниками Казани, для недопущенія злодѣя Пугачева съ его богомерзкою сволочью и для истребленія его въ прахъ, опредѣлено: нарядить изъ послѣдніе оставшихся, за раскомандированными въ армію, служилыхъ и отставныхъ казаковъ, а также и выростковъ — казачьихъ дѣтей, три казачьи полка и оные поставить: при походномъ атаманѣ Абросимѣ Луковкинѣ, на Бузудукъ, за Филоновскою станицей; при полковникахъ: Максимѣ Яновѣ, на Хопрѣ, за Михайловскою, и Андреѣ Вуколовѣ, на Медвѣдицѣ, за Березовскою станицами, куда оные и отправлены. А сего 10-го августа получена за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ грамота, отъ 29-го іюля, коею повелѣвалось немедленно исполнить повелѣніе о нарядженіи нѣкотораго числа сего войска въ извѣстную в—му в—пр—у комиссію, которое съ тою же грамотой и получено, и въ коемъ в. в—пр—во предписывать изволите: какъ извѣстный государственный злодѣй, извергъ Пугачевъ, перешелъ Волгу и упо-

* Архивъ воен. минист. въ Москвѣ, дѣла князя Потемкина.

вательно стремится къ Воронежу, а может-быть и на Донъ, то дабы на Дону взята была должная предосторожность; а Ея Императорское Величество соизволила указать: собрать до 1.000 человекъ и отправить ихъ при полковникѣ Алексѣѣ Илловайскомъ, или другомъ надежномъ полковникѣ, для обереженія Воронежской губерніи и самого Дона. Во исполненіе сего высочайшаго указа, полковникъ Илловайскій съ 1.000 казаковъ отправленъ, которую команду взять ему велѣно изъ числа высланныхъ съ атаманомъ Луковкинымъ; а для пополненія убыли въ командѣ Луковкина велѣно атаманамъ верховыхъ станицъ собрать всѣхъ казаковъ служилыхъ, отставныхъ и выростковъ, на истребленіе сего злодѣя, да и по всему Дону велѣно строжайше и подтверждено всѣмъ состоять въ ежечасной готовности.

6) *Показаніе, отобранное отъ бывшихъ въ плѣну у Пугачева эсаула Мелехова и хорунжаго Малахова, представленное Потемкину Сулинымъ при рапортѣ отъ 19-го августа 1774 г.*

„По откомандированіи ихъ (вышепоименованныхъ) при эсаулѣ Петрѣ Ѳомиѣ въ 1774 году къ Саратову, къ опекунской конторѣ, въ числѣ двухъ сотъ человекъ, для наблюденія колонистовъ и поиска разбойниковъ, находились они тамо: Мелеховъ сотникомъ, а Малаховъ квартирмейстеромъ въ командѣ г. бригадира Ладыженскаго; а 3-го числа сего августа означенный (состоявшій въ той командѣ) эсаулъ Ѳомиѣ съ ними, тожъ съ двумя хорунжими и шестидесятью человекъми казаковъ, отъ онаго бригадира Ладыженскаго командированы по дошедшему туда извѣстію, что злодѣи и измѣнникъ Пугачевъ съ толпою своею слѣдуетъ къ г. Петровску, съ тѣмъ приказаніемъ, какъ имъ оный эсаулъ Ѳомиѣ на пути сказывалъ, чтобъ о томъ злодѣѣ развѣдать и тотъ городъ защитить, а въ случаѣ невозможности, пушки и порохъ пометать въ воду, а денежную казну увезти въ Саратовъ, и что съ ними туда въ Петровскъ будетъ бывшій тогда тамо въ Саратовѣ гвардіи поручикъ Державинъ, которому и подставы были заготовлены; но онъ къ нимъ не пріѣзжалъ, а по приближеніи ихъ на другой день, яко то 4-го числа надвечеръ, къ Петровску, за версту догнавъ ихъ отъ онаго гвардіи поручика поручикъ же Гоголевъ, и какъ при семъ самомъ случаѣ увидѣли злодѣя-варвара Пугачева толпу, изъ коихъ передніе конные егеря входили уже въ городъ Петровскъ, а задніе, довольное число повозокъ, туда же слѣдовали, безъ всякаго изъ города сопротивленія, ибо тамошніе жители, какъ примѣчать должно, и бывшее въ немъ духовенство встрѣтили его съ образами, колокольнымъ звономъ, съ хлѣбомъ и солью; то эсаулъ Ѳомиѣ и предписанный пріѣхавшій къ нимъ офицеръ на лошади его, Ѳомина, да другой на дорогѣ съ нимъ сообщившійся офицеръ же, прапорщикъ, прозываемый Шкуратовъ, взявъ съ собою казаковъ до десяти человекъ, подъ-

ѣхали поближе къ той толпѣ, для развѣдыванія, сколько оной всей толпы и въ какихъ она людяхъ состоитъ; и вскорѣ отъ него, Омина, одинъ за другимъ, два казака къ нимъ (Мелехову и Малахову) присланы были съ тѣмъ, первый, чтобы художонные убирались впередъ, а другой, чтобы дожидались; потомъ мимо ихъ проскакали прѣбывшій къ нимъ офицеръ, а за нимъ эскадръ Омина и другой офицеръ; а изъ нихъ эскадръ, какъ слышалъ изъ нихъ Малаховъ,—потому что тогда Мелеховъ былъ по болѣзни своей, отъ лихорадки, отъ казаковъ особливо, сажень въ тридцати,—прибѣжавъ, закричалъ: чѣво вы стоите? непріятель тутъ въ Петровскѣ, убирайтесь! а самъ лошадей свою держитъ въ путь на поводѣ, и тутъ Малаховъ ему проговорилъ: для чего онъ ихъ оставляетъ? у иныхъ казаковъ есть лошади худыя; лучше намъ здѣсь за Ея Императорское Величество умереть на службѣ! а онъ, проговоря что поскачетъ за поручикомъ Гоголевымъ, и взявъ у него свою лошадь, обратно къ нимъ будетъ, а поручикъ - де на своихъ лошадяхъ, на которыхъ прѣхалъ, поскачетъ на почтѣ; и послѣ сего они уже его, Омина, вовсе не видали.

„И въ самой сей минутѣ, какъ они отъ нихъ скрылись, увидѣли они бѣгущихъ къ нимъ верхи на лошадяхъ съ девятью знаменами, съ разными на нихъ изображеніями святыхъ,—однакожь, безъ полей и звѣздъ золотыхъ и серебряныхъ; только у нѣкоторыхъ есть вышитыя малыя звѣздочки; тожь у нѣкоторыхъ по краямъ позументъ, а другіе безъ всякихъ изображеній,—до полтораста человекъ толпы, и всѣхъ ихъ окружили, хотя и были они всѣ съ заряженными ружьями на лошадяхъ, и остановясь около ихъ сажень на полтораста, прислали къ нимъ ящкаго казака,—какъ звать, не знаю,—который саженьяхъ въ двадцати пересказывалъ имъ,—какъ Малаховъ же слышалъ:—„не противесь оружіемъ; самъ здѣсь государь Петръ Θεодоровичъ; не то бы всѣ слѣзли съ лошадей,“ съ чѣмъ тотъ разбойникъ и побѣжалъ къ злодѣю; потомъ другой ящкій казакъ прѣхалъ къ нимъ отъ злодѣевъ, чтобы оставили лошадей: „сзади-де самъ государь ѣдетъ, и какъ скоро къ нимъ подъѣдетъ, положите оружіе и, павъ на колѣни, поклонитесь.“ И сей казакъ отъ нихъ не отъѣзжалъ, и самъ злодѣй съ знаменами прѣхалъ; и по такой крайности принуждены были они, павъ на колѣни, поклониться и назвать: „Ваше Императорское Величество,“ какъ имъ ящкій казакъ приказалъ; а онъ, сѣдя на конѣ, спросилъ у нихъ: „какіе вы?“ а услыша, что донскіе казаки, и были въ Саратовѣ, и называя ихъ „дѣтушки,“ проговорилъ: „Богъ и государь васъ во всѣхъ винахъ прощаютъ! Ступайте ко мнѣ въ лагерь.“ При семъ спросилъ у нихъ, кто отъ нихъ побѣгъ, и извѣстясь, что эскадръ и два офицера, самъ злодѣй, перемѣня лошадей, на буромъ конѣ, со взятымъ у казака дротикомъ, самъ-пятъ вслѣдъ за ними погналъ, а ихъ всѣхъ, съ бывшимъ при нихъ изображеніемъ Знаменія Богородицы, бунчукомъ,—который

по бытности ихъ сего года весною, за Волгою, къ Яку, на рѣчкѣ Бѣлыхъ Узеньяхъ, при разбитіи сего же злодѣя толпы яицкихъ казаковъ, десяти человѣкъ, бывшихъ при предводителѣ изъ нихъ, Иванѣ Безстрашномъ, ими у нихъ отбить,—оставшіеся его злодѣи привезли, уже при захожденіи солнца, въ лагерь свой, бывший у самаго города Петровска, между талыми, въ лугу, гдѣ были двѣ у самаго злодѣя палатки, вокругъ коихъ находились яицкіе казаки отряда, называющагося секретаремъ злодѣйскимъ, яицкаго казака Алексѣя Иванова. И поставя ихъ среди самой сводочи, опредѣлили ихъ къ полку яицкаго казака Аѳанасія Петрова; а предъ самымъ сумеркомъ и самъ злодѣй въ лагерь пріѣхалъ, причемъ они отъ яицкихъ казаковъ слышали, что есаула и одного офицера нагнать не могли, а другого офицера, Шкуратова, одинъ яицкій казакъ скололъ въ смерти.* Потомъ обоихъ ихъ, Мелехова и Малахова, да хорунжихъ станицъ Усть-Хоперской, Василя Попова, и Усть-Медвѣдицкой, Степана Колобродова, злодѣй позвалъ къ себѣ въ палатку,—въ которой изготовленъ былъ имъ ужинъ,—и приказавъ имъ сѣсть, велѣлъ поднести по двѣ чарки вина, сказывая: „пейте-де, дѣтущки, при мнѣ,“ и напоминая, чтобъ они служили вѣрно, спрашивалъ: „какое вы получаете отъ государыни жалованье?“ а они ему сказывали, что „мы отъ всемилостивѣйшей нашей государыни жалованьемъ довольны;“ а онъ сказывалъ: „нѣтъ, хотя вы и довольны, да мало этого на сѣдло, не токъ на лошадь; послужите вы у меня, вы не такъ будете довольны и будете въ золотѣ ходить! А у васъ господа сѣдлаютъ жалованье.“ И притомъ высказалъ: „слушайте, други мои, я былъ въ Египтѣ три года, въ Цареградѣ три года, да въ третью, не упомяну гдѣ, мѣстѣ два года,“ и онъ примѣры всѣ чужестранные узналъ, и не такъ какъ у насъ. „Я знаю какъ съ господами поступлю!“ Подтверждалъ притомъ, чтобъ они къ нему приходили утра и вечера, и послѣ же разговоровъ приказалъ имъ идти ночевать.

„Изъ тѣхъ же казаковъ, кои съ есауломъ Оминымъ и офицерами подѣвзжали къ Петровску, четыре человѣка, свидѣясь съ ними въ злодѣйскомъ лагерѣ, сказывали имъ, что какъ они подѣвзали къ Петровску и посланы были отъ есаула внутрь города Петровска, то они пойманы и къ упоминаемому злодѣю представлены, который, спрося ихъ: гдѣ они были, и много ли ихъ, и кто при нихъ командиръ? двухъ оставилъ, а двухъ съ приказаніемъ есаулу Омину, чтобъ

* Весь этотъ разказъ очень походитъ на тотъ, который (въ сокращеніи) приведенъ Пушкинымъ въ VIII главѣ его *Исторіи*; только тамъ говорится, будто Державинъ бѣжалъ отъ Пугачева, а Малаховъ и Мелеховъ свидѣтелями, что при этомъ его вовсе не было. Полковникъ Бошняковъ, на домосемье котораго ссылается Пушкинъ, можетъ-быть и понапраску искалъ этотъ побѣгъ на гвардейскаго офицера, съ которымъ состоялось ссорася.

онъ прѣхалъ къ его лагерю и, ставъ пониже его, къ нему явился, отправилъ, которые двое, за отъѣздомъ всаула Юмина, остались и съ ними (Малаховымъ и Мелеховымъ) взяты.

„Поутру, 5-го числа, злодѣй со всею сволочною толпою подъялся походомъ къ городу Саратову; и тутъ они на свои глаза видѣли всю его сволочь,—оставаясь для нарочнаго ея примѣчаша сзади,—въ которой ящкихъ казаковъ, примѣрно, до трехъ сотъ, а остальные—ставропольскіе и прочіе, Калмыки, Татары и другихъ ихъ мерзкихъ племенъ, тожь господскіе крестьяне, лакеи и прочая сбродная сволочь; всѣхъ знаменъ, писанныхъ и не писанныхъ, примѣрнымъ числомъ, до двадцати, пушекъ разныхъ тринадцать, въ томъ числѣ и взятыя въ Петровскѣ, и при нихъ побратые съ городовъ канониры; всей сволочи, шедшей съ нимъ, злодѣемъ, къ Саратову, полагають они, было съ десять тысячъ, и только можно назвать ружейныхъ тысячъ до двухъ, а многіе съ вилами, чекушками, съ дручьемъ, а прочіе безъ всякаго оружія; до Саратова, отъ котораго до Петровска разстояніа девяносто верстъ, слѣдуя, ночевали; а ввечеру какъ изъ нихъ Малахову и прочимъ вѣмъ казакамъ тамо присяга была, Мелеховъ не видѣлъ, потому что за болѣзнію своею оставался назадъ; а какъ скоро только на конѣ прѣхалъ, въ самый тотъ моментъ позванъ былъ онъ Мелеховъ одинъ въ палатку его злодѣя, который спросилъ у него: былъ ли онъ, Мелеховъ, у присяги? а услыша отъ него, что не былъ, ничего не говоря, подаль ему изъ своихъ рукъ лежавшую въ оной (палаткѣ), на лентѣ, серебряную, изъ жалованныхъ въ Пруссіи за Франкфуртскую и Палцыховскую (?) баталію, медаль позолоченую, сказывая, что „жалуетъ тебѣ Богъ и государь,“ и чтобъ онъ (Мелеховъ) служилъ вѣрно; кою (медаль) онъ, Мелеховъ, принужденъ былъ принять, поцѣловавъ его мерзкую руку. А за выходомъ его Мелехова изъ палатки, позванъ былъ туда хорунжій Колобродовъ, коему также дана отъ злодѣя медаль особливая, серебряная позолоченая; но какое на ней было изображеніе, онъ, Мелеховъ, не разсматривалъ, только видѣлъ надпись такую: *союзному*, котораго медали полковникъ злодѣйскій, Аванасій Петровъ, имѣ на шеѣ надѣлъ, причемъ какъ они, такъ и квартирмистръ Малаховъ и хорунжій Поповъ подчиняны были виномъ. По приходѣ же на кошъ, хотя онъ, Мелеховъ, отъ товарищей своихъ и слышалъ, что имъ присягу сдѣлали, но какъ она происходила, они не сказывали, и онъ, Мелеховъ, не допрашивался, а только слышалъ, что та присяга чинима была по образу Божію, изображенному въ мѣдныхъ складняхъ. Малаховъ же о присягѣ изъяснилъ, что того вечера, прѣшедъ къ нимъ первый сего злодѣя разбойникъ изъ людкаго войска, именуемый атаманомъ, Овчинниковъ, и называющійся секретарь, приказали вѣмъ собраться для выслушанія указа и принятія сему злодѣю, Пугачеву, присяги, и они всѣ принужденно собрались; имъ прочли указъ,

котораго помнитъ онъ, Малаховъ, заглавное: *Божією милостію мы, Императоръ Петръ III, самодержецъ всероссійскій* и прочая, трижды, а кѣмъ прописаны эти строки, будучи въ такомъ страхѣ, не упомянуть; а потомъ вычитываемъ быть листъ, въ которомъ означено, чтобы служили они вѣрно его императорскому величеству, Петру Феодоровичу, и супругу его, Устинѣ Петровнѣ, и великому князю, Павлу Петровичу, и послѣ сего показанный злодѣйскій атаманъ объявилъ: „слушайте: его величество жалуетъ васъ жалованьемъ: казакамъ по двѣнадцати, а старшимъ по двадцати рублевъ,“ которое жалованье было имъ и выдано мѣдною россійскою монетою.

„Переночевавъ же, поутру до свѣта 6-го числа, злодѣй, съ толпою поднавшись, къ вечеру прѣхалъ къ городу Саратову впереди, а повозки, состоящія изъ разной сволочи,—сотъ до пяти,—оставались назади, при которыхъ и изъ нихъ Мелеховъ, отдѣльно отъ товарищей, на своей повозкѣ, за болѣзнію, ѣхалъ, и затѣмъ, какъ уже тотъ злодѣй въ городъ вступилъ, Мелеховъ не видалъ, а только какъ прибыли повозки къ городу, и заняты на лугу лагерь. Злодѣй тогда, причиня свои богомерзкія убійства и грабительства, былъ въ городѣ, откуда прѣхалъ въ лагерь уже сумеркомъ, и пробылъ тамъ 7-е и 8-е числа, яко то два дня. А Малаховъ изъяснилъ: по приближеніи-де злодѣйскомъ къ Саратову, онъ, злодѣй, изъ своей сволочи съ нѣкоторою частью самъ съ пушками взомель на гору, именуемую Соколову, а конницу поставя внизу оной, сталъ по городу стрѣлять изъ пушекъ, и когда въ городѣ присмотрѣли замѣшательство, или оторопливость, конница вся его злодѣйская ударила и ворвалась въ жилища, а за ними и самъ злодѣй туда вступилъ, предавъ многихъ противящихся смерти, грабя все казенное и у жителей имущество, а казенные хлѣбные, соляные и винные амбары, отворя, далъ волю; изъ тюремъ всѣхъ освободилъ содержащихся въ нихъ, а между симъ изъ лагера своего, бывшаго отъ Саратова въ семи верстахъ, ѣздилъ онъ, злодѣй, съ яицкими казаками,—человѣкъ въ пятнадцать,—въ Саратовъ и всѣхъ тамошнихъ жителей привелъ къ присягѣ, а побитыхъ по городу людей, не малое число, прибирать и убирать и погребать не велѣлъ; а потомъ, забравъ артиллерию и людей, военныхъ и прочихъ, хотѣлъ, какъ слышали они отъ яицкихъ казаковъ, онъ, злодѣй, съ толпою переправляться у Саратова или у Дмитревска чрезъ Волгу на луговую сторону, но 9 го числа въ обѣдъ тотъ злодѣй, поднявшись отъ Саратова, пошелъ къ Золотой слободѣ съ намѣреніемъ оттуда идти къ Дмитревску, а отъ Дмитревска, какъ изъ нихъ Мелеховъ слышалъ въ палаткѣ злодѣя,—при разговорѣ съ нимъ, злодѣемъ, отъ ихъ злодѣйскаго яицкаго казака, полковникомъ называемаго, Аванасыя Петрова,—что поидеть къ Моздоку, а Малаховъ также слышалъ отъ яицкихъ казаковъ, что—къ Царицыну, а больше на Донъ.

„На самомъ же томъ отъ Саратова подъемѣ, они оба, съ

девятью человѣками казаковъ, усмотря такое богомерское чудовище, злодѣя, тирана и варвара, сговорясь, и оставя тамъ всѣ бывшіе съ ними экипажи и деньги, тожь и тѣ деньги, кои отъ злодѣя имъ даны были, бѣжали, ради донесенія войску Донскому о семъ злодѣѣ ко представленію къ Ея Императорскому Величеству и для принятія предосторожности, и будучи въ семъ побѣѣ, Малаховъ съ девятью казаками прибѣжалъ на Хоперь, въ Михайловскую станицу, на тамошній войсковой дворъ, изъ котораго отъ старшинъ Лацилина и Грекова присланъ при рапортѣ къ войску Донскому въ Черкасской, а Мелеховъ одинъ—на Медвѣдицу, къ Березовской станицѣ, не видя за собою погони, кромѣ что, будучи въ слободѣ Руднѣ, состоящей вверхъ по Медвѣдицѣ, на рѣчкѣ Терсѣ, разстояніемъ отъ той Березовской станицы въ восьмидесяти верстахъ, видѣлъ предъ прибѣдомъ своимъ повѣшенныхъ прибѣжавшими изъ злодѣйской той толпы тридцати человѣкъ,—прикащика съ женою.

„По бытности ихъ въ толпѣ сего злодѣя, они многократно его видѣли, который роста средняго, лицомъ смугло-красный, рябъ; на головѣ волосы черные съ русиною, борода небольшая и неширокая, такая же волосомъ, въ коей изрѣдка и сѣдина пробилась, а по лицу, къ ушамъ, крайне изрѣдка; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи рубецъ; брови черныя, глаза сѣрые съ желтизною; носъ небольшой, посрединѣ маленькій бугорчикъ, а конецъ его кверху загнулся остро, и лупится кожа. Да видѣли обои сына его, примѣромъ, лѣтъ двѣнадцати, бѣловатаго, а изъ нихъ Малаховъ—и дочь такую же, побольше онаго сына, одѣтыхъ въ доброй одеждѣ: сынъ въ казацкомъ, а дочь въ нѣмецкомъ уборѣ, а жену видѣть не случилось; тожь и въ толпѣ, кромѣ упоминаемаго злодѣя, другихъ подданныхъ ему злодѣевъ не видѣли и ни отъ кого не слышали, а только первый по злодѣѣ изъ аицкихъ казаковъ, называющійся атаманомъ, Андрей Аванасьевъ Овчинниковъ, и что они объ ономъ по присяжной должности показали самую сущую христіанскую правду, и въ томъ подписуются. Къ сему вопросу сотникъ Иванъ Мелеховъ подписался; квартирмистръ Василій Малаховъ подписался.“

в) *Донесеніе Сулина, отъ 22-го августа 1774 г. (Извлечение.)* По полученному извѣстію о занятіи государственнымъ злодѣемъ города Саратова и станицъ Волжскаго казачьяго войска, и что уже злодѣйскія его партіи волочатся въ хуторахъ войска донскаго и сдѣлали нѣкоторыя смертоубійства, здѣшнимъ войскомъ опредѣлено: въ подкрѣпленіе верховыхъ станицъ, собравъ изъ здѣшнихъ городскихъ и съ донецкихъ станицъ всѣхъ поголовно до единого служилыхъ,—состоящихъ въ льготѣ, пришедшихъ изъ арміи и всѣхъ написанныхъ въ минувшую перепись разнолѣтнихъ, малолѣтнихъ и юртовыхъ Калмыкъ,—командировать при походномъ атаманѣ Макарь Грековѣ и подковникѣ Екимѣ Карповѣ. А по таковой важной край-

ности, и прибывшимъ изъ-за Кубани полковникамъ Павлу Кирсакову, Матвѣю Паатову * и Екиму Уварову, изъ всѣхъ трехъ полковъ выбрать 1.000 человекъ добродѣтельныхъ, немедленно первымъ двумъ выступить къ Царицыну на соединеніе съ находящимися тамъ войсками, давая по часту знать о томъ подкрѣпленіи въ верховныя станицы, для ихъ ободренія; полковнику же Уварову, съ худоконными казаками, стать лагеремъ за Дономъ, противъ Черкаскаго. При семъ прилагается показаніе, отобранное отъ подосланнаго въ Иловлинскую станицу Донскаго войска отъ злодѣя Пугачева казака Черникова.

Показаніе казака Черникова, данное въ войсковой канцеляріи 22-го августа. (Извлеченіе.) Уроженецъ оный Волжскаго казачьяго войска, Антиповской станицы, зовутъ Иваномъ Борисовымъ Черниковымъ. Какъ въ ихъ станицу доходили слухи о приближеніи злодѣя Пугачева, то они, казаки, собираясь, неоднократно разсуждали къ принятію отъ того злодѣя предосторожностей. 13-го же сего августа къ нему, Черникову, на хуторъ пріѣхалъ станичный старшина, Никифоровъ, и звалъ въ станицу, говоря, что отъ злодѣя Пугачева есть къ нимъ письма съ приглашеніемъ сдаться и съ угроженіемъ, въ противномъ случаѣ, всѣхъ вырубить и жилища ихъ выжечь. Когда же на слѣдующее утро Черниковъ пріѣхалъ въ станицу, то на пристани ихъ было даже большое судно, прибывшее съ верху, съ разною изъ толпы злодѣйской сволочью, числомъ до 1.000 человекъ, изъ каторжныхъ, у коихъ коздри рваны и клеймены, которые уже, ходя по станицѣ, грабили дома; и слухъ былъ, что и тамъ злодѣи съ толпою въ близости. Почему они, казаки, собираясь раза три, разсуждали: „противу ли злодѣя идти, или побѣгомъ спасаться, или же склониться къ нему, злодѣю“.. „Напоследокъ, сожалья женъ своихъ, дѣтей и имущество, согласились, имѣя мало къ сопротивленію людей, склониться“, почему и послали навстрѣчу къ злодѣю человекъ 40 со знаменами, которые, встрѣтивъ его со всею его толпою верстъ за 7, „по наущенію лицикихъ казаковъ, пѣшіе на колѣнахъ ему поклонились съ пригнутіемъ своихъ знаменъ, причѣмъ многіе изъ нихъ, по тому же наущенію, цѣловали злодѣйскую его руку....“ „а за станицею и всѣ вышедшіе отъ стараго до малаго, мужеска и женска пола, съ образами и колокольнымъ звономъ, его злодѣя, вѣхавшаго на пѣгой лошади иноходью, также всѣ, сѣдя на колѣнахъ, встрѣтили же. А оный, злодѣй, верхи (верхомъ) поцѣловавъ у пона крестъ, прямо вѣхалъ въ станицу и въ домъ ихъ станицы казака Родиона Осипова Забуруннова со своими злодѣйскими начальниками обѣдалъ.“ А при этомъ одинъ изъ станицы казакъ, Прянишниковъ, за выговоренныя при разговорѣ съ другимъ казакомъ рѣчи, что „онъ-де не государь, а душамъ нашимъ

* Будущій наказный атаманъ и графъ.

погибнуть," по приказу его, злодѣя, ящцкими казаками повѣшены; бывшіе въ ихъ станицѣ для битвы каменье въ 20 человекъ каторжныхъ освобождены и отосланы къ главнымъ же каторжнымъ на судно; находившіяся при нихъ поручикъ и болѣе 20 солдатъ забраны въ толпу и волосы у нихъ выстрижены въ кружокъ по-казацки, а станичному атаману приказано со всеми старшинами и казаками и со знаменами за нимъ, злодѣемъ, слѣдовать. А намѣреніе злодѣя было, чтобъ идти оттолѣ на Дубовку и Царицынъ и далѣе на Донъ. На походъ же, по приказанію его, злодѣя, станичный ихъ атаманъ, нарядивъ его, Черникова, и другаго казака, обоихъ ихъ представилъ къ злодѣю, ѣхавшему верхи на лошади, который, подавъ имъ конвертъ, велѣлъ отвезти его на Донъ, въ Иловлинскую станицу, казаку Федору Аликову; однако, этотъ Аликовъ его, Черникова, съ товарищемъ, взявъ, представилъ. Въ это время у него, злодѣя, было „ящцкихъ казаковъ до 300 и, сверхъ того, разная сволочь, какъ то: казакскіе Татары, лакеи, крестьяне, ссылочныя и прочая сволочь, коихъ въсѣхъ тысячь до шести, и только почестъ оружейныхъ тысячи съ двѣ, а то все безъ всякихъ оружій, и многіе ѣдутъ въ телѣгахъ, коихъ, тожъ колясокъ и берлиновъ, коихъ въ обозѣ его состоить многое число, болѣе 500, и въ коемъ обозѣ многое число женъ и обоюго пола дѣтей."

г) *Донесеніе атамана Сулина военной коллегіи, отъ 28-го августа.* (Извлеченіе.) Изъ рапортонъ полковника Федора Кутейникова, поступившаго въ команду полковника князя Дондукова, видно, что они 9-го августа съ Калмыцкими войсками, легкою полевою командой и двумя казачьими полками выступили изъ Царицына противъ злодѣя черезъ Дубовку къ Дмитревску; а извѣстясъ, что злодѣй 6-го числа взялъ Саратовъ, а 11-го городъ Дмитревскъ (Камышинъ), они посѣдили 14-го числа занявъ позицію въ Балыклеевской Волжскаго войска станицѣ; но злодѣй предупредилъ ихъ, почему они и остановились не доходя отъ станицы на рѣчкѣ Проленкѣ, куда на утро и Пугачевъ, со всею толпою, тысячь до пяти, появился, и тамъ сдѣлалась баталія. Но со втораго пушечнаго выстрѣла Дербетева Калмыки на побѣгъ пошамъ и ни одного раза удара не сдѣлали. Однако легкая полевая команда и казаки у злодѣя *побили болѣе 500 человекъ*, у нихъ же *только одинъ казакъ злодѣями уведенъ*. А отъ плѣнныхъ слышно, что онъ, злодѣй, намѣреніе имѣть идти на Дубовку и Царицынъ, а оттуда и на Донъ, за коимъ онъ, Кутейниковъ, и слѣдовалъ. — Атаманъ же Луковкинъ доноситъ, что 17-го числа со вѣрною ему командой разбилъ злодѣйскія партіи, появившіяся вблизи Медвѣдицкихъ станицъ. Да 22-го того жъ августа выбѣжавшіе отъ злодѣя плѣнные казаки увѣряютъ, что, въ бытность ихъ въ томъ плѣнѣ, „видѣли самозванца, точнаго Амедьку Пугачева, да и жена-де его, которая изъ Зимовейской станицы взята, *съ нимъ (?)*." По рапортамъ атамана Перфильева видно, что 21-го числа Пугачевъ протащился мимо Ца-

рищина, не сдѣлавъ ему никакого вреда, а, напротивъ, предаваемъ будучи 15 верстъ; однако, при этомъ казаки Кутейникова и Грекова почти всѣ бѣжали; онъ же, Перфильевъ, дождался прибывшихъ подъ вечеръ 22-го августа передовыхъ эскадроновъ Михельсона.

д) *Донесеніе войску Донскому Качалинской станицы атамана, отъ 17-го августа 1774 г. (Извлеченіе).* Получено извѣстіе, что 16-го числа августа полковники Кутейниковъ и Грековъ, соединясь съ легкою полевой командой, Пугачева настигли на рѣкѣ Праленкѣ, и „стремительнымъ образомъ сочinea съ нимъ баталію“, толпы его разбила, но самъ злодѣй къ Царицыну и Дубовкѣ убѣжалъ. А 15-го числа получено отъ Иловлинской станицы свѣдѣніе, что за оной показалась партія изъ 5 человекъ, которая разглашаетъ, что на рѣкѣ Иловѣ еще другая партія, человекъ во сто, а кромѣ того партія отъ злодѣя послана на Медвѣдицу и Донъ, тысячъ въ девять, и слышно, что злодѣй намѣренъ кинуться на Кубань, и притомъ разбрасываетъ злодѣевъ указъ.

е) *Репортъ войску Донскому походнаго атамана Василья Перфильева, отъ 6-го сентября 1774 г. (Извлеченіе).* Злодѣй перетачился за Волгу, не болѣе человекъ въ двадцати, да человекъ по пятидесяти волочатся вверхъ по Волгѣ на рѣчку Узень, почему и примѣчается, что оный злодѣй къ Яуку или къ Башкирцамъ волочится. Изъ рапорта полковника Иловвайскаго видно, что отряженъ будучи къ Царицыну, онъ на слѣдъ его напалъ. Въ Царицынъ прибыли 1-го сентября генералъ-поручикъ Мансуровъ, а 2-го генералъ-поручикъ Сувровъ, и на сихъ дняхъ полковникъ Михельсонъ съ корпусомъ переправляется въ Царицынъ за Волгу.

ж) *Походнаго атамана Луковкина рапортъ, отъ 22-го сентября 1774 года. (Извлеченіе).* О разбитіи имъ Пензенскаго уѣзда, близъ слободы Бланды. мятежнике кой шапки, причемъ взято въ плѣнъ 97 человекъ. Изъ именнаго списка плѣнными оказывается, что большинство ихъ помѣщичьи крестьяне, частью экономическіе и однодворцы, а также три помѣщика, именно: Шацкого уѣзда, отставной корнетъ Василій Дементьевъ сынъ Васильевъ, Нижегородскаго уѣзда, отставной подпоручикъ Николай Никитинъ сынъ Чевкинъ съ женою и, того жъ уѣзда отставной подпоручикъ Александръ Лукинъ Евсюковъ.

ERRATA.

На стр. 93 вмѣсто 1.000 р. должно быть 100.000 р.